

Глава 1.

История Русской Православной Миссии в Корее

Архимандрит Феодосий (Перевалов)
*Заведующий, впоследствии начальник Российской
Духовной Миссии в Корее (1917-1930 гг.)*

Российская Духовная Миссия в Корее (1900 - 1925 гг.)

*...Идите по всему миру и проповедуйте
Евангелие всей твари. Кто будет веровать
и креститься, спасен будет,
а кто не будет веровать, осужден будет»
(Мк. XVI, 15-16)*

Приступая к составлению настоящего очерка, мы имеем в виду две главные цели: с одной стороны, нам хотелось бы отметить такое важное событие в жизни Российской Духовной Миссии в Корее как двадцатипятилетний ее юбилей, а с другой - показать насколько удалось нашим немногочисленным миссионерам исполнить свою задачу в такой языческой стране, как Корея, за вышеозначенный период времени. Т.е. показать, могли ли они исполнить большее, чем исполнили при тех скудных силах и средствах, какие имели и имеют в настоящее время.

Предлагая вниманию читателей настоящий очерк, мы считаем необходимым заметить, что все месяцы и числа, встречающиеся в книге, а также дни праздников и постов обозначены по старому стилю; причем заранее просим милостивого снисхождения к нашему слабому труду, в котором без сомнения найдутся ошибки, погрешности и т.п. Вместе с сим считаем своим непрременным долгом принести глубокую признательность бывшему управляющему Российским Генеральным Консульством в Сеуле М.Ф. Гефтлеру, любезно снабдившему нас при составлении этой книги необходимыми данными, почерпнутыми из консульского архива и других соответствующих ему источников.

Автор

Основание Миссии

Российская Православная Духовная Миссия в Корее - одна из самых молодых миссий в Православной Русской Церкви по времени своего существования. Она призвана к своему бытию в 1897 г., но фактически начала просветительскую работу только с 1900 г., т.е. ровно 25 лет тому назад.

Основание Миссии вызвано было развитием русского влияния в Корее¹, бывшего довольно сильным в 90-х годах прошлого столетия, когда в Сеуле и других, более густо населенных пунктах полуострова, находились значительные русские колонии с многочисленным русским людом.

Впервые мысль об открытии Миссии подал один из чиновников нашей Дипломатической Миссии в Корее Н.А. Шуйский и вслед за ним, несколько времени спустя, З.М. Поляновский. Первый в одном из своих докладов писал еще в 1889 г. следующее (приводим полностью, как документ, имеющий историческое значение):

«Географическое положение Кореи, а равно и политическое состояние ее, придают важное значение этой стране для русских государственных интересов, и таковое значение ее еще будет возрастать вместе с, несомненно, предстоящим усилением двух соседних нам азиатских держав: Китая и Японии. Это должно побуждать нас озаботиться изысканием мер к приобретению там культурного влияния как составляющего фундамента, на котором строится влияние политическое. Культурное влияние слагается главным образом из трех элементов: 1) из влияния торгово-промышленного, путем водворения в стране иностранных предпринимателей и купцов с их капиталами и товарами; 2) из влияния интеллектуального, путем снабжения страны избытком иностранных интеллигентных сил в виде специалистов по разным отраслям знания и, наконец; 3) в некоторых случаях, как например в данном, из религиозного воздействия, путем деятельности миссионеров. Достигнуть желанной цели двумя первыми пу-

тями для нас было бы задачей весьма затруднительной, почти невозможной, в виду превосходства над нами в этом отношении западноевропейских держав, располагающих большими средствами, чем те, на какие мы можем опереться. Остается, следовательно, только поприще православной миссионерской деятельности, посредством которой могло бы образоваться со временем тяготение туземного населения к России, тяготение не только в сфере религиозной, но и культурной вообще, так как православие, служа знаменем нашей народности, тесно связано со всеми другими сторонами нашей государственной и общественной жизни.

Помимо этого главного основания для устройства в Корею Православной Миссии, имеются еще другие побудительные причины к тому², из коих одна, особенно заслуживающая внимания, заключается в приобретении этим путем средства противодействовать иноверной пропаганде в Корею - католической и протестантской. Первая из них возникла еще во второй половине прошлого столетия³, и хотя успехи ее и были задерживаемы строго охранявшейся недоступностью страны для иностранцев, а также преследованиями туземцев христиан, доходившими иногда до массового истребления, но в настоящее время положение дел совершенно изменилось. Изолированности страны положен конец, а против преследований католическая пропаганда получила теперь надежную опору во Франции, которая, заключив недавно договор с Кореей, приняла на себя обязанности содействовать распространению католичества и в этой стране. Положим, что в корейско-французском трактате, так же как и в трактатах, заключенных прочими державами с Кореей, не упоминается о праве иностранцев проповедовать свою религию в стране, но, как выяснила практика, это ограничение сводится только к не разрешению проводить богослужения в специальных, особо для того отведенных, помещениях вне европейских поселений и, следовательно, легко может быть обойдено устройством церквей в виде принадлежности частных домов. Таким

образом, католичеству предоставляется полный простор на-верстать то, чего не было достигнуто им за прежнее время.

Принимая во внимание, с одной стороны, крайнюю неустойчивость политического положения страны, а с другой - истонное стремление католических вероисповедников к приобретению политического влияния, легко допустимо предположение, что наличное число корейских политических партий впоследствии увеличится еще за счет новой, которая, несомненно, будет враждебна нам уже по одному тому, что она католическая. Как всякая политическая партия, она, конечно, будет стремиться к захвату власти и, руководимая такими опытными мастерами интриги, каковыми являются иезуиты, может даже добиться видного положения, что, несомненно, будет сопровождаться такими осложнениями международного характера, в которых мы вовсе не заинтересованы.

Что касается протестантской пропаганды, то представители ее, члены разных американских обществ, появились в Корее с 1884 г. И пока еще не приступили серьезно к осуществлению цели своего прибытия, будучи отвлекаемы от нее представлявшимися им возможностями извлекать из страны, под разными предлогами, денежные средства в свою пользу. Но такое положение не может сохраниться слишком долго, и протестантские миссионеры обратятся, наконец, к своим прямым обязанностям, исполняя которые они вряд ли будут иметь в виду выгоды России. Наконец, еще одним основанием для появления в стране наших миссионеров служит то обстоятельство, что по самому роду своей деятельности, стоя близко к населению и имея вследствие того больше средств для изучения страны, чем люди другой профессии, они могли бы снабжать правительство необходимыми с точки зрения наших государственных интересов сведениями, без которых делается иногда затруднительным правильная постановка вопросов чисто политических.

Обращаясь к рассмотрению местных условий, при которых пришлось бы трудиться нашей Духовной Миссии в Корее, а именно к нынешнему положению страны в религиозном

отношении, нельзя не назвать условия эти весьма благоприятными для успеха православной проповеди там. Духовные потребности населения удовлетворяются в Корее тремя религиями: конфуцианством, буддизмом и шаманством, из которых первая, едва ли, впрочем, может быть названа религией, потому что представляет собою только кодекс нравственных правил, отчасти поднимающихся даже до высоты христианской морали, отчасти же проповедующих узкий обиходный эгоизм и ничего не говорящих живому религиозному чувству; последнее даже и не имеется в виду конфуцианством, так как оно тщательно обходит вопросы, вводящие человека в мир сверхчувственный. Тем не менее, как представляющая собой цельное определенное мировоззрение, предрасполагающее своих последователей к рационализму, система конфуцианства могла бы оказать, хотя бы пассивное сопротивление мировоззрению иного характера, если бы находилась в тех же условиях, как в Китае, где благодаря обилию школ, она распространена довольно равномерно в массе населения. В Корее же ее значение много слабее, так как конфуцианские идеи знакомы лишь обособленному от остального населения высшему сословию, составляя для него официальную религию - нравственный кодекс, в среду же народа почти не проникает, за отсутствием путей для того.

Большую силою сопротивления обладает буддизм с его универсальным характером, грандиозностью миросозерцания, тонкой диалектикой и, наконец, боевой организацией, напоминающей отчасти католическую. С такой силой не легко было бы не считаться, если бы буддизм в Корее был в полном расцвете своих сил, но на самом деле этого не только нет, но можно утверждать, что ни в одной из стран, исповедующих теперь эту веру, последняя не находится в состоянии такого глубокого упадка, как именно в Корее. Появившись в ней еще в IV веке по Р.Х. буддизм пулто (по местному произношению) успел не только сделаться господствующей религией, но благодаря умственному богатству, принесенному им с

собой, приобрел видное политическое значение, усилившись до такой степени, что буддийские монахи занимали высокие административные должности и даже командовали армиями. Но, увлекшись политической ролью, добившись власти, буддийское духовенство стало уже пренебрегать теми средствами, какие обеспечили им успех, перестало учиться и учить, отвернулось от народа, и вместо того чтобы облегчить ему бремя жизни, само легло на его плечи бременем. Покинутая своими духовными вождями народная масса обратилась к своей прежней забытой вере: шаманство, казалось, искрененное усердием буддийских миссионеров, снова ожило и сделалось для значительной части населения тем, чем раньше была религия Будды. Потеряв опору в народе и спустившись в умственном и нравственном отношениях даже ниже общего уровня, буддизм мог продолжать играть свою роль только при поддержке случайно сложившихся благоприятных для него обстоятельств, и потому, когда последние изменились в связи с заменой династии, покровительствовавшей буддизму, в 1392 г. - буддийское духовенство потеряло всякий престиж и сделалось в глазах населения предметом презрения, символом невежества, тунеядства и распущенности. Попытка Дяинь-куна (Тэ-вон-гуна), отца нынешнего короля, в бытность его регентом воскресить бывшее значение буддизма в стране, чтобы воспользоваться им для противодействия начавшемуся распространяться христианству, а также и для того, чтобы найти в нем опору для продления своей ускользавшей у него из рук власти, окончилась неудачей не потому только, что была кратковременна, но главным образом потому, что буддизм в Корее уже был осужден историей на гибель. Только в южной части полуострова он сохранил еще искру жизни, но и ей, без сомнения, суждено было потухнуть.

Последнее обстоятельство указывает на то основание, которого было бы желательно держаться при устройстве там нашей Духовной Миссии. Так как она тем успешнее будет действовать, чем меньше встретит сопротивления, что важно

в особенности в начале, то и наиболее благоприятным поприщем для нее была бы северная Корея, где буддизм никогда не был силен, шаманство же его заменяющее и там, как и везде, не обладает силой для сколько-нибудь серьезного сопротивления. Первыми миссионерскими станциями всего удобнее было бы выбрать одну в районе наших торговых сухопутных сношений с Кореей, а другую - в самой столице, чтобы таким образом наши правительственные агенты в Корее могли оказывать большее содействие делу, конечно, в пределах, предписываемых благоразумием.

При дальнейшем развитии православной проповеди существенную поддержку для нее могло бы послужить образование с этой целью миссионерской школы во Владивостоке, в котором подготовлялись бы к миссионерскому служению молодые корейцы из числа переселившихся в Россию. Воспитанные в России и русской обстановке, они могли бы сделаться прекрасными помощниками миссионеров чисто русского происхождения и значительно содействовали бы упрочению симпатий к России своих соплеменников, находившихся под корейской властью. Кроме того, эта школа могла бы удовлетворить ощутимую потребность (которая с развитием нашего общения с Кореей, еще будет увеличиваться) в добросовестных и знающих переводчиках при работе наших властей с корейцами как в пределах Кореи, так и в самой России, где корейских переселенцев имеется уже значительное количество. Осуществление всех этих мероприятий не сопровождалось бы сколько-нибудь значительным отягощением государственного бюджета, если обратить на это дело часть сумм, доселе отпускаемых на содержание нашей Духовной Миссии в Пекине. Миссия эта, некогда исполнявшая двойные обязанности и дипломатические и религиозные, была в то время необходимой и даже заслуживала несравненно большей поддержки, чем та, которая ей оказывалась. Но в настоящее время, с учреждением в Пекине нашего дипломатического представительства, за ней остаются только обязанности рели-

гиозного характера, и в этом отношении ее организация несоразмерна с целями ее существования. Если имеется в виду не пропаганда, а только поддержание с помощью означенной Миссии православия в среде уже принявших его туземцев, что, насколько я могу судить, действительно так, то для этого средства ее слишком велики, потому что так называемые албазинцы образуют лишь незначительный приход, для удовлетворения нужд которого было бы вполне достаточно одного или двух иеромонахов. И, казалось бы, нет достаточных оснований иметь таковых лиц в количестве четырех и еще архимандрита. Таким образом, оставшиеся за сокращением штата Духовной Миссии в Пекине свободные суммы могли бы быть обращены на устройство более важной для нас в государственном отношении Духовной Миссии в Корее, а если к этим суммам потребуются впоследствии дополнительные из государственного казначейства, то в размере незначительном»⁴.

Второй чиновник Дипломатической Миссии в Корее (З.М. Поляновский) направляет своему начальству письмо, касающееся вышеизложенных вопросов (от 3 января 1897 г.). В нем говорится:

«По долгу службы и по обязанности православного христианина беру смелость представить на благоусмотрение Вашего Превосходительства⁵ нижеследующие соображения:

В настоящее время православное население г. Сеула состоит, кроме членов Миссии, из: 1) четырех офицеров и 14 нижних чинов, занимающихся обучением охранной гвардии Его Величества Короля Кореи - 18 человек; 2) военного агента, его помощника и 3 нижних чинов, состоящих при нем - 5 человек; 3) 2 офицеров десанта, состоящих при Миссии и приблизительно 90 человек нижних чинов - 92 человека; 4) учителя русской школы и 5) около 30 человек русских подданных православных корейцев, служащих по найму переводчиками в разных сеульских министерствах. В общей сумме все православное население г. Сеула доходит, таким об-

разом, в настоящее время до полутораста (150) человек. Ввиду отсутствия в г. Сеуле православной церкви и священника православное население терпит неисчислимые лишения, не имея возможности удовлетворять свои духовно-религиозные потребности. Для примера укажу на возможность умереть без покаяния, угрожающую каждому из православных жителей Сеула и составляющую для христианина одно из самых ужасных несчастий.

Позволяю себе обратить особое внимание Вашего Превосходительства на последнюю группу перечисленного мною русского населения Сеула, т.е. на православных корейцев. Имея с ними, по исправляемой мною должности вице-консула, постоянные сношения, я пришел к убеждению, что религиозные потребности у них в настоящее время существуют в довольно сильной степени, но что вместе с тем есть большая опасность, что если потребностям этим не будет дано надлежащее удовлетворение, то они, пожалуй, начнут гложуть. И при здешних неблагоприятных условиях может случиться, что через год-другой прежнего христианина не легко будет отличить от корейца-язычника. В первом меня убеждает та искренняя радость, с которой здешние православные корейцы отозвались на мое предложение собираться у меня в дни больших праздников для совместной молитвы, а равно тот факт, что большинство из них окончило миссионерские школы в Южно-Уссурийском крае, а во втором - то, что православные эти, по их собственному признанию, употребляющие (особенно из молодых) все свободное время на духовное пение, приехали сюда, не имея с собой ни одной богослужебной книги, ни одного экземпляра Евангелия, ни одного образа.

В виду всего вышеизложенного, казалось бы, является делом первостепенной важности немедленная присылка в Сеул православного священника и принадлежностей временной церкви, в приискании для которой временного помещения вряд ли встретило бы затруднение. Что же касается постоянного православного храма, то я убеждаюсь, что если бы было

признано возможным образовать общество для сбора пожертвований для сооружения храма в Сеуле, то прилив таковых из России в непродолжительном времени позволил бы приступить к святому делу построения православного храма»⁶.

Два приведенных доклада оказали свое действие на высшие сферы Петербурга и дошли до сведения Св. Синода.

Синод, идя навстречу добрым пожеланиям верных чад своих, с Высочайшего⁷ соизволения Государя Николая II благословил открыть в 1897 г. Православную Духовную Миссию в Сеуле, на общих для наших заграничных Миссий основаниях⁸.

Цель Миссии - обслуживание духовных потребностей русских православных людей, проживающих в Корее, и по возможности насаждение св. Веры среди местного туземного языческого населения.

Для вновь учрежденной Миссии в том же 1897 г. был Высочайше утвержден штат служащих в составе трех человек: архимандрита, иеродиакона и псаломщика, с положенным от казны содержанием в 6 870 руб. в год. Из этой суммы причитается архимандриту - 3 000, иеродиакону - 2 000, псаломщику - 1 500 и на наем сторожа и прислуги 370 руб. в год. Впоследствии, когда дело Миссии стало расширяться, к означенной сумме была доассигнована новая, дополнительная, специально для школ, учителей и катехизаторов в размере 3 300 руб. в год.

Таким образом, общий бюджет Миссии стал выражаться в сумме 10 170 руб. в год. Кредит отпускался Хозяйственным Управлением при Св. Синоде непосредственно по полугодиям, в виде перевода на один из местных банков. В таком виде Миссия получала деньги до 1917 г. включительно, т.е. до начала революции в России или, вернее сказать, до захвата государственной власти коммунистами.

Единовременно с утверждением штата выдана была сумма на устройство и обзаведение зданий, а также собрана некая сумма от доброхотных дателей; в общем, та и другая составили 33 152 руб. 20 коп. Само собой разумеется, что при

таких скромных ресурсах нельзя было рассчитывать на сооружение приличного постоянного храма, на что пошло бы, по крайней мере, 30-40 тыс. руб. Поэтому мысль о постройке церкви с первого же раза была отложена на неопределенное время и выстроено было лишь то, чего требовала в данном случае самая насущная необходимость.

В административном отношении Миссия подчинена была сначала петербургскому Митрополиту (с 1897 по 1908 г.), а затем Владивостокскому Архиепископу (с 1908 по 1923 г.)⁹ и, наконец, с 1923 г. поступила под руководство Японского Архипастыря,¹⁰ в ведении которого и находится в настоящее время¹¹.

Первый состав Миссии во главе с Архимандритом Амвросием

В первый состав Миссии вошли Архимандрит Амвросий¹², иеродиакон Николай (Алексеев)¹³ и псаломщик А.В. Красин¹⁴. Означенные лица, получив назначение и заручившись всем необходимым для богослужения на чужбине, в начале 1898 г. отбыли к месту нового служения.

Ехали они с большими надеждами на «доброе будущее», пылая жаром ревности к просвещению язычников. Но, к несчастью, как раз к этому времени обстоятельства сложились так, что миссионеры, не успев достигнуть границ «земли обетованной», принуждены были в конце дороги остановиться и здесь сидеть у моря и ждать погоды в буквальном смысле этого слова.

Дело обстояло так: русский престиж, поднимавшийся до сего времени в Корею с невероятною быстротою, вдруг стал с такою же поспешностью опускаться вниз, и вместо влияния русского в стране стало расти влияние японское¹⁵. Вследствие такой политической пертурбации, столь неожиданно происшедшей, когда власти корейские настроены были уже не в пользу русских, нашим путникам сразу был прегражден дальнейший путь.

В ожидании благих результатов от начавшейся переписки по данному случаю между Петербургом и Сеулом миссионеры временно приютились во Владивостоке, а потом, чтобы не тратить времени напрасно, перекочевали в Новокиевск¹⁶, где и занялись изучением корейского языка среди местных старожилов корейцев (уссурийских), владеющих своею корейской и русской грамотой¹⁷.

Проживая в Новокиевске, отец Амвросий иногда служил в одной из полковых церквей поселка¹⁸ и здесь, пользуясь свободой слова, произносил громоподобные проповеди (на что он был большой мастер) с жаром ревности древнего пророка. В проповедях своих он обычно не щадил никого и ничего, бичевал всех, кто попадался ему на зубок, не исключая даже сильных мира сего. Особенно доставалось офицерам и чинам военного ведомства за их якобы беспечную и разгульную жизнь, позорящую, по его словам доброе русское имя среди инородцев окраины.

Военные со своей стороны не оставались в долгу. Они тут же стали строчить донос за доносом на «строптивого» архимандрита и отправлять, кому следует. В результате этой неравной борьбы, к общей радости доносчиков, «грозный ратоборец», не увидав «жребия» своего нового служения, отозван был обратно в Петербург, где и получил новое назначение. Этим, собственно, и закончилась его миссия в Корее¹⁹.

С отъездом о. Амвросия вскоре также отбыл псаломщик А.В. Красин, променявший миссионерскую службу на службу банковского «дельца», и из трехчисленного состава миссии остался только иеродиакон Николай. Последний решил, во что бы то ни стало, ожидать благих результатов и, нужно сказать, в ожиданиях своих не ошибся. Действительно ему скоро пришло разрешение от Корейского Правительства на беспрепятственный въезд в Корею. Можно себе представить с какой радостью он принял это известие, после двухлетнего томления в невзрачном пустынном Новокиевске, где кроме солдат и лагерей военных, никого и ничего не было.

Рассказывают, что когда о. Николай получил это разрешение, то он на радостях купил себе ослика, чтобы отправиться на нем сухим путем в Сеул. «Злые языки», подсмеиваясь, говорили: »Наш отец Николай хочет совершить торжественный въезд в Чосонскую столицу наподобие библейского Пророка встречаемого множеством народа и восклицаниями: «айгу, айгу, араса, сарамие!»²⁰ Действительно история с осликом не лишена была своего рода комизма. Прежде чем оставить Новокиевск, о. Николай решил сделать прощальные визиты своим знакомым корейцам в соседнем селении Янчихэ, находящемся от Новокиевска в 2-3 верстах. Для большей эффективности он воссел на «осляти» и в сопровождении уличных мальчишек, глазевших на «коня» и «всадника», начал торжественное шествие. Нужно было переехать речку, отделявшую поселок от селения. В сухое время года речка представляет собой не что иное, как ничтожный ручеек, через который можно перепрыгнуть, а в дождливое время она разливается на 20-30 сажен и делается довольно глубокой, хотя местами все же можно переехать ее вброд, если только конь мощный, и может противостоять быстроте течения реки. Как раз в это время был полный разлив речки, бушевавшей, бурлившей и с шумом несшейся в море. О. Николай, несмотря на все угрозы расвирепевшей стихии, самым мирным образом погрузился в пенящиеся воды на своем импровизированном коне, надеясь, что доброе животное вывезет его благополучно на противоположный берег. Ослик шел сначала ничего, ровно, спокойно, без всяких капризов. Но вдруг, дойдя до середины, остановился как вкопанный. Всадник, считая, что животное испугалось, стал его гладить, ласкать, упрощать: «миленький, хорошенький!» и т.д., но осел не двигался. Тогда на голову упрямыца посыпались пинки, щелчки и нелестные эпитеты, но тот продолжал стоять на своем. Между тем прошло 10-15 минут обоюдного испытания характеров «словесного» и «бессловесного», но ни тот, ни другой не сдавались друг другу. Собралась, между прочим, досужая публика, охочая

до всяких зрелищ, посмотреть на это даровое представление. Посыпались шутки, прибаутки и всякого рода остро-ты в адрес «коня» и «всадника», но осел не обратил на это внимания. Седоку ничего не оставалось делать, как сойти с упрямого «коня» и погрузиться по пояс в холодный поток. Лишь только он это проделал, как осел при неистовом хохоте собравшейся толпы двинулся самым спокойным образом в дальнейший путь. Седок, проклиная осла, по пояс в воде шествовал за ним. Однако упрямство не прошло даром ослу. Разгневанный хозяин не замедлил сбить его в другие руки и направился в Корею морским путем на пароходе.

Эпизод этот сам по себе, конечно, ни о чем не говорит, но он характеризует легкость нрава о. Николая, отличавшегося своими «детскими» причудами, часто вредившими ему по службе.

Распрощавшись с Новокиевском и забрав весь свой скарб и церковное имущество, привезенное из Петербурга, о. Николай в половине 1899 г. благополучно достиг Сеула²¹. В Сеуле в то время не было ни места, ни пристанища, где бы мог он остановиться, поэтому, в ожидании будущего начальника Миссии, ему пришлось временно приютиться при нашей Дипломатической Миссии в доме г-на Поверенного в Делах.

Итак, о. Николай первый из русских православных миссионеров вступил на корейскую землю, первый познакомился с бытом, нравами и обычаями страны и народа, первый, если можно так выразиться, положил молитвенное начало основанию будущей Миссии.

Второй состав Миссии во главе с архимандритом Хрисанфом (Щетковским)

Вместо о. Амвросия на вакантную должность начальника Миссии назначен был архимандрит Хрисанф²² и при нем псаломщиком, друг его и однокашник Иона Левченко²³. Посланные без всякой задержки со стороны корейских властей благополучно достигли Сеула. Прибыли они в первых чис-

лах января 1990 г. Помещений для их проживания не было, поэтому им пришлось разместиться, кто как мог, как умел, на частных квартирах.

С прибытием миссионеров, им предстояла неотложная работа по устройству церкви, конечно временной, где они могли бы совершать богослужения, тем более что русские, проживающие в то время в Корее, в течение нескольких лет находились без пищи духовной, следовательно, изголодались по таковой, настойчиво требовали ее. Этот голод нужно было скорее удовлетворить, т. е. насытить всех: кто алкал – накормить, кто жаждал – напоить. Действительно, с этой стороны они достигли того, что и храм появился, и богослужение началось в самом непродолжительном времени.

Устройство церкви при дипломатической миссии в Сеуле

Церковь в разобранном виде (походная) была доставлена о. Николаем, иконостас же для нее и иконы пришли морским путем, через Одессу. Теперь и то и другое требовалось собрать, привести в должный порядок, расставить в удобном для богослужения помещении, но помещения, к сожалению, не оказалось. Миссионеры были в большом затруднении. На выручку к ним пришел наш Поверенный в Делах А.И. Павлов²⁴. Последний, узнав, в чем дело, с любезностью доброго русского барина прежних времен предложил им одну из лучших комнат своей квартиры (гостиную, вмещавшую до 60 человек молящихся) для этой святой цели. Миссионеры с радостью приняли предложение милого хозяина и тут же, не откладывая дела в долгий ящик, приступили к установке иконостаса и др. необходимых для богослужения частей храма. Через одну - две недели церковь была уже оборудована и приготовлена к освящению.

Освящение состоялось в один из ближайших воскресных дней после окончания работы, а именно: 17 февраля 1900 г. в день памяти св. Мученика Феодора Тирона. Чин освящения совершал о. Хрисанф с причтом, в торжественной в данном

случае обстановке, при пении матросов с канонерской лодки «Отважный», прибывших специально из Чемульпо на это исключительное для Кореи торжество. На освящении, кроме русской колонии во главе с г-ном Павловым, присутствовали чины Корейского двора, представители Дипломатического Корпуса, печати и другие лица. Вновь освященная церковь посвящена памяти св. Чудотворца Николая (6 декабря), небесного патрона государя Императора Николая II.

Нужно отметить, что покойный государь очень сочувственно относился к делу основания Миссии в Корее, поэтому вполне естественно освящение церкви во имя св. Николая.

На следующий день после освящения местные газеты оповестили жителей страны о состоявшемся русском торжестве и первом православном богослужении в Сеуле, причем поместили прочувствованные статьи по адресу русской церкви вообще и ее древнего православия в частности.

Итак, актом освящения церкви было положено начало основания Миссии и миссионерской деятельности в стране. Отсюда самый день 17 февраля 1900 г. стал для Миссии днем историческим, днем святым, днем благословения Божия на все труды в будущем.

Архимандрит Хрисанф как проповедник

Первой проповедью архимандрита Хрисанфа стало выступление со словом Божиим перед русско-подданными корейцами, проживающими временно в Сеуле, в числе 30 человек. Корейцы эти состояли переводчиками у русских офицеров и др. чинов, находившихся на службе у корейского Правительства. С утратой русского влияния в стране, когда военные инструкторы и пр. служилые люди отозваны были обратно в Россию, переводчики их остались не у дел, почти без всяких средств к существованию. Среди этих-то заброшенных судьбою корейцев, лишенных насущного куска хлеба, и начал вести свою проповедь вновь прибывший миссионер.

Переводчики еще раньше, как только узнали о приезде о. Хрисанфа, сочли нужным явиться к нему, поздравить его с благополучным прибытием. О. Хрисанф со свойственным ему радушием принял их, обласкал и из расспросов узнал, что все они православные, где-то когда-то крестились, но, живя за границей среди язычников, забыли все, чему их учили перед крещением, не помнили даже имен своих христианских, не говоря уже о вопросах веры.

О. Хрисанф стал, не теряя времени, обучать вере и нравственности этих людей, ведя с ними беседы на духовно-религиозные темы; причем оделил всех крестиками, иконками, грамотным роздал по Евангелию и молитвеннику, снабдил брошюрами религиозно-нравственного содержания и т.д. В результате добился того, что все они на одной из ближайших недель Великого поста благоговейно поговели, чистосердечно покаяться и сподобились причаститься Св. Христовых Таин, причем дали зарок исправиться и начать жить по Христовым заповедям.

После пищи духовной нужно было позаботиться ему также о пище телесной этих брошенных на произвол судьбы людей, не имевших ни заработка, ни пропитания. Заботясь о том, чтобы избавить их от вопиющей нужды, он предложил некоторым из них быть у него переводчиками и учителями в школе, которая должна была вскоре открыться.

Укрепив ближайшую свою паству пищею духовною и телесною, о. Хрисанф перенес поле деятельности в среду язычников.

Язычники еще раньше, с самого приезда русского «Тэ-синбу»²⁵, заинтересовались его личностью и всячески старались познакомиться с ним поближе. Они стали осаждать его квартиру и расспрашивать: кто он, что намерен делать, каковы его вера и учение и т.д. О. Хрисанф удовлетворял насколько возможно интерес каждого, причем сам со своей стороны старался лучше узнавать внутреннюю сторону их жизни, особенно жизни духовной. Когда посетителей соби-

ралось более или менее значительное количество, тогда он от обычных общежитейских разговоров переходил к собеседованию по вопросам веры и жизни христианской. Беседы часто затягивались за полночь, что было делом далеко не легким для одного человека, тем более что собеседники являлись, чуть ли не каждый день, причем просиживали у батюшки целыми часами. Чтобы облегчить свой труд, он решил разделить его между всеми членами причта так, чтобы каждый имел свой день, свою очередь: но и в этом случае о. Хрисанфу как старшему среди своих сослуживцев приходилось заниматься с посетителями больше, чем другим членам Миссии.

Сначала на собеседования приходили только мужчины, потом выразили желание бывать на таковых и женщины. Но здесь пришлось встретиться с вековыми предрассудками страны, препятствовавшими женщинам появляться в обществе мужчин, как равно и мужчинам в обществе женщин. Женщина по корейским понятиям есть низшее, недостойное мужского содружества существо: она не может ни сидеть вместе, ни идти, ни вступать в разговоры с женщиной, особенно посторонним. Все это было бы с ее стороны верхом неприличия. Ее роль в доме, роль - скромной хозяйки-труженицы, занятой с утра до вечера домашним очагом, хотя временами корейская женщина так же, как и всякая другая, может высказывать свое собственное мнение, даже прикрикнуть на мужа, если он ведет себя недостойно по отношению к своей семье. В виду такой обособленности полов пришлось устраивать отдельные собеседования: одни - для мужчин, другие - для женщин. Но и в этом случае женщины все же шли как-то неохотно к мужчине-проповеднику²⁶.

Впрочем, религиозный пыл корейцев скоро остыл, любознательность пропала, и сама аудитория проповедника опустела. Однако о. Хрисанф все же не терял надежды на приобретение прозелитов, старался привлечь их к себе и привести в лоно церкви Христовой; но, к сожалению, другие дела, не терпев-

шие отлагательства, воспрепятствовали ему в этом деле, и он волею-неволею принужден был оставить его до поры до времени.

Попытка перевода богослужебных книг с русского на корейский язык

Среди трудов благовестничества о. Хрисанф предпринял другие, не менее важные по переводу богослужения с русского на корейский. Он исполнял их при помощи тех же русско-подданных корейцев-переводчиков, поступивших к нему на службу.

О трудах этих он писал в одном из своих донесений в Св. Синод следующее: «При переводах своих руководился таким образом: славянский текст молитв переводил предварительно на русский язык, слова последнего тщательно объяснял сотрудникам и в отдельности и в связи с последующими. Когда текст молитв становился для них более или менее ясным, тогда буквально переводил его на туземный язык. Затем при помощи англо-русско-французских словарей проверяли каждое слово. Наконец, как русский, так и корейский текст молитвы читал тем из переводчиков, которые не участвовали в переводе данной молитвы. Выслушав последних, тут же делал исправления в тексте молитв, заменял некоторые слова понятными и употребительными выражениями. Таким способом перевел начальные молитвы, краткий молитвослов, Символ Веры и 10 заповедей закона Божия²⁷. Скоро, однако, такой кропотливый труд был признан непригодным из-за обилия погрешностей в тексте. Тогда о. Хрисанф задумал прибегнуть к другому способу переводов, более облегченному.

Зная, что более или менее образованные корейцы понимают китайскую письменность (иероглифы)²⁸, и могут помочь ему в переводах с китайского, он обратился к начальнику Пекинской Духовной Миссии Архимандриту Иннокентию

(Фигуровскому)²⁹ с просьбою выслать ему вероучительные и нравоучительные книги на китайском языке, с которых он мог бы сделать интересовавшие его переводы. О. Иннокентий охотно согласился исполнить просьбу почтенного Архимандрита и выслал ему по одному экземпляру всех имевшихся у него под рукой книг.

С получением книг дело перевода упростилось. Теперь оставалось только расшифровывать написанное. Приступили было к работе, но, к несчастью, это так же, как и первое не было исполнено. Причина была в том, что вскоре по получении книг о. Хрисанфом в Пекине вспыхнуло неожиданно в июне 1900 г. грандиозное по размерам и жестокости народное восстание, известное под названием боксерского, когда расвирепевшие мятежники предавали огню и мечу все чужое, иноземное и в том числе христианские миссии. Больше всех пострадали русская православная³⁰. О. Иннокентий, лишившись всего имущества и главным образом очень ценной миссийской библиотеки, принужден был затребовать книги из Сеула обратно в Пекин, с тем, чтобы снять с них копии. Вот что он написал по этому поводу в своем письме на имя о. Хрисанфа от 17 августа 1900 г.: «Наша осада окончилась, все мы остались живы. Миссию свою я перевел в кумирню Юнха-чунь. От прежней осталась одна груда мусора. Все вещи и книги сгорели. Я очень рад, что успел по Вашей просьбе по одному экземпляру всех наших переводов переслать Вам. Теперь думаю снять с них копии и некоторые книги издать вновь. Поэтому покорнейше прошу выслать их мне вновь, обещаюсь вскоре возвратить обратно»³¹.

Итак, вышеозначенным событием неожиданно случившимся, уничтожившим многолетние труды пекинских миссионеров³², о. Хрисанф снова был поставлен в положение человека, потерявшего свой плуг. В дальнейшем, при всем своем желании, он не в состоянии был продолжать намеченную работу, так как к тому времени подоспели уже другие дела, не ждавшие отлагательства³³.

Открытие первой школы при Миссии

Хорошо организованная школа, как известно, является одним из лучших проводников религиозно-нравственного просвещения в народе, особенно школа церковная, миссионерская, обращающая усиленное внимание на дух воспитания юношества. О. Хрисанф, сознавая значение просвещения вообще и христианского в частности, не замедлил открыть школу для детей корейцев в первый же год своего пребывания в Сеуле, а именно 15 октября 1900 г.

Школа помещалась сначала в наемном доме, а потом, с постройкой миссионерских зданий, переехала в отведенное ей помещение. Содержание для школы осуществлялось в первые два года за счет личных средств о. Хрисанфа, затем были отпущены некоторые суммы, но в очень ограниченном количестве.

При школе был открыт пансион для двух-трех мальчиков-сирот, которые содержались за счет о. Хрисанфа; остальные ученики были приходящие, ничего не получавшие от Миссии, кроме учебников и письменных принадлежностей.

В программу обучения входили предметы элементарной грамотности, и в том числе корейский и русский языки. Изучение последнего проходило вяло, ибо русский язык утратил к тому времени свое значение в стране.

Количество учеников в первый учебный год было 12, во второй - 10, в третий и четвертый - по 8 человек. Причина уменьшения учащихся - недостаток средств, как о сем свидетельствовал сам о. Хрисанф в одном из своих донесений в Св. Синод, но нам известно, что она крылась не столько в недостатке средств, сколько в неподготовленности учительского персонала из числа корейцев, не сумевших поставить дело правильно и тем заинтересовать своих маленьких учеников. Во всяком случае, школа вскоре стала хиреть, и с началом русско-японской войны была закрыта до другого более благополучного времени.

Сооружение миссийских зданий в 1901-1902 гг.

Среди разнообразных форм миссионерской деятельности о. Хрисанфу пришлось предпринять другие более сложные труды, требовавшие особенного внимания, в частности труд по сооружению миссийских зданий, где можно было бы вести миссионерское дело.

Земельный участок для этой цели приобретен был еще раньше, в 1898 г. через посредство нашего Поверенного в Делах Н.Г. Матюнина, купившего у разных владельцев земли частями, прилегавшими одна к другой. Большая часть земли принадлежала местной французской католической Миссии, меньшая - частным лицам. Земля как тех, так и других владельцев равнялась 1231 кв. цубо³⁴, за первую часть уплачено было 10654, за вторую - 821, а всего 11475 мексиканских долларов³⁵.

Покупка земли произведена у французских католиков под предлогом для надобностей русско-корейского банка, функционировавшего в то время в Сеуле, иначе последователи «непогрешимого Рима» не согласились бы продать свое достояние «схизматикам», особенно, если бы узнали, что она предназначается для Православной Миссии. Когда же католики об этом узнали, они стали метать «гром» и «молнию» на покупателей и комиссионеров, устроивших сделку, но было уже поздно, дело сделано, купля совершилась. Главное лицо по продаже земли еп. Мютель, до ныне здравствующий, никак не может себе простить этой оплошности, он до сих пор со вздохом вспоминает про лета давно минувшие и бранит себя за доверчивость к русским. «Одни только русские, - говорит он, - могли меня так провести, и, кажется, никто более».

Первоначальная история означенного участка земли по своему интересна. Дело обстояло так.

Корейский король Ли-хи Сюган Тхэ-хан-дэ³⁶, в то время царствовавший, желая выразить особенное расположение

к Русскому Царю, задумал преподнести ему в дар участок земли для будущей, еще проектировавшейся тогда Духовной Миссии в размере 600 кв. саженей, смежный с нашей Дипломатической Миссией, т.е. тот самый, на котором находится ныне Православная Миссия. Он был облюбован заранее русскими для этой цели, но последние почему-то медлили с его покупкой. Корейский король купил его, или, вернее, передал деньги на его покупку (12000 мекс. долларов), у местного французского епископа Мютеля и др. частных лиц (домовладельцев-корейцев). Передавая дар, царственный повелитель снабдил его соответствующей грамотой с приложением своей печати. Текст грамоты приводим в переводе с корейского на русский язык буквально, как он есть: »Я (Король) купил участок земли, принадлежащий корейцам и французам, специально для того, чтобы одолжить его в пользование господину Императорскому Российскому Поверенному в Делах в Сеуле г. Шпейер для постройки потребных Российскому Правительству в Сеуле зданий.

Границы их следующие: с востока от западной стены Русской Миссии (дипломатической) до западной стены патронного склада и восточной стороны Чонидонской улицы. С севера - от южной границы дома товарища министра Ким-хон-нюк и с северной стороны патронного склада до северной стороны улицы перед патронным складом.

Наше Правительство заменило бывшие купчие ведомости новыми. Кроме этого, Я приложил Императорскую печать в доказательство очевидности вящего скрепления дружественных уз между обоими государствами и поэтому издал сей указ.

Гуан-му. 2 год. 1 месяц»³⁷.

С получением дарственной, наш Поверенный в Делах в Корее А.Н. Шпейер телеграммой своей от 19 января 1898 г. на имя Министра Иностранных Дел гофмейстера Двора Его Величества гр. Муравьева, донес следующее:

«Узнав о том, что мы ищем участок земли для церкви в Сеуле, Король (Корейский) сегодня заявил мне, что он при-

носит в дар Государю Императору для этой цели смежный с Миссией (дипломатической) участок площадью более 600 кв. саж. Земля это стоит Императору, по моим сведениям, 12.000 долларов и очень удобна для постройки храма».

На это донесение Министр Иностранных Дел гр. Муравьев телеграммой своей от 28 января 1898 г. на имя г. Шпейера ответил: «Государь император поручает Вам передать Корейскому Королю высочайшую благодарность за принесенный дар нашему Августейшему Монарху - участок земли для русской церкви».

Казалось, извещением графа вопрос исчерпывался. Государь Император, как видно из телеграфного сообщения, повелел благодарить державного жертвователя. Значит, дар принят. Дальнейшие разговоры, кажется, излишни. Но не прошло двух-трех месяцев после того, как новый Поверенный в Делах г-н Матюнин снова возбудил дело о земле, открыв переписку по данному вопросу между Сеулом и Петербургом. Текст этой переписки, как имеющий некоторый исторический интерес, мы приводим здесь почти полностью.

Телеграмма г. Матюнина от 11 апреля 1898 г. на имя Министра Иностранных Дел.

«Участок Духовной Миссии куплен за 10654 доллара за счет Короля у Епископа Мютеля как бы под банк. Король (корейский) таил от своих назначение покупаемой земли, хотя намерение наше всем известно. Вследствие телеграммы Вашего Сиятельства от 24 янв. я счел это положение ниже нашего достоинства и известил Короля честно через бывшего переводчика Миссии, через которого велись переговоры, что Королю надлежало бы прислать в Миссию дарственную запись, помеченную примерно 25 января с указанием цели поднесения Государю Императору участка. Присланный документ гласит об уступке земли под здания и весьма возможно, что Король не решится упомянуть о храме. Участок, пригодный нам для других целей, неудобен для церкви, должествующей соперничать с другими здесь имеющимися. Как ни поднимать мест-

ность - храм будет заслонен от всего почти Сеула моим домом, тогда как статный католический собор парит над городом. Испрашиваю указания, отказаться ли от участка или, если возможно, выкупить его у Короля. Ввиду неимения близко от Миссии подходящего участка и совершенно недостаточного кредита решаюсь усердно ходатайствовать о переименовании Духовной Миссии в причт при дипломатической. Отсутствие церкви сказалось особенно тяжело в Светлый Праздник».

В ответ на донесение министр выслал запрос от 15 апреля 1898 г.:

«Эта телеграмма так невнятно изложена, что мы решительно не можем дать по ней какие-либо указания. Почему дарственная запись ниже нашего достоинства? Как можно выкупать подаренный участок? И какой именно участок вы считаете необходимым для сооружения церкви?»

Г-н Матюнин 17 апреля того же года на это отвечает министру:

«Будьте добры прочесть телеграммы Шпейера 19 и Вашего Сиятельства 23 января. В обоих определенно говорится о поднесении и принятии участка под церковь. Участие Короля ограничивалось выдачею Миссии 3 февраля и 7 апреля денег на покупку земли, причем он тщательно скрывает это от всех. Операция скупки еще не закончена. Остался дом отсутствующего японца, которому японский консул по просьбе Шпейера письменно рекомендовал уступить дом за 500 долл. Эту сумму я имел бы, получить также скрыто, от Короля через переводчика Миссии. Ознакомившись с этим делом, я передал императору через переводчика, что немислимо, чтобы Государь Император согласился принять даровую землю для иной цели, кроме постройки храма, почему и просил выдать соответственную дарственную запись. В доставленном документе говорится о постройке зданий, и посланец передал, что Король не согласен проставить слово »церковь«. Совокупность вышеизложенного я счел ниже нашего достоинства, но не решился объясниться с Королем лично, или через

Министра Иностранных Дел, не испросив указаний Вашего Сиятельства. Крайне огорчен, что моя телеграмма оказалась неясной. Может быть, Король предпочтет получить деньги обратно, чем выдать приличествующий документ. Подходящего, смежного с Миссией участка для церкви нет; внутри нашей ограды также, посему, не рациональнее ли начать с переделки в церковь моего зала, на увеличение которого и сопряженные с этим земельные работы понадобится вряд ли более пяти тысяч долларов».

На это донесение получен был ответ из С.-Петербурга от 21 апреля 1898 г. такого содержания:

«В виду представленных Вами данных о дарованном Королем участке земли, Вам надлежит передать по высочайшему повелению Королю (Корейскому), что коль скоро означенный участок принадлежит Его Величеству, Государь Император отказывается от этого дара. Полученные миссией деньги Вы имеете немедленно возвратить Королю. Вопрос о сооружении церкви до представления подробных письменных сведений следует приостановить».

Согласно этому распоряжению г. Матюнин не замедлил, конечно, обратиться к Корейскому Министру Иностранных Дел 23 апреля 1898 г. с соответствующей нотой:

«Как Вашему Превосходительству, без сомнения, известно, Его Величество Корейский Король в январе с.г. выразил бывшему Императорскому Поверенному в Делах г. Шпейеру намерение поднести в дар Его Величеству Российскому Императору участок земли, смежный с нашей Миссией, для возведения на нем православного храма. На что последовало со стороны нашего Государя благосклонное согласие и г. Шпейеру было поручено передать Высочайшую благодарность Его Величеству Корейскому Королю, что г. Шпейером и было сделано. После этого была произведена нами на деньги Его Величества покупка участка у Еп. Мютеля, Ян- шу-цэна и Цой-нен-хо. Остается еще не купленным дом японца. Вашему превосходительству также известно содержание документа,

присланного в Миссию Его Величеством вместо дарственной записи, обычной в таких случаях. Все это мною было подробно донесено г. Российскому Министру Иностранных Дел. Сегодня мною получен ответ, что так как земля, о которой идет речь, не составляла собственности его Величества, то наш Государь отказывается от этого дара. Вместе с тем мне предложено возратить немедленно Его Величеству деньги, полученные от него Миссией. Поэтому прилагаю чек на 10654 доллара и покорнейше прошу Ваше Превосходительство: во-первых, исходатайствовать мне у Его Величества частную аудиенцию, во-вторых, соблагovolите уведомить, сколько было затрачено раньше еще на покупку четырех домиков, на которые в Миссии не имеется документов, и, в-третьих, не отказать уведомить меня в получении настоящей ноты и чека.»

Вскоре после этого (10 мая 1898 г.) г. Матюнин обратился также к Министру Иностранных Дел графу Муравьеву с подробным объяснением приведенного дела, причем не упустил случая «уколоть» державного жертвователя, как простого обычного »ебо», о котором писал, между прочим, следующее: «Ссылаясь на телеграмму Вашего Сиятельства от 21 апреля с.г., имею честь донести, что 23 того же месяца я препроводил Дай-Хонскому Министру Иностранных Дел чек на 10654 долл., но за непрекращающимися поминками по убитой Королеве³⁸, аудиенция у Короля состоялась лишь только 1-го мая. Не смею утруждать Ваше внимание подробным изложением моего разговора с этим бесцветным и лживым правителем: вместо того, чтобы возложить всю ответственность на тех, кто, собственно, вел это дело, он стал уверять, что у них существует лишь один знак для «дома» и «церкви» и запутался в доводах, которыми дня за два пред тем Министр Иностранных Дел силился оправдаться. В заключение на просьбу Короля устроить, чтобы Государь Император вновь принял подарок, я ответил, что наш Царь никогда и ни в чем своему слову не изменяет и, что я не возьму на себя доказывать возможности дарить имущество, еще не приобретенное. Сегодня, наконец, после

долгих и частных препирательств с Министром Иностранных Дел я получил квитанцию в приеме чека и счет на 220 долларов за четыре мазанки, купленные на этом месте еще раньше Королем. На этих днях я закреплю собственность по покупке полуразвалившегося дома, принадлежащего японцу».

На ноту г. Матюнина от 23 апреля 1898 г. корейский Министр Иностранных Дел ответил от 21 (мая того же года) нотой, следующего содержания:

«Я имел честь получить Вашу ноту №31 с приложением чека на 10654 доллара за участок земли, первоначально принесенной в дар нашим Королем Его Величеству Императору Российскому во время Вашего предместника г. Шпейера, и через его посредство мне было повелено Его Величеством передать Вашему Государю чувства добрососедской дружбы и искренней преданности. Теперь же Ваше Превосходительство по повелению Его Величества Императора Российского возвращаете нам деньги, израсходованные на приобретение упомянутых земельных участков, и просите сообщить, сколько было уплачено за четыре дома, купленных раньше. Глубоко пораженный внезапным возникновением подобного недоразумения между нашими Государями, я немедленно сообщил содержание Вашей ноты Его Величеству и после состоявшейся Вашей аудиенции получил приказание лично переговорить с Вами и просить Вашего посредничества перед Государем Императором, чтобы уладить это щекотливое дело к общему согласию. После тщетного ожидания в течение нескольких дней благоприятного от Вас ответа и, желая, так или иначе, покончить с этим неприятным для нас делом, я решаюсь препроводить при сем Вашему Превосходительству квитанцию в получении вышеупомянутого чека, а также квитанцию в получении стоимости раньше купленных домов»³⁹.

Ознакомив читателей с этими документами, представляем читателю самому разобраться в этом деле и решить, насколько был прав или не прав г. Матюнин. Во всяком случае, инцидент этот, несмотря на всю его кажущуюся маловажность, не прошел для

нас даром в смысле политическом, ибо Корейское правительство с этого момента изменило свое отношение к русским и тут же на глазах наших дипломатических представителей стало заигрывать с японцами. Из-за этого же инцидента, полагаем, прегражден был путь нашим первым миссионерам в Корею. Словом, игра из-за данного маловажного, на первый взгляд, несогласия перешла в серьезную распрю и впоследствии оплачена была дорогой ценой, как со стороны России, так и со стороны Кореи.

Итак, после отказа от преподнесенного Корейским Королем дара, земля была выкуплена у прежних владельцев в том же 1898 г. за вышеуказанную цену и начали возводить на ней Миссийские постройки. Место было расчищено от кирпича и мусора, оставшихся от корейских фанз, и после заготовки материалов приступили к постройке зданий. Здания воздвигались почти все одновременно под наблюдением о. Хрисанфа и его ближайших помощников.

Так выстроены были следующие сооружения: кирпичная ограда, идущая по границе участка, в два-три аршина высоты, с входными воротами в китайском стиле с улицы Чонидонн Тэйдю; внутри двора, с правой стороны от ворот, выстроено школьное здание⁴¹ с квартирой для учителя и классной комнатой; поодаль от него - флигель (род корейской фанзы)⁴² с помещением для прислуги и переводчика; с левой стороны от ворот - сторожка⁴³ и амбар⁴⁴ для склада топлива; в центре участка - дом двухэтажный⁴⁵ с квартирами для миссионеров и поодаль от него - кухня с баней⁴⁶.

Строения все кирпичные, на каменном фундаменте, покрыты волнистым оцинкованным железом. Расходы по постройке и внутренней их отделке, в том числе на материалы, составили 14220 иен 87 сен,⁴⁷ а всего с уплатой за участок (11475 мекс. долл., считая мексиканский доллар равноценным иене): 25695 иен 87 сен.

Работы были окончены в 1902 г. В деле устройства зданий много помогали своими советами и знаниями наш Поверенный в Делах А.И. Павлов и драгоман нашей Дипломатиче-

ской Миссии П.А. Керберг. Строения были довольно красивые и достаточно солидные.

По окончании строительных работ все свободные от построек места на участке были разбиты под сад и огород. В саду проложены дорожки, устроены аллеи, разбиты клумбы, насажены деревья, цветы, кустарники и т.п. Словом, через два-три года пустырь превратился в густо зеленеющий сад с массой раскидистых тенистых деревьев, где каждый обитатель Миссии может найти прохладу и успокоение, особенно в ясные знойные дни, которыми отличается сеульское лето.

С поселением миссионеров в новые здания Духовная Миссия, известная среди корейцев под именем русского монастыря (Араса-савон) или чаще русской церкви (Араса сени-дан), стала главным средоточием православной жизни в Корее, а ее начальник - выступил как представитель русской Православной Церкви в стране.

Местоположение Миссии считается одним из лучших в Сеуле. Расположена она, как мы уже говорили, рядом с нашей Дипломатической Миссией (ныне Генеральное Консульство) в местности, называемой Се-дэ-мун⁴⁸, вблизи королевского дворца Ток-су гун (ныне упраздненного), неподалеку от иностранных консульств. С восточной стороны она соприкасается с садом нашего Консульства, с южной - с владением иностранцев, с северной - корейцев, а с западной ее огибает улица Чони-донн, называвшаяся прежде Посольскою или Дворцовою⁴⁹. Расположение Миссии также весьма удобное. Например, трамвай проходит от нее в нескольких шагах, почта находится в семи минутах ходьбы, железнодорожный вокзал - в 20 мин.⁵⁰

Перенесение церкви из Дипломатической Миссии в Духовную в 1903 г.

Церковь, как уже отмечалось выше, находилась со времени приезда миссионеров в Сеул в доме Дипломатической Миссии, что создавало большие неудобства для богослужения и

тем более для исполнения треб, приходившихся иногда на неурочные часы, ибо всякое «лишнее» хождение стесняло и миссионеров и хозяев, не говоря уже о корейцах, приходивших на богомолье в дом Посланника как в запретное «святилище». Ввиду этого церковь с первых же дней после окончания строительных работ перенесена была из-под гостеприимного крова под свой собственный. Для этой цели приспособлено было школьное здание и при нем устроена звонница для колоколов⁵¹. С перенесением церкви освящена она была в новом для нее помещении тем же о. Хрисанфом 17 апреля 1903 г.

Теперь с церковью жизнь в Миссии изменилась к лучшему, став более регулярной, более планомерной, чем доселе. Миссионеры, водворившись в своем собственном «гнезде», почувствовали себя «дома», при родном им деле.

Впрочем, о. Хрисанф не удовлетворялся временным помещением церкви, он в том же 1903 г. обратился с ходатайством в Св. Синоде об ассигновании потребной суммы на сооружение соответствующего Миссии постоянного храма. Синод на ходатайство о. Хрисанфа ответил, что Правительство, снисходя к просьбе просителя, ассигновало на строительство храма 30 000 руб. с выдачей этой суммы в два срока равными частями по 15 000 руб. в год, в 1904 и 1905 гг. Наступили, наконец, эти давно желанные для Миссии годы, когда, казалось, выдача суммы была обозначена; но, к несчастью, как раз в это время разразилась русско- японская война, которая воспрепятствовала выдаче кредитов, отпущенных Корее, и вопрос о храме был отложен на неопределенное время. Впоследствии один из преемников о. Хрисанфа сделал, было снова попытку решить означенный вопрос, но она также не увенчалась успехом. Итак, с тех пор дело с храмом остается неразрешенным в смысле финансовом. Церковь ютится, по-прежнему в школьном помещении, мало пригодном для богослужений, оно не вмещает всех молящихся и, по-видимому, таким положение останется еще долгие годы.

Открытие стана в Мунь-сан-пхо⁵²

При разнообразной деятельности в Сеуле, не терпевшей отлагательства, о. Хрисанф не предполагал поначалу распространять проповедь в провинции, тем более, что не имел для сего времени, но один случай, довольно характерный, заставил его открыть стан для этой цели, а именно в деревне Мунь-сан-пхо. Вот что он писал по этому поводу в одном из своих донесений в Св. Синод в 1903 г.

«В прошлом году, вскоре по возвращении моем из России, к нам в Миссию стал ходить один кореец, на вид очень приятный, серьезный и как будто из ученых.

Восточные ученые, да впрочем, и европейские тоже, имеют особый вид, вид сосредоточенного и довольно нервного человека; показался мне и этот таковым.

Для меня это было очень важно, ибо мысль о переводах ни на минуту не выходит из головы: вот, думаю, Господь посылает мне и человека, который сможет в этом помочь... Надежды мои, и именно с этой стороны, не увенчались успехом: стремления у него были более скромные, чем я ожидал: ему хотелось познакомиться с православной верой и затем креститься.

Прошло месяца два его исправного хождения в Миссию, как он вдруг заявил мне, что ему нужно отлучиться в деревню навестить свою семью, обещал снова возвратиться к нам. Действительно, недели через две он снова явился с заявлением, что его односельчане в количестве нескольких человек желают принять православную веру и просят кого-либо из нас приехать к ним и побеседовать с ними и послужить у них, для какой-либо цели они приготовили даже отдельный дом.

Я так и сделал. На третьей неделе Великого поста, взял с собой корейца-переводчика и отправился верхом на лошади в ожидавшую нас деревню Мунь-сан-пхо. Приехал я туда вечером: деревня очень большая (дворов около 500), длинной лентой растянулась она у подножия невысокой горы на берегу большой реки. В центре деревни на искусственно сделанной

площадке стоит одинокая фанза⁵³, о которой говорил кореец, как о доме, приготовленном для службы. К площадке приделаны с улицы ступеньки в виде лестницы, вокруг самой площадки - живая изгородь из кустарника.

С первого взгляда на фанзу я заподозрил, что это «изделие» американских миссионеров: не раз мне приходилось видеть их молитвенные дома, устраиваемые именно таким образом. Когда же я вошел в фанзу, то совершенно убедился в том, что этот дом есть не что иное, как церковь американских миссионеров. Одна комната в доме (большая) предназначалась для беседований, к ней примыкает другая, поменьше - для женщин и, наконец, еще два небольших кана⁵⁴ - помещение для миссионера на случай его приезда. Часть большой комнаты кореец отделил легкой перегородкой в виде иконостаса с царскими вратами, сделал престол, аналой, деревянные подсвечники, разукрасил все это яркими красками и сделал все точно так же как в нашей сеульской церкви, недоставало только икон.

Дом обыкновенного корейского типа, обмазанный глиной, крыт соломой, стены в основе своей сделаны из тоненьких дощечек, просвечивающих насквозь и оклеенных изнутри бумагой, между которыми попадают американские газеты «Христос» и календари того же издания.

На другой день по приезде в деревню собралось ко мне до 10 человек почтенных старцев, с которыми я и стал вести беседования. Не знаю, беседы ли мои были не интересны для них или старческое внимание уже притупилось: все время они дремали, и глаза их отягощались сном. Меня это, признаюсь, несколько смущало, и я старался употребить все усилия, чтобы пробудить их хотя бы от физического сна. Иное дело, когда заводил речь о житейских делах и особенно о политике, сразу все пробуждались и наступало удивительное оживление. Три дня по два раза в день я собирал их для беседы, а во время утренних и вечерних молитв читал Евангелие и, в конце концов, все же успел научить их кое-чему»⁵⁵.

После о. Хрисанфа посетил селение с той же миссионерской целью о. Николай. Он прожил там две-три недели, провел несколько собеседований и в заключение всего купил вышеозначенную фанзу в собственность миссии за 85 иен. Фанза приобретена была исключительно для молитвенных собраний и собеседований с народом. Катехизатором к вновь приставленному стану был поставлен тот же самый кореец, который зазывал наших миссионеров в деревню. В нем о. Хрисанф увидел «ученого мужа». Этот «ученый муж», как потом оказалось, был христианином какого-то протестантского толка, крестился у американских миссионеров, носил имя Иосифа, фамилию Хан; служил в одной из американских местных миссий, кажется, в качестве проповедника и, не удовлетворившись американскими подачками, оставил прежнюю службу, став православным катехизатором, не будучи сам православным⁵⁶. Насколько отрицательна была эта личность можно видеть из того факта, что он, не имея своей собственности, продал фанзу, как после узналось не свою, а принадлежащую американским миссионерам.

Когда американские миссионеры узнали, что в их молитвенном доме-фанзе функционирует миссия православная, а самый дом передан в руки русских миссионеров, они обратились к о. Хрисанфу с письменным разъяснением, указывая на незаконные поступки г. Хана, как на низкопробное мошенничество.

Вот что, между прочим, писал по этому поводу один из американских миссионеров от 11 декабря 1903 г. в письме своем на имя о. Хрисанфа (выдержки из текста приводим в переводе с английского).

«Могу Вас уверить, что дело, о котором Вы мне сегодня писали, причинило мне не мало огорчений. Не потому, что мы лишаемся дома в Мунь-сан-даль, а потому, что мы теряем доверие к человеку, который находился на службе нашей миссии в течение более пяти лет, а это гораздо более серьезно. Этот человек - Хан-сандаль, о котором Вы упоминаете в Вашем письме и который, как оказывается, продал Вам дом».

Из письма становится ясно, что в 1898 г. Хан и несколько корейцев крестились у американских миссионеров. В течение нескольких лет Хан находился на службе в американской миссии. За это время он построил на общественной или государственной земле дом, взяв деньги на постройку в долг у американских миссионеров. После постройки дом считался принадлежавшим американской церкви. Решив перейти в Православную Церковь, Хан объявил американцам, что дом принадлежит ему и что он возместит ту сумму, которую взял в долг на строительство. Однако прошел год и все ограничивается обещаниями. «Надеюсь, Вы поймете, что я никоим образом не ставлю Вам в вину покупку этого дома. Я вполне уверен, что Вы были обмануты тем же человеком, который через столько лет оказался вероломным по отношению ко мне и к Господу, которого он якобы любил и почитал. Дж. Роб. Мур⁵⁷».

Несмотря на приведенные доводы инославного миссионера, дом остался за Миссией и самый Хан продолжал состоять катехизатором вышеозначенной деревни и пользовался поддержкой председателя нашей Миссии, подпавшего под его влияние и считавшего его хорошим, добросовестным проповедником.

Однако в действительности И. Хан не был хорошим проповедником, да и не мог быть им как человек, не сведущий в вопросах веры вообще и православия в частности.

В проповедях своих, какие говорил (а говорить он мог), речь шла не столько о религии, сколько о материальных выгодах и расчетах своих личных и слушателей. «Если примите русскую веру, ораторствовал доморощенный «вития», то вам будет хорошо и прибыльно: вы будете иметь и одежду, и деньги, и защиту перед начальством...⁵⁸ Русские люди очень богатые, добрые, они любят свою веру и помогают тем, кто принимает ее от них... Американцы вам ничего не дадут, они сами смотрят в карман других... они норовят, как бы с нас получить, а не нам дать...» и т.д. в том же роде. Чтобы

придать больше веса своим словам, надевал на себя священническое облачение, хранившееся у него в фанзе на случай приезда миссионера, и служил в нем, как знал и как умел, причем не забывал напоминать посетителям, что он такой же «тэ-синбу», как арх. Хрисанф. Само собой разумеется, что подобного рода проповеди ничего не могли принести, кроме вреда, и если односельчане посещали его, то исключительно из праздного любопытства. Поэтому не удивительно, что стан, просуществовав десять лет (с 1903 по 1913 г.), не имел никого из последователей, кроме одного старца, некоего Николая, который, кстати сказать, не замедлил отправиться в другой лучший мир, где нашел себе вечное упокоение. Стан, как не производящий пользы, был закрыт одним из преемников о. Хрисанфа⁵⁹, фанза продана⁶⁰, а И. Хан удален из Миссии как не нужный, вредный элемент, бесполезный для миссионерской работы.

Этим, собственно, и закончилась история Мунь-сан-пхосского стана и его предводителя Иосифа Хана, история не мало повредившая миссионерскому делу в Корее вообще и предстоятелю Миссии в частности.⁶¹

Служебные перемены в Миссии в 1900 - 1904 гг.

За первый период существования Миссии в 1900 - 1904 гг. произошли в ней следующие перемены среди служащего персонала.

1) 20 мая 1901 г. скоропостижно скончался псаломщик Иона Левченко, горячо оплаканный всей русской колонией, как человек недюжинного ума и способностей и, еще более того, прекрасных душевных качеств; погребен на местном европейском кладбище вблизи Сеула.

2) На место покойного псаломщика в том же году назначен был русско-подданный кореец Моисей Лянь⁶², прослуживший в Миссии что-то около года; уволен от должности за неспособностью нести свои обязанности.

3) В том же году иеродиакон Николай (Алексеев) посвящен был в сан иеромонаха с оставлением его при исполняемых им обязанностях.

4) В 1902 г. на вакантную должность псаломщика прибыл иеродиакон Варфоломей (Селезнев)⁶³ и вместе с ним три монастырских послушника⁶⁴: Федор, Дмитрий и Иаков, выписанные специально для пения в церкви.

5) В 1903 г. о. Николай и три вышеозначенных послушника выбыли из состава Миссии, поступив на службу в Пекинскую Миссию, куда набирался значительный комплект служащих для усиления возрождаемой там миссионерской деятельности и восстановления разрушенной боксерами Миссии.

Таким образом, к половине 1903 г. в Миссии оставалось всего только два человека: о. Хрисанф и о. Варфоломей. Нет сомнения, что такая частая смена служащих не могла не отразиться на общем ходе миссионерского дела, чего не мог не видеть о. Хрисанф. Но в силу необходимости приходилось мириться с таким положением вещей, так как другого выхода не было, да и не могло быть, ибо служащие не связывали себя обязательством долгосрочного пребывания в Корее, следовательно, всегда, каждую минуту, могли перейти на другое, лучшее, более удобное для них место. Прискорбный факт, но с ним приходилось считаться, тем более что «недуг» этот был свойствен и другим нашим заграничным миссиям, не отличающимся достатком содержания и прочностью положения, а главное не дающим уверенности иметь заслуженный «кусочек хлеба» и отраду успокоения во время болезней и на старости лет⁶⁵.

Временное закрытие Миссии в 1904 - 1905 гг.

В начале 1904 г., когда натянутость отношений между Японией и Россией достигла крайних пределов, когда ожидали с часу на час с той и другой стороны разрыва дипломатических отношений и одновременно с ним открытия военных дей-

ствий, наши миссионеры по-прежнему продолжали вести свое скромное дело христианского благовестничества, не подозревая, что скоро придется им распроститься с гостеприимной страной, паствой и Миссией. Они не могли себе представить, что маленькая нейтральная Корея, бывшая, правда, объектом политических распрей и интриг среди враждовавших стран, сделалась бы ареной борьбы враждующих лагерей. Им думалось, что все политические шероховатости, создавшиеся на Дальнем Востоке за последние три-четыре года, пройдут сами собой, сгладятся, так сказать, благодаря дипломатической мудрости. Однако в этом они горько ошиблись. События разворачивались с поразительной быстротой, предупредить их, казалось, не было никакой возможности.

Наступило, наконец, роковое 27 января 1904 г. Японская эскадра, как известно, без предупреждения противной стороны вдруг ударила из пушек по нашим военным судам, сиротливо стоявшим на рейде в Чемульпо⁶⁶ в количестве двух вымпелов⁶⁷ и почти одновременно с сим другая большая эскадра напала на нашу эскадру, стоявшую в Порт-Артуре под командой адмирала Старка. Это было сигналом начала военных действий.

Русские, проживающие в Сеуле, услышав пушечную пальбу со стороны Чемульпо, о чем они были уже заранее предупреждены со стороны своих секретных агентов, сразу поняли, в чем дело и все, как один, собравшись наскоро, пришли в храм Миссии, и здесь под грохот пушек и звон колоколов принесли первую свою молитву о даровании победы русскому оружию. Очевидцы рассказывают, что многие из них, стоя на коленях, плакали навзрыд, иные, воздерживаясь от слез, глубоко вздыхали и пламенно молились.

Японцы, дав сражение на море, не замедлили высадить свои войска в Корею, являвшейся для них удобной базой. Здесь они заняли все стратегические пункты и в самой стране объявили военное положение. Народ корейский безмолствовал, правительство преступно молчало, по крайней мере, не

выражало никакого протеста против нашествия непрошенных «гостей». Страна сразу оказалась в тисках военных распоряжений и приказов японцев, требовавших беспрекословного подчинения себе всего населения.

Чувствуя себя как дома, японцы не замедлили отдать приказание о выселении всех русских из пределов Кореи в течение нескольких дней. Русские, видя серьезность положения, принуждены были покориться грубой физической силе, тем более, что рассчитывать на какую бы то ни было защиту со стороны корейцев и их оккупантов не приходилось. Начались спешные сборы и лихорадочные приготовления к отъезду.

Духовная Миссия была охвачена паникой. Наши отцы миссионеры не знали, что делать, что предпринять с имуществом: оставить - боялись, вывезти - не представлялось возможным, так как разрешалось взять с собой только самое необходимое. Наконец, решили оставить все, кроме ризницы и своих личных вещей. Второпях вещи оставляли, где попало и как попало. Через 6 дней после открытия военных действий, а именно 2 февраля, все уже были готовы к отъезду. К этому времени здания Миссии были заперты, двери и окна наглухо заколочены, и все остающееся имущество сдано под охрану местной Французской Дипломатической Миссии. Караульным сторожем был приставлен русско-подданный кореец, некий Н. Ким, которому вменялось в обязанности смотреть за оставшимся достоянием и по мере надобности доносить во Французскую Дипломатическую Миссию обо всем, что может случиться на территории Миссии. С отсутствием жильцов жизнь Миссии замерла, двор опустел, в самом доме Миссии царила могильная тишина.

Ликвидировав все, что было возможно, миссионеры отправились в путь-дорогу. Одновременно с ними выехал из Сеула также Посланник А.И. Павлов с чинами Дипломатической Миссии⁶⁸. Отбывшие отправились через Чемульпо в Шанхай, так как других путей отхода из-за закрытия границ уже не было.

Чемульпо в это время представлял собой город плача, сто-на и рыданий: обе стороны понесли большие потери: было не мало убитых и раненных, изнемогавших от увечий. Легко раненных русских переносили на иностранные военные суда, стоявшие на рейде в количестве четырех кораблей: английского⁶⁹, французского⁷⁰, итальянского⁷¹ и американского⁷² (последний не принимал участия в оказании помощи русским под тем предлогом, что командир судна якобы не получил на этот счет указаний от своего правительства). Тяжело раненных распределяли по местным миссионерским лазаретам, убитых хоронили с военными почестями на местном городском кладбище.

Русская колония, собравшись в Чемульпо, размещена была вместе с командным составом «Варяга» и «Корейца» на вышеозначенных трех иностранных судах и вскоре доставлена в Шанхай.

В Шанхае ризница Миссии, запакованная в ящики, сдана была под присмотр старшего агента морского пароходства Китайской Восточной железной дороги, ему сданы были и другие вещи. Сам о. Хрисанф оставил Шанхай и окружным путем направился в Петербург, где он скоро получил другое назначение⁷³. Что же касается о. Варфоломея, то последний, по собственному желанию, пробрался в Маньчжурию в пекло военных действий и там, в одном из полевых госпиталей нес безвозмездно обязанности простого санитаря. Этим и закончился первый четырех-летний период существования Миссии в Корее.

Третий состав Миссии во главе с архимандритом Павлом (Ивановским)

После русско-японской войны в 1906 г., когда страсти между враждовавшими сторонами более или менее улеглись, Миссия снова была открыта. На этот раз состав ее оказался более многочисленным, чем предыдущий. Так, во главе учреждения был поставлен архимандрит Павел⁷⁴, помощником ему - ие-

ромонах Владимир⁷⁵ (Скрижалин), псаломщик - иеродиакон Варфоломей (Селезнев)⁷⁶, член прежнего состава, учителем Константин Зигфрид⁷⁷, регентом - Федор Перевалов⁷⁸. Кроме означенных лиц, на службу были приняты еще два русских мальчика - сироты⁷⁹, взятые из Владивостокского архиерейского дома специально для пения в церкви и приготовления к катехизаторской работе.

Таким образом, в новый состав Миссии вошли три штатных и четыре нештатных члена, а всего - семь человек. Комплект вполне достаточный для ведения возложенного на Миссию дела, по крайней мере, на первых порах.

Прибыли они в Сеул в непродолжительном друг от друга времени и можно сказать «благополучно». Говорим «благополучно», потому что после только что окончившейся войны нельзя было рассчитывать на благополучие в стране, занятой недавними врагами русских. Однако к чести японцев нужно отметить, «враги» оказались в высшей степени корректными и предупредительными по отношению к русским, по крайней мере, наружно. Правда, они организовали тщательную слежку за вновь прибывшими. В дальнейшем, когда японцы узнали, что русские миссионеры не такие уж опасные люди, притом, чуждые политике, они оставили их в покое⁸⁰. Первыми достигли Сеула о. Павел и о. Варфоломей с двумя вышеупомянутыми русскими мальчиками, 14 августа 1906 г., вслед за ними - остальные. Таким образом, к началу 1907 г. Миссия была уже в полном составе, какой намечался для нее ранее.

К этому времени наша Дипломатическая Миссия в Сеуле, как и иностранные, была уже преобразована в Генеральное Консульство в составе четырех человек служащих. Сама Корея как государство потеряла свою независимость; корейское правительство почти уже не существовало, хотя номинально продолжало еще стоять у власти со своим Императором⁸¹ во главе. Словом, жизнь в стране изменилась до неузнаваемости, потекла по другому руслу. Корейцы, как ни странно,

симпатизировали в то время японцам, ожидали от них каких-то благоприятных перемен в жизни. Это продолжалось, по крайней мере, первые три-четыре года со времени появления пришельцев, но потом обнаружилось разочарование, которое переросло, наконец, в неприязнь, проявившуюся в форме открытого восстания в 1919 - 1920 гг. и в других выступлениях против японцев.

Что касается русского влияния, то теперь о нем, конечно, не могло быть и речи. Все, что раньше исходило от России и русских, исчезло. Мало того, самое имя «русский» стало предметом поношения не только среди японцев, но и среди местного населения, повернувшегося в сторону Японии, как рыба на приманку. И если о. Павел повел дело Миссии более или менее успешно, так только благодаря своему исключительному природному такту и осторожности, иначе оно зачехло бы на первых же порах.

На другой день по приезде миссионеров в Сеул (15 августа) о. Павел освятил здание Миссии, совершил литургию и вслед за ней молебное пение Богоматери, чем, собственно, и положил начало прерванному миссионерскому деланию. На богослужении присутствовали чины нашего Консульства во главе с Генеральным Консулом и кое-кто из корейцев, оставшихся верными русским⁸². После молебствия присутствовавшие поздравили о. Архимандрита с благополучным прибытием и с добрым началом порученного ему дела.

Оправившись с дороги, миссионеры приступили к проверке оставшегося имущества. Оказалось, что многого не достает: одна часть поломана, другая - расхищена, третья - приведена в негодность. Сторож, который оставался при имуществе, сбежал, другой, временно приставленный, ничего не знал. Французская Дипломатическая Миссия (теперь Консульство), которой была поручена охрана русского достояния, отказалась возместить расхищенное. Словом, виновных не было.

О. Павел, рапортом своим от 20 августа 1906 г. извещая Петербургского митрополита Антония о прибытии своем в

Сеул и утрате миссионерского имущества, между прочим, писал следующее:

«Мы воодушевлены желанием всецело отдаться святому благовестническому служению и радуемся, что, наконец, находимся у себя «дома» и у своего дела, не взирая на то, что здания были ограблены в период русско-японской войны и мною теперь найдено, что горе наше состоит не в том, что унесены почти все хозяйственные вещи и взломаны некоторые двери, шкафы и пр., но что самые здания, запертые и лишённые притока света и воздуха в течение двух с половиной лет, не мало пострадали: штукатурка местами обвалилась, большей же частью потрескалась, печи повреждены, крыши протекают и т.д., так что все это требует неотложного ремонта во избежание окончательной порчи помещений»⁸³...

Если так дело обстояло с недвижимым имуществом, то еще хуже было с ризницей. Ризница, как уже говорилось, отправлена была в Шанхай и там, в одном из пакгаузов подмочена во время периода дождей. Можно себе представить, что из нее получилось через три года. Когда представлены были ящики и открыты, то вместо риз нашлись в них только полусгнившие клочья. Пришлось обращаться в Хозяйственное Управление при Св. Синоде с просьбой выслать необходимое количество облачений, по крайней мере для праздничных богослужений. Просьба уважена, облачения высланы, но не в таком уже виде и количестве, в каком имелись прежде; причем ризы получены разнокалиберные, простенькие, недорогие⁸⁴. Впрочем, Миссия рада была и такому скромному даянию, иначе служить было бы совершенно не в чем⁸⁵.

Жизнь и труды миссионеров

С 1 января 1907 г., когда прибыли на место миссионеры, жизнь в Миссии стала более размеренной, текущей по строго определенному порядку и образцу монастырскому. Так, для богослужения и домашней молитвы, для занятий и отдыха

определено было известное количество времени и назначены должные часы. Каждый день начинался и кончался общей молитвой в братской столовой, промежутки дня уделялись послушанию, данному каждому согласно его знаниям и способностям; свободное время отдавалось отдыху.

В 7 утра обычно начиналась «молитва», состоящая из утренних молитв, часов и чина изобразительных, в 8 - чай, с 9 до 12 дня - занятия в кельях, в 12 дня - обед, с 2 до 4 пополудни - физический труд в огороде или саду, в 4 вечера - чай, от 5 до 7 - домашние занятия, в 7 - ужин, в 8 - «молитва». Вечерняя «молитва» состояла из молитв на сон грядущий, малого повечерия и помянника. После нее все, поклонившись друг другу, расходились по своим местам, и остаток вечера проводили каждый у себя в комнате. Такой порядок наблюдался все время управления Миссией о. Павлом, за исключением праздничных дней, когда домашняя молитва заменялась церковной, труд - отдыхом.

Церковное богослужение совершалось все воскресные и праздничные дни, а также в дни субботние - обязательно. На праздники с вечера - Всенощное Бдение, в праздники - Литургия. Бдение начиналось в 5 ч. вечера, Литургия в 9 ч. утра круглый год. Продолжительность и того и другого богослужения была от часу с половиной до двух часов и более. В субботние дни богослужение отправлялось исключительно заупокойное по православным воинам, за веру и отечество живот свой положившим. С вечера в пятницу служился «парастас», утром - Литургия с панихидой. После панихиды тотчас же начинался акафист Божией Матери, читавшийся перед образом Тихвинская «Слезоточивая» иконы Божией Матери, принесенной с Афона. Великим постом служба совершалась на первой, четвертой и Страстной седмицах, впоследствии, когда были открыты станы, и в остальные недели, в каждом стане по очереди. В станах богослужение происходило в специально устроенных для сего молитвенных домах-фанзах, перед самодельными маленькими иконостасиками, обстав-

ленными вместо икон картинами Спасителя, Богоматери и Угодников Божиих.

Естественно, самым торжественным из всех богослужений было богослужение в день Св. Пасхи. В ночь на светлый праздник Христов Миссия украшалась национальными флагами, разноцветными фонариками, арками и т.п. Храм с внутренней и внешней стороны утопал в цветах и всевозможной зелени⁸⁶. Свет от электрических лампочек разливался по всему храму и вокруг него. Церковь переполнялась молящимися. Среди посетителей можно было видеть не мало местных иностранных резидентов, как-то: американцев, англичан, французов и других, с любопытством взиравших на наше православное торжество. Согласно уставу пасхальное богослужение обычно начиналось в 12 часов ночи Утренею и оканчивалось в 3 часа Литургиею. Начало и конец службы, не смотря на глубокую ночь и царящее в городе язычество, сопровождалось по обычаю русскому «красным звоном», далеко разносившимся по окрестностям спящего города.

После богослужения тут же ночью корейцы-христиане приглашались в братскую столовую для разговенья, где к этому времени накрывались столы и готовились пасхальные яства. Здесь гости рассаживались вокруг столов: с одной стороны, мужчины, с другой - женщины и дружно принимались за предложенные кушанья. В роли хозяина находился при них кто-нибудь из членов причта, тогда как другие уходили в Генеральное Консульство поздравлять Консула. Угостившись вдоволь, корейцы благодарили хозяина и на рассвете мирно расходились по своим домам.

Кроме традиционного пасхального угощения, та же корейская паства еженедельно по воскресным дням, после Литургии приглашалась на чай. Собирались в той же столовой, что и на Пасху. К чаю подавались в изобилии булки, сахар и иногда варенье. При этом случались нередко своего рода курьезы: какой-нибудь кореец или корейка из новичков, не имевшие понятия о чае, клали столько сахара в чашку, что

получался сироп, который, несмотря на всю его приторность, поглощался ими не без удовольствия. Иные под «шумок» тут же рассовывали по карманам куски сахара и хлеба, с тем, чтобы поделиться такими «лакомствами» со своими домочадцами, не бывшими на угощении⁸⁷.

Однако, несмотря на дешевизну жизни того времени, чай эти все же изрядно били по тощему карману миссионеров. Чтобы избежать излишних расходов на такого рода угощения, сахар и хлеб стали выдавать порционно. Гостям это очень не понравилось, они втихомолку стали жаловаться на архимандрита, но на чай все же приходили самым аккуратным образом, даже более охотно, чем в церковь на богослужения.

Стол у миссионеров был один, общий. В столовую приходили все вместе, во главе с архимандритом. Перед вкушением и после вкушения пищи вычитывали положенные молитвы. Блюда были простые, постные, из овощей, зелени и рыбы, но очень питательные. Мясо не допускалось, горячительные напитки - точно также. Иногда время от времени устраивались так называемые званные обеды для чинов Генерального Консульства, но они, обеды эти, тоже были весьма скромными. Словом, в пище и питии всегда соблюдалась строгая умеренность, простота и скромность, излишеств никаких не допускалось.

Что касается труда, то он, как уже говорилось выше, распределен был сообразно способностям каждого. Кроме возложенных послушаний, все члены Миссии должны были в свободное от занятий время изучать корейский язык, для чего приглашены были учителя корейцы, ежедневно дававшие уроки, за исключением дней праздничных и предпраздничных.

И так все, кто состоял в Миссии, находились при деле; каждый выполнял определенную работу. Без дела никто не оставался. Такой порядок наблюдался в течение всего времени управления Миссией о. Павлом, т.е. в течение 6 лет.

Миссионерские труды о. Павла

С прибытием в Сеул о. Павел не замедлил обратиться с проповедью слова Божия к язычникам. Для этой цели он предпринимал время от времени поездки, иногда совершал целые путешествия по Корее, стараясь сеять везде и всюду семена веры Христовой, особенно там, где находил отклик со стороны туземного населения. Чтобы привлечь большое количество последователей, устраивал общие беседы, часто со световыми картинами из жизни Спасителя и Божией Матери. Беседы проводились обычно в гостиной его покоев, или же в убогой фанзе бедняка-корейца, если о. Павел оказывался в глухой отдаленной провинции. Характер бесед был преимущественно вероучительный и нравоучительный с приведением примеров из истории церкви христианской и жизни подвижников благочестия. Число слушателей бывало неодинаковое: оно зависело и от времени года и от состояния погоды, но, в общем, все же собиралось значительное количество интересующихся вопросами веры, особенно женщин и детей. Нет сомнения, что большинство из них приходило из простого любопытства, или по-здешнему выражению, «покугень», т.е. посмотреть на иностранного проповедника, но бывали и такие слушатели, которые, умилившись сердцем от всего слышанного, тут же на собрании изъявляли желание креститься. Правда, количество последних было незначительно, они являлись скорее исключением из общего числа слушающих.

Подготовка к крещению продолжалась от нескольких месяцев до одного года и более, смотря по тому, кто как готовился, насколько ревностно и прилежно. Перед крещением сдавали экзамен по краткому катехизису и священной истории. Выдержавшие экзамен, допускались к крещению, не выдержавшие – отстранялись до поры до времени. Крещение в большинстве случаев происходило перед Великими Праздниками: перед Рождеством Христовым и Пасхою, но бывали случаи, когда крестились и в другие дни года, осо-

бенно в селениях, где принятие крещения зависело от приезда миссионера.

С открытием станов дело проповеди стало осуществляться в более широком масштабе и систематичнее, особенно там, где функционировали школы и молитвенные дома-часовни с очередным богослужением.

Распространяя веру Христову, о. Павел верил в плодотворность своей работы и не менее того верил в духовную восприимчивость корейцев. Насколько он был убежден в последнем, можно видеть из его брошюры «Современное положение христианских миссий в Корее», в которой он с присущим ему рвением доказывает, что корейцы подготовлены к принятию христианства. Вот что он пишет, между прочим, по этому поводу: «Еще до поездки в Корею мы интересовались вопросом о религиозности корейцев и подготовленности их к христианству. Мы расспрашивали официальных лиц, которые близко стояли с корейцам, в особенности Уссурийского края, и получили единодушный ответ: корейцы не религиозны, корейцы не подготовлены, корейцы ленивы и т.д.

Не скроем, что такие отзывы опечалили нас, но, к счастью, мы оказались жертвою и своей неопытности и неопытности лиц, которые так решительны были в своем суждении по очень сложному вопросу. Теперь, ознакомившись с положением дел на месте (в Корее⁸⁸) и изучив факты, опубликованные в печати, мы должны были прийти к заключению, что трудно судить о религиозности отдельных лиц и по преимуществу целого народа и что может сложиться ошибочное мнение у людей, быстрых в суждениях. Трудно судить о религиозности другого народа, во-первых, потому что на характер и обнаружение религиозной жизни смотрят обычно со своей точки зрения, так сказать, меряют других своими духовными идеалами, разумеется, неправильно; во-вторых, религиозные проявления часто скрываются от постороннего наблюдателя и, наконец, в-третьих, религиозные потребности могут лежать под самым тонким слоем равнодушия и затем

проявляться с силою во всякий последующий благоприятный момент, пропущенный наблюдателем...»

Вся предыдущая история корейской церкви⁸⁹, говорит автор брошюры, история в некоторых отношениях беспримерная, написана кровавыми буквами. История эта громко заявляет о том, какою массою крови и ужасных бедствий, гонений, приобрели и отстаивали корейцы свое верование⁹⁰. И не только отстаивали, но и отстаивают, ибо пролитие крови христиан-корейцев и гонения на них не прекращаются до наших дней. И еще недавно (1900 г.) на острове Квельпарт и на островах юго-западного побережья Кореи произошли неслыханные по жестокости избиения христиан озверевшей грубой чернью, науськанной злонамеренными людьми из-за угла.

Объяснить такие исторические факты увлечением, расчетливостью или стечением обстоятельств, заставляющих корейцев испить мученическую чашу, никак нельзя: того не допускают и многократность, и длительность событий, и самая широта и глубина исторических фактов. Автор брошюры утверждает, что если проследить историю корейской церкви, то мы встретим не мало фактов, говорящих не только о религиозности корейцев и расположению их к христианству, но и о богатстве их религиозной природы, о способности их к героизму как высшему проявлению духа⁹¹.

Насколько правильно это мнение почтенного автора, не беремся судить. Мы знаем, что в характере каждого народа есть положительные и отрицательные стороны, следовательно, определять религиозные наклонности народа на основании стойкости прежних мучеников едва ли правильно. Не будут ли такие выводы поспешными?

Вообще, нужно сказать, о. Павел идеализировал корейцев, он ожидал от них какой-то особенной религиозной восприимчивости, надеясь, что они вот-вот соединятся с верою во Христа и единовременно с сим приобщатся к культурным нациям мира. Насколько осуществимы были эти мечты, будущее покажет. Во всяком случае, он стремился осуществить

их на деле и ради них трудился не за страх, а за совесть так, как подобает доброму, примерному миссионеру.

Богослужебные переводы о. Павла с русского на корейский язык

Желая дать возможность корейцам-христианам молиться на родном для них языке, о. Павел не замедлил удовлетворить эту насущную потребность переводами богослужебных книг с русского на корейский язык. С этой целью он исправил часть переводов, начатых о. Хрисанфом, другую, недостающую, восполнил собственными произведениями. Помогал ему в этом деле учитель миссийской школы (потом священник) Иван Кан, довольно образованный кореец, достаточно хорошо владеющий русским языком, т.е. человек более или менее пригодный для выполнения означенной цели.

Работа по переводам шла почти изо дня в день в течении пяти-шести лет. За этот сравнительно короткий срок о. Павел успел во многом. Так, между прочим, он перевел: краткий молитвослов, часослов, сборник паремий, служебник, требник, избранные песнопения из Октоиха, Цветной и Постной Триоди⁹², праздничной Минеи, последование ко св. причащению, чины молебного пения и панихиды, краткую священную историю, катехизис и т.п.⁹³. Часть переводов отпечатана и вышла уже несколькими изданиями, часть остается в рукописях и ждет своей очереди выхода в свет⁹⁴.

По мере исполнения трудов по переводу, богослужебный славянский язык стал заменяться корейским и с 1910 г., когда работа была более или менее закончена, туземный язык вошел в свои права, т.е. богослужение стало совершаться на родном корейском языке, понятном для туземного населения, за исключением великопостных служб, которые остались не переведенными.

Нет сомнения, что труд этот, огромный по своему значению и объему, требовал большой усидчивости и зоркого внимания, но личность переводчика сама служила поручи-

тельством за добросовестность исполнения работы. Правда, в переводы вкрались кое-какие ошибки и неточности, но все это, думается, при пересмотре труда более компетентными лицами со временем будет исправлено и все недостатки и шероховатости будут устранены.

Что касается апостольских евангельских и псалтырных чтений, употребляемых во время богослужения, то таковые с самого начала заимствовались из книг Священного Писания, изданных местным Британским Библейским Обществом. Следовательно, с этой стороны миссия была также обеспечена.

Словом, в отношении богослужения Миссия с первых же лет своего существования поставлена была в более или менее удовлетворительные условия и с пользой для дела могла обслуживать верующих в храме.

Кроме означенных трудов на корейском, о. Павел имел склонность к писанию литературных произведений на русском языке. Так, время от времени он помещал свои статьи в периодических изданиях на темы, вызванные потребностью времени, преимущественно церковного характера, часто под псевдонимом «кореец». Его перу принадлежат некоторые книги и брошюры, вышедшие в разное время. Вот их перечень.

1) Ко гробу Господню (путевые заметки о поездке в Иерусалим и на Афон). Иркутск, 1903.

2) Современное положение христианских миссий в Корее. Владивосток, 1904.

3) Корейцы - христиане. 2-е изд. Москва, 1905.

4) Иргень. Святое место в Забайкалье. Чита, 1911.

5) Покаянные песни. Уссурийский Свято-Троицкий монастырь. 1911.

6) К небу (Стихотворения). Владивосток, 1911.

7) От святой купели до гроба. Уссурийский Свято-Троицкий монастырь. Авдеевка, Приморская область, 1916.

Из всего вышеприведенного перечня трудов, как видим, о. Павел сделал не мало хорошего, полезного во славу Св. Церкви Православной вообще и Миссии корейской в частности. По-

следнюю он украсил не только трудами подвигов своих, но и снабдил ее удобопонятным богослужением, столь необходимым для успеха проповеди среди туземцев. В этом одном, нам думается, его огромная заслуга перед будущею корейскою Церковью. Нет сомнения, что со временем сами корейцы оценят его труд и увековечат достодолжным образом. Помогите Боже!

Открытие станов и школ в провинции

Не удовлетворяясь производительностью стана в деревне Мунь-сан-пхо, функционировавшего с 1903 г., о. Павел с первых же дней приезда своего в Сеул стал нащупывать почву в ближайших от Мунь-сан-пхо селениях и по возможности готовить ее. Почва оказалась более или менее приемлемою для предпринимаемого дела, т.е. способною к восприятию семян веры Христовой. Местные жители в большинстве своем сочувственно отнеслись к начинаниям о. Архимандрита, по крайней мере, наружно никто из них не изъявлял неудовольствия к открытию этих христианских ячеек, и станы один за другим стали открываться.

Одним из первых был открыт стан в заштатном городке (ныне селение) Коха, затем в других, ближайших от Коха селениях (Карагай, Соннчон, Ильсан и Марысим).

С открытием станов в каждом из них приобретено было по одному-два клочка земли и устроено по молитвенному дому-фанзе; в каждом поставлено по катехизатору-проповеднику и открыто по школе для детей корейцев с положенным количеством учащихся.

Катехизаторам вменялось в обязанность привлекать язычников к христианству, оглашать желающих принять крещение истинами веры православной и проч.; учащим - воспитывать юношество в добрых началах нравственности и давать познания в духе веры и благочестия христианского.

С течением времени, когда число верующих увеличилось, в селении Коха поставлен был священник кореец о. Иоанн

Кан⁹⁵, посвященный в священный сан из учителей миссийской школы, которому поручено было ведать станами и совершать в каждом из таковых богослужения. В помощники ему, в качестве псаломщика, дан воспитанник миссийской школы А.Г. Ким⁹⁶, проходящий означенную службу до сего времени в Миссии не без пользы делу. Таким образом, с открытием станов в селениях стала налаживаться жизнь в духе веры христианской.

Первая из школ (для мальчиков) открыта была в 1906 г. в стенах самой Миссии, вскоре она была преобразована в гимназию с шестигодичным курсом обучения; вторая, типа одноклассной неподалеку от Миссии на участке, пожертвованном драгоманом нашего Консульства Н. С. Сенько-Буланым, для девочек. Затем в каждом из вышеозначенных станов было открыто по школе того же типа одноклассной школы с четырехгодичным курсом обучения, а всего 7 школ⁹⁷.

В курс обучения входили предметы элементарной грамотности с Законом Божиим как основы всех предметов и для желающих изучать языки: русский и английский. Первые годы со времени открытия школ преподавание велось исключительно на корейском языке как родном, общепонятном для учащихся корейцев; потом, с присоединением Кореи к Японии, на японском как государственном для всей страны и, конечно, для учебных заведений, не исключая школ частных, миссионерских.

Преподавательский персонал состоял из 17 учителей и учительниц по предметам общеобразовательным, двух законоучителей и одного учителя пения по предметам специальным, а всего из 20 человек⁹⁸. Число учащихся неодинаково: иногда больше, иногда меньше, но, в общем, оно не превышало 250 - 260 человек того и другого пола.

На содержание школ Миссия расходовала до 3000 иен в год, других источников в виде частных пособий или субсидий не имелось. Расход этот, если принять во внимание скудный бюджет Миссии, едва превышающий 10000 иен в год, был до-

вольно значителен и не мог не отражаться на развитии других сторон миссионерской деятельности в ущерб самому делу.

Вообще, создание школ было делом не из легких не только со стороны финансовой и педагогической, но и финансово-религиозной, особенно для такой молодой Миссии, как наша, которая только начала работать на ниве Христовой. Все надежды, какие возлагались на школы в смысле просвещения христианского, не оправдались или почти не оправдались, за исключением немногих. Причиной столь грустного явления было, как нам кажется, несоразмерное количество школ, открытых сразу, и, главное, неудачный подбор приставленных к ним учителей. Учителями были люди простые, не подготовленные к своим обязанностям, с ничтожным запасом знаний, без всякого педагогического опыта. Поступили они на службу кто, откуда: одни пришли в погоне за «счастьем» из частных корейских школ, другие - из инославных миссий, нередко уволенные со своей прежней службы за проступки или неспособность. Само собой разумеется, что подобного рода лица не могли дать детям существенных знаний, ни тем более вселить в них дух веры христианской, хотя сами и считались христианами. Правда, при школах имелись отцы законоучители, на которых лежало религиозное воспитание юношества, но они, к сожалению, не могли вести систематических занятий с учащимися: один из них, живя в Сеуле, перегружен был хозяйственными делами по Миссии, другой - из провинции, вследствие разбросанности станов, не мог регулярно посещать вверенные ему школы. Словом, так или иначе, дело налаживания работы школ было далеко неудовлетворительным.

Катехизаторы так же, как и учителя, были люди простые, полуграмотные корейцы-землепашцы, с трудом разбиравшие слово Божие. Следовательно, они также не могли быть руководителями, ни тем более ответственными наставниками христианских общин. Вся их деятельность сводилась к обычному чтению Евангелия и положенных молитв в общественных со-

браниях, не более этого. Большого дать они не могли, да и трудно было ожидать чего-либо другого от людей, мало сведущих в учении христианском вообще и в православном в частности.

Нет сомнения, о. Павел видел несостоятельность своих ставленников, видел непригодность их к миссионерскому делу, но надеялся, что со временем они лучше подготовятся к выполнению возложенных на них обязанностей путем самообразования, через усердное чтение книг Священного Писания и будут, если не блестящими, то, во всяком случае, полезными работниками на ниве Христовой.

Правда, за время пребывания катехизаторов в станах число обратившихся в православие было довольно значительным, но это отрадное явление следует приписать не столько работе катехизаторов, сколько стараниям самого о. Павла, ибо он путем частых своих посещений селений, многократных религиозных беседований с народом очень сильно влиял на психологию туземцев. Последнее обстоятельство тем более показательное, что с отъездом о. Архимандрита в Россию продуктивность миссионерской работы сразу понизилась и, в конце концов, почти сошла на нет.

Вообще, идея создания школ и станов, правильная в своей основе, оказалась не по силам такому молодому учреждению, как Русская Православная Миссия, и, полагаем, она была начата преждевременно.

Устройство миссийского подворья во Владивостоке

Еще до приезда своего в Сеул о. Павел стал устраивать подворье для Миссии во Владивостоке, чтобы иметь пристанище для себя и сотрудников своих на случай их приезда в названный город. Кроме того, он питал надежду, что подворье будет приносить доход и тем послужит некоторым подспорьем для пополнения скудного бюджета Миссии.

Место для постройки подворья отведено было Владивостокской Городской Управой в конце Манчжурской улицы при

подошве горы, с видом на бухту «Золотой рог», в стороне от населенных районов, довольно красивое. Оно было выровнено, вычищено от камня и обсажено деревьями. При подворье выстроены церковь-школа «Памяти Убиенных Воинов» в минувшую Русско-японскую войну в 1904-1905 гг. и квартиры для учителей. Здесь же проектировалось со временем устроить и помещение для преосвященного Викария Владивостокского. Здание подворья двухэтажное, кирпичное, довольно красивое по архитектуре. Посередине здания при входе в церковь находится вышка (род колокольни) с небольшим количеством колоколов. Устроено оно на добротные даяния частных жертвователей, преимущественно чинов военного ведомства, участников бывшей Русско-японской войны⁹⁹.

Церковь при подворье в честь Скорбящей Божией Матери (24 октября) была освящена 9 октября 1907 г. Преосвященным Евсеием, Архиепископом Владивостокским и Камчатским, в сослужении Архимандрита Павла и многочисленного городского духовенства, при большом стечении молящихся.

В день освящения церкви, после литургии, открыта была и самая школа типа смешанной одноклассной с трехгодичным курсом обучения, для детей местных жителей, русских. Тут же одновременно выбраны были: для церкви - церковный староста И.И. Антропов, для школы - попечитель, член местной Городской Управы г. Дюков, взявшие за возложенные на них обязанности охотно и несшие их в течение нескольких лет не без пользы делу.

Для несения пастырских и законоучительских обязанностей поставлен был о. Варфоломей, посвященный к дню освящения храма в сан иеромонаха, ему было поручено ведать этим вновь открытым миссийским достоянием в должности заведующего.

Первым из таковых был, как мы уже отметили, о. Варфоломей (Селезнев), служивший в 1907-1909 гг.; вторым о. Владимир (Скрижалин) - в 1909-1911 гг.; третьим - о. Феодосий (Перевалов) - в 1911-1913 гг.

При третьем заведующем по его личному настоянию церковь-школа, как и самое подворье со всем принадлежащим ему имуществом и персоналом отошла из-под ведения Миссии в ведение епархиального начальства. Причина такой передачи крылась в том, что Миссия не в состоянии была содержать на свои средства ни подворья, ни церкви, ни тем более школы, ибо доход, поступающий от кружечного сбора во время богослужений в храме и всякого рода пожертвований от доброхотных даятелей, на который рассчитывал о. Павел, не покрывал и половины всего расхода¹⁰⁰. Поэтому волей-неволей пришлось передать имущество подворья, как и самое подворье в другие, более состоятельные руки. И сама Миссия снова осталась без подворья и церкви на стороне. Таким образом, в настоящее время Миссия не имеет в пределах России никакого движимого или недвижимого имущества.

Образование церковного хора и труды по переложению церковных песнопений на ноты

Руководство церковным хором, как уже отмечалось, поручено было Федору Перевалову как человеку более или менее знакомому с пением и музыкой церковною, который вошел в состав Миссии исключительно для постановки пения при богослужении.

В то время в Миссии не было еще ни хора, ни готовых певчих, сколько-нибудь знающих пение. Поэтому пришлось ему с первых же дней приезда в Сеул создавать из ничего, если не хор, то по крайней мере «хорик», состоящий из детей корейцев, обучавшихся в миссионерской школе.

Занятия по пению шли в первые 3-4 месяца ежедневно, потом по два-три раза в неделю, за исключением дней предпраздничных, когда спевки учащались до двух раз в день и более. Сначала обучение было совместное для всех отделений школы, потом более способные были отделены специально для хора и стали обучаться по отдельности и в группах. В пер-

вой группе (общей) проходила простая восходящая и нисходящая гаммы и другие соответствующие сему несложные интервалы певческой «мудрости», во второй - более сложные, особенно молитвы и гласы церковных песнопений.

Много труда, стараний и усилий было положено на это скромное, малозаметное, но в то же время необходимое для церкви дело. Дети корейцев, не слышавшие дотоле ни музыки, ни пения, были настоящими дикарями в отношении музыкальной культуры вообще и певческой в частности¹⁰¹. Не обладая в массе своей слухом, они пели сиплыми, режущими ухо голосами, не считаясь ни с тонами, ни с правилами музыки, т.е. пели как бы сказать вразброд: «кто в лес, кто по дрова». Преподаватель нередко терял всякую надежду на успех своих трудов. Но, как говорит пословица: «терпение и труд все перетрут». Действительно, это мудрое народное выражение оправдалось. С течением времени дело стало налаживаться и приходило в должную норму. Дети с каждым днем все более и более стали усваивать и одолевая казавшуюся им недоступной «мудрость» певческую, и в результате через два-три года образовался довольно приличный «хорик», не дурно певший. Певчие пели в первое время за богослужением исключительно в один-два голоса, потом по мере навыка стали переходить к нотному партерному в три-четыре голоса пению, иногда довольно сложному¹⁰². Хор пел обычно все богослужение от начала до конца, тогда как ученики школы, не состоявшие в хоре, пели лишь избранные песнопения, как-то «Верую», «Отче наш», «Богородице Дево радуйся», «Достойно есть» и т.п.

Пение, заложенное 17-18 лет тому назад этим маленьким, незначительным по силе «хориком», поддерживается в том же приблизительно виде и порядке до настоящего времени.

Единовременно с образованием хора Ф. Перевалову поручено было также переложить на ноты, вновь переведенные на корейский язык церковные песнопения по образцам русской духовной музыки, по излюбленным Православной Церковью

напевам, по его личному выбору, с тем, чтобы Миссия имела в дальнейшем свои собственные переложения, т.е. имела бы свою главную основу церковного пения.

Положить на ноты ту или другую пьесу, исполняемую на иностранном языке, тем более на корейском, хотя бы с готовой композиции, труд далеко не легкий, если только перелагающий желает сохранить, по возможности, неприкосновенной данную мелодию. Корейский язык, как известно, представляет собой в этом отношении особые трудности. Слова корейские зачастую длинные, многосложные; речь пространная с массой придаточных, вводных и объяснительных предложений. Поэтому самая краткая фраза по-русски, принимает по-корейски вид распространенного предложения и требует нередко повторения нотной строфы. Например, мы поем по-русски: «Христос воскрес из мертвых, смертью смертью поправ, и сущим во гробех живот даровав». По-корейски это звучит: «Хырысытосыкесо чугыни-дыль-чуннэсо пухварьхаясо, чугомыроссо чугомыль мархасиго, то кванэ иннанджвядырэгэ моксумыль чусотнанида». Из этой одной краткой пасхальной песни видим, насколько длинна и трудна по произношению речь корейская, не говоря уже о других, более сложных словах, встречающихся в церковных песнопениях и еле выговариваемых.

Как ни трудно было исполнить предложенное переложение, но все же удалось справиться с ним, т.е. удалось сохранить за корейским текстом песнопения возможную близость к русским композициям. Правда, в некоторых переложениях встречаются отступления от общепринятых музыкальных правил, в виду той же растянутости корейской речи, но они не столь существенны, и таким образом общий музыкальный строй ничуть этим не искажается, наоборот, как бы восполняется.

Материалом для переложений служили композиции Бортянского, Ломакина, Виноградова, Бахметьева, свящ. Круглова, свящ. Аллеманова, Соловьева, а также напевы московский, киевский и др.

Вот краткий перечень сделанных переложений:

- 1) Всенощное бдение;
- 2) Литургия св. Иоанна Златоуста;
- 3) Ирмосы на воскресные и праздничные дни;
- 4) Стихиры, тропари и кондаки на воскресные и праздничные дни;
- 5) Херувимская песнь, «Милость мира» и «Достойно есть» в числе нескольких номеров, по музыке разных композиторов.
- 6) «Хвалите имя Господне», «Слава в вышних Богу», «Величит душа моя Господа» в числе нескольких номеров, по музыке разных композиторов.
- 7) Служба на Рождество Христово, Богоявление Господне, Св. Пасху и пр.

Все вышеозначенные песнопения положены на 3-4 голоса, написаны партитурами в скрипичном ключе, что представляет большое удобство для регента и для аккомпанемента на фисгармонии. Единственно чего не достает, так это того, что труд этот остался до сих пор в рукописях, не отпечатан за отсутствием средств в Миссии, что очень непрактично для певцов и для самого регента, не говоря уже о том, что с течением времени легко может быть утрачен.

После к указанным переложениям добавлены новые в числе нескольких номеров, положенные на ноты учеником миссийской школы, местным корейцем М.Г. Ким¹⁰³. М.Г. Ким, будучи еще подростком, выказал свои способности по пению и преуспел в нем настолько, что с отъездом Ф. Перевалова (потом иеромонаха Феодосия) в 1911 г. во Владивосток, вступил в исполнение обязанностей регента хора и учителя пения в школе. Регентские обязанности он исполнял в течение трех-четырёх лет и за это сравнительно короткое время успел переложить на ноты до 12 номеров церковных песнопений с разных произведений известных композиторов; причем, нужно отдать ему справедливость, переложил довольно умело, не отступая ни на йоту от оригиналов, без каких бы то ни было шероховатостей и дефектов, в духе истиной церковности¹⁰⁴.

Попытка по устройению миссийского храма в Сеуле

По примеру своего предшественника о. Павел не терял надежды на устройство соответствующего достоинству русского имени постоянного храма в Сеуле, который бы отвечал нарастающим потребностям Миссии и способствовал развитию религиозного чувства в молодой корейской пастве.

Сооружение храма, как уже отмечалось, задумано было еще о. Хрисанфом, но по независящим от него причинам отложено на неопределенное время. В бытность начальником Миссии о. Павла вопрос этот снова стал на очередь и вновь столкнулся с тем же препятствием, что и при о. Хрисанфе, т.е. с недостатком финансов.

Чтобы осуществить эту мысль, нужны были средства, причем немалые. Но где их взять? Вот вопрос, на который трудно было ответить. Нельзя было ожидать каких-либо добродетельных даяний извне на сооружение храма, тем более ждать отпуска казенных сумм, выдававшихся по особенному ходатайству только в исключительных случаях. Тогда о. Павел остановился на такой мысли: устроить храм-памятник русско-японской войны с усыпальницей для воинов, погибших в Чемульпо и др. местах Кореи в 1904-1905 гг., в который был бы перенесен их прах и погребен на вечные времена в одной общей братской могиле под церковью. Места свободного для храма-усыпальницы в Миссии не имелось, других подходящих для сей цели участков поблизости не было, поэтому оставалось одно: обратиться к состоявшему¹⁰⁴ тогда Генеральным Консулом в Корею А.С. Сомову с просьбою исхлопотать, если это возможно, отвода части консульского участка, соприкасающегося с Миссией для устройства означенного храма-памятника. Участок консульский был огромных размеров, наполовину пустующий, следовательно, без ущерба для консульства часть его могла быть уступлена Миссии. А.С. Сомов пошел было сначала навстречу доброму начинанию о. Архимандрита, заручился согласием надлежащих ведомств на отмежевание проси-

мого клочка земли и на отпуск необходимой суммы денег, которая в то время находилась в его распоряжении от продажи консульских участков в местечке Мозампо. Таким образом, оставалось лишь только оформить передачу земли и выделение средств, и церковь была бы устроена. Тем более что Св. Синод дал уже на это свое благословение. Но как раз на беду этому делу случилось какое-то несогласие между о. Павлом и г. Сомовым. А.С. Сомов, как оказалось, дал неблагоприятный отзыв об о. Архимандрите и тем дело окончательно провалил.

Тогда о. Павел ухватился, как утопающий за соломинку, за Комитет по Увековечению Памяти Русских Воинов, павших в войну в 1904-1905 гг., находившийся под председательством Великой Княгини Ольги Александровны в Петербурге¹⁰⁵. К нему он и прибег с просьбою о помощи и содействии в вышеозначенном деле.

Вот что он писал, между прочим, по этому поводу в названный Комитет Великой Княгини от 12 марта 1910 г.: «Славный подвиг чемульпоских героев 27-го января 1904 года составляет, несомненно, одну из славных страниц русской военной истории. Память об этих героях не только должна быть незабвенна для русских людей, но она живет и сохраняется на месте событий в Корее, где тысячи очевидцев со слезами рассказывают о том, как под звуки гимна с криками «ура!» команды «Варяга» и «Корейца» вступили в неравный бой с японской эскадрой и своей геройской смертью навсегда прославили Андреевский флаг. Поэтому вполне понятно, что вскоре по возвращении русских людей в Корею было возбуждено ими ходатайство об увековечении памяти героев, каковое ходатайство было повторено, причем как духовная, так и дипломатическая миссии в Сеуле¹⁰⁶ нашли справедливым и достойным славной памяти героев просить о перенесении их праха из Чемульпо с иностранного кладбища на русский участок дипломатической миссии в Сеуле, с тем чтобы над братской могилой воинов, устроить первый в Корее православный храм (домовая церковь Духовной Миссии приютилась временно в школе). На донесе-

ние Генерального Консула от 16 декабря 1908 г. последовала Высочайшая резолюция от 5 января 1909 г. такого содержания: «Вполне согласен». Ввиду же того, что в Корее на Ялу и по северо-восточному побережью разбросаны могилки сухопутных воинов, постоянный надзор за ними из-за отдаленности их невозможен, частое же командирование чиновников для поддержания в приличном виде могилки неудобно и сопряжено с крупными расходами. Начальник Православной Миссии и Генеральный Консул ходатайствовали о высочайшем разрешении на перенесение под проектируемый храм-памятник праха всех воинов, рассеянных по языческой Корее, на каком донесении от 15 августа 1909 г., за №46, собственной Его Императорского Величества рукою начертано: «Правильно». Вследствие изложенных обстоятельств в смету Св. Синода как в 1909 г., так и в 1910 г. была внесена сумма на построение в Сеуле храма-памятника, но в обоих случаях сумма эта (30 000 руб.), разрешенная бюджетной комиссией, была исключена по соображениям для нас неизвестным. Возбужденное мною перед Синодом ходатайство о всероссийском церковном сборе на устройство храма в Сеуле, также было отклонено за обремененностью церквей всевозможными сборами и налогами. Так рушились одно за другим наши ходатайства. Но у нас оставалась еще одна надежда, а именно: в мае 1909 г. Генеральный Консул в Сеуле возбудил через свое Министерство ходатайство о 40 000 иен, только что полученных консульством за проданный японцам участок Морского Министерства в Мосампо. Он просил, чтобы деньги эти были обращены на Высочайше одобренный храм-памятник морякам, принявшим славный бой у Чемульпо. Деньги эти, можно сказать, свалились с неба, так как за морской участок в Мосампо в течение многих лет аренда не выплачивалась, и японцы могли его конфисковать. Однако оказалось, что эти деньги по требованию Морского Министерства недавно высланы в Петербург.

«Ныне беру на себя смелость от лица Корейской Духовной Миссии повторить ходатайство Генерального Консула в Сеуле,

но уже перед названным Комитетом об обращении 40 000 иен на храм-памятник в Сеуле, с тем чтобы Комитет по согласованию с Морским Министерством представил изложенное здесь дело на всемиловиднейшее усмотрение Государя Императора в согласии с приведенными Высочайшими резолюциями о построении в Сеуле первого православного храма-памятника и усыпальницы при нем для чумульпоских героев и всех русских воинов, живот свой положивших в пределах Кореи в минувшую войну».

Последовал ли какой-либо ответ на это ходатайство, сказать затрудняемся. Вернее всего нет, иначе бумага имела бы в делах Миссии. Во всяком случае, известно, что ни просьбы, ни ходатайства, ни царские резолюции не принесли помощи делу. Попытки остались попытками, просьбы «гласом вопиющего в пустыне».

Таким образом, из-за противодействия одного человека, стоявшего в то время у власти в Корее, слову которого, по видимому, все же придавалось некоторое значение в правящих сферах Петербурга, доброе начинание рушилось вконец. Прах убиенных воинов в Чумульпо и других местах Кореи был собран и перевезен во Владивосток, где и погребен на морском кладбище в «Гнилом Углу» в 1912 г.

Миссия по-прежнему осталась со своей маленькой импровизированной «церковкою», ютящейся в школьном здании, и не может, конечно, мечтать о построении более приличного храма в будущем, ибо собрать несколько тысяч на постройку церкви по нынешним временам - задача невыполнимая или почти невыполнимая, а строить ее частями без капитала, в чаянии частных пожертвований - предприятие рискованное.

Служебные перемены в третьем составе Миссии в 1906-1912 гг.

За шестилетний период управления Миссией о. Павлом (1906-1912 гг.) в ее составе произошли следующие перемены:

1) В 1907 г. иеродиакон Варфоломей посвящен был в сан иеромонаха и командирован во Владивосток для несения па-

стырских и законоучительских обязанностей во вновь устроенную церковь-школу «Памяти убиенных воинов», что на Маньчжурской улице.

2) В 1908 г. рясофорные послушники Федор Перевалов и Константин Зигфрид согласно указу Св. Синода пострижены в монашество, первый с именем Феодосия, второй - Кирилла. Над тем и другим чин пострижения совершал о. архимандрит Павел.

3) В том же году о. Кирилл посвящен в сан иеродиакона с оставлением его при прежних обязанностях в Миссии.

4) В том же году русские мальчики, взятые с Седанки, Константин и Николай Пирожковы снова отправлены в Седанку¹⁰⁷.

5) В том же году Миссия, согласно указу Св. Синода, перешла из под ведения С.-Петербургского митрополита в ведение Владивостокского архипастыря.

6) В 1909 г. иеромонах Варфоломей из-за перехода его в Камчатскую Миссию отчислен из состава Корейской Миссии и вместо него командирован во Владивосток иеромонах Владимир (Скрижалин).

7) В том же 1909 г. за отсутствием рядового иеромонаха в Миссии прибыл в Сеул для временного исполнения пастырских обязанностей, когда-то полагававший начало миссионерству в Корее иеромонах Николай (Алексеев).

8) В 1910 г. монах Феодосий (Перевалов) посвящен в сан иеродиакона и иеромонаха с оставлением его при прежних обязанностях в Миссии¹⁰⁸.

9) В том же году иеромонах Николай отчислен из состава Миссии в Сеуле с причислением его к Миссии Уссурийской во Владивостоке¹⁰⁹.

10) В 1911 г. о. Владимир возвратился из своей командировки в Сеул и вместо него назначен во Владивосток иеромонах Феодосий.

11) В том же году иеродиакон Кирилл отчислен от состава Миссии с причислением его к братству Свято-Троицкого Уссурийского монастыря Владивостокской епархии¹¹⁰.

12) Вместо о. Кирилла посвящен в сан диакона старший учитель миссийской школы кореец о. Иоанн Кан¹¹¹.

13) В 1912 г. диакон Иоанн Кан посвящен в сан священника для несения пастырских обязанностей в станах.

14) В том же 1912 г. начальник Миссии архимандрит Павел вызван в С.-Петербург на чреду священнослужения и проповеди слова Божия, где в непродолжительном времени посвящен был в сан епископа Никольско-Уссурийского, викария Владивостокской епархии с местопребыванием во Владивостоке¹¹².

15) В том же году церковь-школа во Владивостоке изъята из ведения Миссии и передана в ведение Владивостокского епархиального начальства; одновременно с сим заведующий ее иеромонах Феодосий отчислен к епархиальному ведомству.

Таким образом, из многочисленного состава Миссии к половине 1912 г. оставалось в ней всего лишь два священнослужителя: о. Владимир и о. Иоанн Кан. Первый - штатный, второй - нештатный члены Миссии. Остальные (учители и катехизаторы) - миряне, вольнонаемные корейцы.

Этим, собственно, мы и заканчиваем свой обзор третьего состава Миссии, находившегося под руководством о. Павла, и перейдем к обзору других предстоятелей учреждения, следовавших один за другим после него, которые находились уже в непосредственном ведении Преосвященного Викария Владивостокского.

Архимандрит о. Иринарх (Шемановский)¹¹³

После о. Павла начальником Миссии был назначен о. Архимандрит Иринарх (Шемановский), служивший перед тем несколько лет на том же миссионерском поприще в пределах крайнего севера в Миссии Обдорской.

На о. Иринарха, перед назначением его в Сеул, возлагались большие надежды со стороны начальства как на человека испытанного и закаленного на миссионерском поприще.

Впрочем, и он сам открыто говорил о своей исключительной трудоспособности и энергии всем, с кем ему приходилось вступать в разговор, утверждая, что он человек сведущий в миссионерстве, что проповедь для него слишком знакомое дело, что Миссию сумеет поставить на такую высоту, как никто до него, и т.д.

- Я так сидеть, сложа руки, не буду, - говорил с уверенностью словоохотливый архимандрит, - у меня работа пойдет во всю ширь. Жизнь миссийская забьет кипучим ключом. Сам стану во главе дела, сам поведу катехизацию в народе, сам буду привлекать язычников к вере во Христа. Я сумею поставить дело, сумею возвести его на должную высоту.

На робкое замечание некоторых лиц, что корейский язык трудно осилить и это большая препона к проповеди, о. Архимандрит с жаром отвечал:

- Э, полноте, господа! Язык для необразованных - неприступная крепость, а для меня - сущие пустяки. При моей памяти и способности, это дело нескольких месяцев, если не сказать недель. Мне не в первый раз изучать языки.

На подобного рода заявления пишущий эти строки как-то раз заметил:

- Вы, о. Архимандрит, напрасно так увлекаетесь быстротой изучения языка. Насколько я понимаю, вы не учитываете всю трудность и сложность корейской речи. Языки, восточные вообще и корейский в частности, не таковы, чтоб можно было ими пренебрегать и тем более относиться к изучению их с такой легкостью. Наоборот, овладение ими из-за их особой конструкции представляет большие, малопреодолимые трудности.

С приездом в Сеул о. Иринарх действительно, как говорят, взялся ретиво за изучение языка. Не удовлетворяясь одним корейским, он принялся за английский. Чтобы лучше воспринять звуки чужой для него речи, запасася огромнейшею трубою наподобие граммофонного рупора, которую приставлял во время уроков то к одному, то к другому уху, тщательно стараясь уловить придыхания и другие тонкости произношения.

В первый месяц занятия его шли якобы сносно, во второй - слабее, в третий - окончательно приостановились.

«Злые языки», подсмеиваясь над ним, говорили: «О. Иринарх прекрасно изучил «два языка» (два корейских слова): пуль - огонь и муль - вода, которые пустил в оборот. Когда нужно говорить «пуль», он говорит «муль», когда «муль» - тогда «пуль».

С окончанием занятий по языковедению, естественно, нужно было ожидать, что о. Иринарх приступит к миссионерской работе, хотя бы через переводчиков, о чем так много и самоуверенно говорил. Однако и этого не случилось. Ни проповеди, ни другие задания Миссии не оправдали его горячих вожделений, и он вскоре потерял к ним всякий интерес.

Отчего произошла в нем такая быстрая перемена, сказать с достоверностью затрудняемся, но, полагаем, не без причины. Причина, по нашему мнению, крылась в том, что преосвященный Антоний (Жоржавин), архиепископ Тверской, как-то имел неосторожность предложить ему кафедру епископа Старицкого, Викария Тверской епархии, т.е. хотел возвести его в степень своего ближайшего помощника в Твери. Это так вскружило голову честолюбивому архимандриту, что он стал и во сне видеть архиерейскую мантию. Однако предложение оставалось предложением и дело дальше этого не пошло. Между тем, о. Иринарх не переставал ожидать с часу на час синодского указа о назначении его в Тверь, а, следовательно, и распоряжения своего ближайшего начальства о сдаче Миссии преемнику. Но ни указа, ни распоряжения епархиального начальства, ничего другого подобного сему не последовало. Дело оставалось по-прежнему неопределенным, невыясненным. Это страшно нервировало архимандрита и не давало ему покоя ни днем, ни ночью. При таком состоянии духа ясно, что можно забыть не только про «языки», но и про все на свете. Много нужно иметь сил и самообладания, чтобы отогнать от себя навязчивые, тщеславные мысли и не увлекаться такого рода посулами. Поэтому не мудрено, что

такую впечатлительную натуру, как о. Иринарх, постигли горькие разочарования и отсюда и проистекали все печальные последствия.

Между тем до Владивостока стали доходить неблагоприятные для о. Архимандрита слухи о том, что он будто бы ничего не делает, предается »бахусу», чудит и т.п. Насколько были справедливы эти слухи, сказать затрудняемся. Во всяком случае епархиальное начальство не замедлило отозвать его во Владивосток и там в 1914 г. дало ему другое соответствующее назначение, а именно: поставило заведующим церковно-учительскою семинариею на Седанке.

Во Владивостоке о. Иринарх сначала как будто умиротворился или, по крайней мере, делал вид, что умиротворился (должность заведующего семинарией считалась ниже должности начальника Миссии), но не надолго. Перспективы архиерейства снова стали кружить ему голову и не давать покоя. Кроме того, неприятности с учителями семинарии, настроенными по отношению к нему оппозиционно, принесли также немало огорчений. Тогда епархиальное начальство, чтобы раз и навсегда отделаться от докучливого архимандрита, снеслось с кем следует, и в результате состоялось назначение его (в 1916 г.) в Туркестанскую епархию в один из монастырей (Иссыккульский)¹¹⁴ в качестве настоятеля.

Каково было его служение на новом месте, как он управлял вверенною ему обителью, нам не известно. Имеются лишь только сведения о том, что монастырь Иссыккульский был разграблен, братия перебита и сам о. Иринарх убит оставшими киргизами в 1917 или 1918 г.

В общем, о. Иринарх был прекрасной души человек, очень добрый, отзывчивый сердцем. Всякий, кто к нему обращался, получал от него помощь. Кроме того, он был очень доверчив к окружающим и, главное, не злопамятен. Если на кого и имел негодование, так только на одну минуту, оборвет виновного, тем и делу конец. Правда, любил он иногда поговорить о себе, похвастаться знаниями и способностями, особенно «учено-

стью», но все это носило невинный характер, по крайней мере никому не вредило из числа посторонних лиц, за исключением разве самого о.Иринарха, потому что язык был враг его.

Не будь он назначен в Корею, а на какой-либо другой, более почетный пост в Россию, несомненно, он был бы на месте, во всяком случае, не было бы тех недоразумений, какие произошли с ним в Сеуле и во Владивостоке.

О. Иринарх во время пребывания своего в Миссии занимался садоводством и главным образом собиранием старинных редкостей корейских, как то: посуды, одежды и всякого рода предметов домашнего обихода – для своего маленького импровизированного музея, который хотел открыть в стенах Миссии. Коллекция вещей была собрана довольно значительная по количеству и сравнительно недорогая по затратам, но все же она стоила ему немалых денег. Это были в основном личные средства и в небольшой мере казенные миссионерские. Впоследствии из-за отсутствия помещения в Миссии музей согласно распоряжению преосвященного Павла передан был иеромонахом Феодосием (в 1918 г.) в собственность Владивостокского Восточного института безвозмездно, где и хранятся его ценности по сие время среди других редкостей Дальнего Востока¹¹⁵.

Из служебных перемен, бывших при о. Иринархе среди служащих Миссии, можно указать разве только на ту, что в его время посвящен был один из учителей миссийской школы, некий кореец Лука Ким в сан диакона¹¹⁶. Других же, более памятных перемен не произошло. Число служащих корейцев в означенный период было то же, что при о. Павле, за исключением русских, которых оставалось всего только два человека: о. Иринарх и о. Владимир.

Игумен Владимир (Скрижалин)¹¹⁷

После о. Иринарха вступил в управление Миссией иеромонах о. Владимир (Скрижалин) в качестве заведующего. О. Владимир по настоянию о. Иринарха вскоре по вступлении его в должность

возведен был в сан игумена и пожалован орденом св. «Анны» 3-й степени. Не получивши соответствующих полномочий начальника учреждения, о. Владимир тяготился новою для него должностью, не дававшей ему никаких прав и привилегий по службе и тем не менее требовавшей тех же забот и попечений, что и от правомочного начальника Миссии. Тем более, что со вступлением его в должность дела, подлежавшие осуществлению на месте, стали представляться на предварительное благоусмотрение епархиальной власти во Владивостоке, и он, заведующий, мог действовать только в пределах резолюций своего епископа.

Владивосток, нужно отметить, всегда смотрел на Миссию, узкоепархиальным взглядом, не считаясь ни с ее привилегиями, ни с заграничным положением, видел в ней ни что иное, как простой заурядный приход своей епархии, с которым считаться-де излишне¹¹⁸. Отсюда шаблонные, ничего не говорящие указы и приказы епархиального начальства, часто ставившие заведующего в тупик, в виду трудности их исполнения, не редко несоответствия законам и обычаям страны. Ненормальность такого явления была очевидна, но средств к исправлению или уничтожению ее не было никаких. Между тем, о. Владимир был уведомлен епархиальной властью, что пост свой он занимает временно, что в недалеком будущем вакансия его будет заменена лицом дипломированным, специально подготовленным для сего, которое займет должность предстоятеля учреждения и направит жизнь миссийскую по определенному руслу. Само собой разумеется, что подобного рода заявление не могло служить подспорьем делу, наоборот, оно тормозило его, приносило существенный вред, тем более что вызвано было ничем иным, как личною неприязнью к о. Владимиру со стороны власть имущих Владивостока.

Служившие в Миссии корейцы, пользуясь непрочностью положения о. заведующего, особенно его одиночеством (он был в то время один русский миссионер в Миссии), стали злоупотреблять своими обязанностями по службе и даже прибегать ко всякого рода обманам и надувательству, особенно в

хозяйственных делах, за чем было трудно уследить одинокому человеку при общей и круговой поруке служащих.

Чтобы избавиться от такого рода явлений, о. Владимир обратился к епархиальному начальству с просьбой назначить ему в помощь псаломщика из русских, знающего пение, который смотрел бы за служащими учреждения и помогал ему в деле миссионерства. Просьба эта вызвана была еще тем обстоятельством, что управлявший в то время миссийским хором вышеупомянутый М.Г. Ким, периодически бастовал в церкви, иногда по самым маловажным причинам, и очередные богослужения, нередко, оставались без какого бы то ни было руководителя в хоре. Заявление о. Владимира было принято к сведению и вскоре после сего был прислан псаломщик. Это был молодой человек, только что перед тем окончивший курс в духовной семинарии, П.А. Афанасьев¹¹⁹.

За время пребывания о. Владимира у кормила правления жизнь Миссии текла обычным порядком, нового в ней ничего не предпринималось, да и трудно было что-либо предпринять в виду тех рамок, в которые был поставлен о. Владимир епархиальными властями.

В 1917 г., как раз в первую волну так называемой «бескровной» русской революции, когда со дня на день ожидалось прибытие в Миссию нового настоятеля, только что окончившего перед тем курс наук в Восточном Институте во Владивостоке, о. Владимир подал прошение об отчислении его из состава Миссии и одновременно с сим просил Протопресвитера Военного и Морского духовенств о зачислении его в Действующую армию на одну из священнических вакансий. Просьбы та и другая были уважены¹²⁰ и он, по прибытии своего заместителя, не замедлил распрощаться с Миссией и миссионерской деятельностью и в половине июня вышеозначенного года отбыл к месту нового своего служения.

Итак, пробыв в Сеуле более 10 лет, из них три года в должности заведующего, о. Владимир принужден был оставить свой пост и искать себе пристанища в новой, незнакомой ему

военной среде, жить в условиях ежеминутной опасности (или быть убитым или искалеченным вражеской пулей). Каково было его служение на новом месте и жив ли он вообще в настоящее время, мы не знаем. По крайней мере, после того, как он оставил Миссию, не было от него никаких известий.

Иеромонах о. Палладий (Селецкий)¹²¹

С отъездом о. Владимира в управление Миссией вступил давно ожидавшийся иеромонах Палладий, только что перед тем окончивший курс во Владивостокском Институте.

О. Палладий, насколько нам известно, в дни своего студенчества пользовался особым благоволением преосвященного Павла, епископа Никольск-Уссурийского, помогавшего ему материально и морально для успешного окончания курса в названном Институте. При отправлении его в Сеул владыка обещал ему исхлопотать в самом непродолжительном времени сан архимандрита, т.е. хотел возвести в степень правомочного начальника учреждения. Бесспорно, преосвященный осуществил бы свое намерение, если бы сам о. Палладий не напортил себе, а также и преосвященному Павлу.

Прибыв в Сеул, о. Палладий сразу же усвоил тактику резко противоположную той, которой следовали его предшественники. Например, к начальству стал относиться критически, к подчиненным - высокомерно и пренебрежительно, особенно к корейцам, которых называл не иначе, как неотесанными «дубинами», глупыми кореезами и т.п. Из числа служащих один только псаломщик П.А. Афанасьев успел снискать у него некоторое доверие и расположение. Прочие же все не выходили из одной общей категории «бездельников».

Первое, что сделал о. Палладий, это - закрыл школы, функционировавшие со времен о. Павла, и одновременно с сим, распустил всех учителей и учащихся¹²².

Правда, это было сделано не самовольно, а по настоянию владыки Павла, но, тем не менее, удар просветительско-

миссионерской работе нанесен был более чем тяжкий, от которого Миссия едва ли сможет оправиться. Преосвященный Павел объяснял свое распоряжение тем, что с наступлением революции в России, принимавшей грозно-затяжной характер, нельзя будет рассчитывать на получение каких бы то ни было сумм на содержание Миссии, и тем более на содержание ее школ. Поэтому в силу необходимости пришлось заблаговременно сделать вышеозначенное распоряжение.

Само собой разумеется, что такое мероприятие, как закрытие школ, не прошло даром, оно подняло целую бурю негодования со стороны заинтересованных лиц, особенно учителей, лишившихся заработка, а, может быть, даже насущного куска хлеба. Учителя, не отдавая себе отчета о происходящем в России «хаосе», весь пыл гнева устремили на о. Палладия, как главного виновника их увольнения. О. Палладий, видя какой оборот приобретает дело, сослался на преосвященного Павла, приказавшего-де ему против воли и желания исполнить «несуразное», по его выражению, распоряжение. Тогда недовольные, оставив о. Палладия в покое, открыли поход против владыки Павла, стараясь очернить, унижить его в глазах христиан-корейцев, называя злейшим врагом просвещения вообще и школьного в частности. Чтобы больше принести вреда и неприятности преосвященному, они составили коллективную бумагу и направили ее в русско-корейский революционный трибунал, собравшийся в то время в г. Никольск-Уссурийске с просьбой, запретить «ненавистному» епископу вмешиваться в дела корейской Миссии в Сеуле как человека бесполезного, даже вредного для миссионерского дела среди корейцев.

Можно себе представить, что произошло после чтения означенной бумаги в корейской революционной толпе, заседавшей в вышеозначенном собрании. Лишь только закончилось чтение бумаги, как послышались дикие выкрики по адресу ни в чем неповинного архипастыря: «Убрать его! Вон его! Долой его! Арестовать его!» и т.д. Нужно заметить, что среди

засадавших были не только миряне, но и подведомственные епископу священники-корейцы Никольско-Уссурийского и Посьетского районов, когда-то обласканные, облагодетельствованные своим архиереем, его ставленники, теперь кричали вместе с безумной толпой: «Распни, распни его!» Картина удручающая. Кажется, было забыто все доброе, хорошее, христианское, сделанное владыкою для корейцев вообще и уссурийских в частности. Ведь никому так неизвестно, как пишущему эти строки, с какою бывало любовью и доброжелательством относился он к корейцам, их быту, положению как в самой Корее, так и в Уссурийском крае. Кто больше всех беспокоился об их школах, приходах, как не преосвященный Павел! Кто являлся главным защитником корейцев перед властями во Владивостоке, как не тот же преосвященный? И вот в результате мы видим, чем оплачивают они заботу о них: вместо благодарности - черною неблагодарностью, вместо признательности - дерзким диким походом против своего архиерея. Дальше этого идти, кажется, уже некуда!

Пишущему эти строки как-то раз (в то же революционное время) пришлось быть по делам служебным у преосвященного владыки архиепископа Евсевия и в разговоре показалось уместным высказать архипастырю несколько слов по поводу вышеозначенного выступления корейцев, спросить его, почему он, архиепископ, не выступил на защиту своего преосвященного Викария? Почему не провозгласил своего святительского прещения на эту гнусную революционную банду, собравшуюся судить неподвластного ей архиерея?

Владыка глубоко вздохнув, сказал: «Вы говорите, почему я молчу, почему не выступаю в защиту преосвященного Павла? Посудите сами, перед кем я должен выступить и защитить его? Перед волками и защитит от волков. Вы не знаете, насколько мы теперь безоружны, беззащитны... Мы совершенно потеряли под собой почву... Теперь каждый, кому не лень, может нас «лягнуть», если не сказать более. Лично я разве гарантирован от грубых выходов этой толпы?

На меня так же, как и на преосвященного Викария сыплются обвинения. Вот изволите видеть, как меня аттестуют мои же ставленники».

При этом владыка взял с письменного стола письмо, присланное ему каким-то священником из провинции, и стал его читать. Боже мой, какая это была брань! Какая ложь против архиепископа! Я после двух-трех страниц чтения (письмо было длинное) попросил владыку прекратить читать это невыносимое по дерзости и выражениям «послание». Мне было невыносимо больно за горячо любимого архипастыря. У меня невольно выступили слезы на глазах. Смотрю, у Владыки точно также глаза оросились слезами. Утешать было бесполезно, да и чем утетишь, когда все мы в одном и том же положении. Я молча встал, молча поклонился, молча облобызал его десницу и с тяжелым чувством вышел из его покоев. Вот, думаю, заварилась всероссийская «каша»! Дождались «волюшки»! Нечего сказать, хороша свобода! Возцарившийся «хам», как видно, покажет нам свободу. Нет, говорю себе, от добра добра не ищут, дальше нам ждать хорошего нечего. Мерзость запустения распространяется везде и всюду и, видимо, заполнит собою всю Россию, а может быть даже другие страны.

Между тем, когда Уссурийские корейцы судили преосвященного Павла в Н.-Уссурийске, в Сеуле приблизительно в то же время разнесся слух, что владыка Павел выехал в Токио передавать Сеульскую Миссию японцам¹²³. Известие это, как говорится, подлило масла в огонь. Теперь не только недовольные учителя-корейцы, но и сам о. Палладий открыто выступили против своего покровителя, как «злейшего врага» Миссии, старающегося якобы «объяпонить» учреждение.

Чтобы отколоться от «ненавистного» Владивостока и своего «нежелательного» епископа, о. Палладий собрал несколько человек христиан-корейцев, выступавших против Преосвященного, и предложил им решить: желают ли они оставить Миссию в подчинении Владивостока, стремящегося передать

ее в руки японцев или же хотят добиться самостоятельного независимого положения? Корейцы, как всегда готовые встать в самых даже маловажных вопросах в оппозицию японцам, конечно, не задумываясь, решили отколоться от «ненавистного» Владивостока. А один из них (священник Иоанн Кан) заикнулся даже об автокефалии корейской церкви (хороша автокефалия при двух-трех десятках христиан!), забывая, что автокефалии даются властью законным порядком, целым народностям во главе с их епископами.

После нескольких обсуждений составлено было прошение за подписями присутствующих (о. Палладий не приложил своей подписи, видимо, считал действия свои все же незаконными) и направлено в Св. Синод. В прошении, между прочим, говорилось, что корейцы-христиане желают, чтобы Миссия была самостоятельной, независимой ни от Владивостокского, ни от Японского, ни от какого-либо другого архиерея, кроме Синода, что во главе ее должен стоять правомочный начальник, непременно в сане архимандрита (а именно: о. Палладий).

Какая судьба постигла прошение, нам неизвестно, полагаем, что оно не произвело впечатления на членов Св. Синода, а если и произвело, так самое отталкивающее, тем более, что изложено было в духе самостийном, революционном, противном любви и смирению христианскому. А, может быть, оно не было принято во внимание, потому что Синод в то время был завален подобного рода бумагами, приходившими со всех концов России. Кроме того, Св. Синод доживал последние дни своей жизни¹²⁴.

Словом, так или иначе, дело с прошением провалилось окончательно и, как ни странно, никто из «воинствующих» корейцев не поинтересовался им ни в ближайшее время, ни в последующее. Миссия как была, так и осталась в ведении Владивостокского епархиального начальства, по крайней мере, до поры до времени.

Между тем преосвященный Павел, не зная ничего о происходящем в Сеуле, послал к о. Палладию одного катехизато-

ра, некоего Самуила Ли, когда-то служившего в Сеульской Миссии и потом перешедшего в Уссурийскую, с просьбой дать ему катехизаторское место в каком-либо из станом в провинции, хотя бы при самом минимальном вознаграждении. Самуил не замедлил прибыть в Сеул и предстал пред «грозная» очи о. Палладия с архиерейским письмом в руках. О. Палладий, узнав, в чем дело, тотчас велел ему немедленно убираться вон к «своему архиерею»; причем вдогонку испугавшемуся и оторопевшему просителю добавил: «Ваш архиерей мне не указ, я сам знаю, кого мне принимать, кого гнать, кого миловать!..» Получился грандиозный скандал¹²⁵.

Чтобы образумить не в меру расходившегося инока, преосвященный Павел написал ему письмо с выражениями неудовольствия, но довольно корректное по содержанию. В ответ на это получил от него дерзкое послание, грубое, до неприличия оскорбительное, в котором о. Палладий называл архиерея «большевиком» и другими умаляющими честь и достоинство епископа эпитетами.

Далее преосвященному Павлу ничего не оставалось делать, как вышеозначенную грамотку представить на суд архиерейского совета, только что начавшего функционировать во Владивостоке, и ждать его решения.

Епископский совет по рассмотрении дела определением своим постановил: «о. иеромонаха Палладия немедленно отозвать из Сеула во Владивосток в распоряжение преосвященного Викария и вместо него назначить другого иеромонаха по усмотрению Преосвященного».

Итак, пробыв три с половиной месяца в Сеуле, о. Палладий принужден был распрощаться с Миссией и миссионерской деятельностью, к которой готовился столько времени, и снова возвратиться во Владивосток.

Перед возвращением его во Владивосток, Преосвященный Павел, благодаря своему мягкосердечию и незлобию, высказался о нем, между прочим, так: «Пусть возвращается, Бог с

ним! Дадим ему какое-нибудь место, вернее всего в корейском стане, пускай его служит... по мере того, насколько осознает свою вину (если только осознает и извинится) я не прочь сделать его своим помощником по Уссурийской Миссии. Кто знает, со временем, может быть, будет еще архиереем... Теперь в нем говорит молодость, пылкость, невыдержанность, а там, Бог даст, все уляжется и он будет хорошим, полезным работником».

Не знаем, осознал ли о. Палладий свою вину, смирил ли себя перед оскорбленным владыкою, несомненно, лишь то, что он вскоре по прибытии во Владивосток снял с себя священный сан без всякого со стороны епархиальной власти повода и поступил на какую-то гражданскую службу. После, по частным сведениям, дошедшим до нас, был якобы выслан (при падении Владивостока в 1922 г.) советскою властью к себе на родину (на Волынь) и там исчез для Миссии бесследно.

Из всего вышеизложенного видно, что революция, разразившаяся в России, докатилась и до Сеула и здесь среди кучки русских людей и некоторых христиан-корейцев разразились, как эхо революции события, наделавшие немало шума и причинившие много неприятностей. Таков психоз всякой революции, болезненный и неотвратимый: психоз, которым заболела почти вся тогдашняя Россия.

Мы не стали бы приводить вышеупомянутую историю, если бы этот случай был единичный, но дело в том, что подобные факты повторялись и повторяются до настоящего времени и, видимо, будут повторяться впредь, если не будут приняты против них решительные меры. Повторяются они не только у нас, православных, но и в инославных миссиях, отличающихся, как известно, строгостью дисциплины. Например, у местных американских методистов и пресвитериан бывают подобные скандалы, чуть ли не ежегодно, особенно на почве денежной и служебной¹²⁶. Поэтому умалчивать, о такого рода явлениях, по нашему мнению, грешно и преступно.

Архимандрит Феодосий (Перевалов)¹²⁷

По отстранении от должности о. Палладия на его место вступил командированный из Владивостока иеромонах (ныне архимандрит) Феодосий. Иеромонах Феодосий был не новым человеком для Миссии: он еще раньше состоял в ней на службе в течение 5-6 лет в качестве регента и учителя пения в школе, следовательно, был знаком с ее порядками и постановкой дела. Он прибыл в Сеул в конце сентября 1917 г., как раз перед отъездом своего предшественника, срочно уезжавшего во Владивосток для отчета в своих действиях начальству.

Не легкая жизнь выпала на долю нового заведующего, она ничего ему не сулила хорошего, кроме одних огорчений, неприятностей и всякого рода забот. Русская революция давала себя знать не только в пределах отечества, но и здесь, за границей. Русские люди, случайно оказавшиеся за рубежами своей отчизны, обречены были на всевозможные лишения вплоть до нищенства. Коммунисты в России проявили себя ярыми врагами веры и народности русской, весь здоровый мыслящий элемент выброшен был за борт, слово «патриот» вытравлялось из всех слоев общества, всякий человек, любящий свою родину, объявлялся, чуть ли не изменником, врагом своего народа и отечества. В это-то беспринципное, ужасное по последствиям время, иеромонаху Феодосию пришлось нести на своих плечах, нелегкое бремя по управлению Миссией; стоять, так сказать, «на Божественной страже» без какой бы то ни было опоры и поддержки извне, со стороны родины и Церкви.

Критическое положение Миссии в первой половине 1918 г.

В 1917 г. Миссия имела еще кое-какие средства, следовательно, могла держаться до поры до времени без особенной нужды. Но с наступлением 1918 г., лишившись казенного содержания и не имея никаких статей дохода, обречена

была на всевозможные испытания и всякого рода лишения, от которых, думалось, нет никакого спасения. Заведующий Миссией, видя безвыходность положения, стал обращаться к своим архипастырям¹²⁸ во Владивосток с просьбой о помощи и содействии, указывая, что в дальнейшем Миссия не может функционировать без средств к существованию.

Насколько было печально ее положение (да и ее ли одной?) можно видеть из писем преосвященного Павла и владыки архиепископа Евсевия, адресованных на имя иеромонаха Феодосия в первые 3-4 месяца 1918 г. Которые как представляющие некий исторический интерес приводим здесь почти полностью.

Преосвященный Павел, заботясь об обеспечении Миссии в официальном письме своем от 30 января 1918 г. писал из Москвы следующее¹²⁹:

«Вследствие изданного декрета об отделении Церкви от Государства и невозможности получить казенные средства на содержание Сеульской Миссии в текущем году, довожу до вашего сведения и надлежащего исполнения, что согласно моему рапорту от 7/XI- 1917 г. №1070 на имя архиепископа Владивостокского, резолюцией последнего от 20/XII- 1917 г. за №1656 разрешается вам сдать в аренду под различное предприятия, с ведома Генерального Консульства в Сеуле, главное двухэтажное здание Миссии со всеми второстепенными постройками сроком на один год или менее, с тем, чтобы служащие Миссии перешли на жительство в помещение бывшей школы¹³⁰, куда перенесли бы и церковь с утварью. О размере арендной платы и условиях имеете сообщить архиепископу Владивостокскому. Если арендная плата будет мала, то соответственно с сим вы имеете сократить жалованье и все расходы по Миссии таким образом, чтобы денег хватило до конца года. Хотя я и предполагаю просить пособие для Сеульской Миссии, но, во-первых, неизвестно получу ли, а во-вторых, вследствие крайне низкого курса рубля пособие это будет ничтожно».

Несмотря на распоряжение преосвященного, ни главный дом, ни второстепенные постройки, о которых упоминается в оном письме, не могли быть сданы в аренду по той простой причине, что не имелось на них арендаторов, да и сейчас то же самое, мало ощущается нужды в европейских зданиях в Сеуле. Жители (корейцы и японцы) предпочитают жить в своих национальных домиках-клетушках, где чувствуют себя куда лучше, чем в наших помещениях. Что касается европейцев, то здесь их очень не много, причем в большинстве своем они имеют собственные особняки, устроенные по своему вкусу и умению.

Далее в постскриптуме преосвященный Павел приписал следующие слова: «Шлю вам привет из Москвы, куда я приехал с трудом 24 января. Поместился в Духовной Семинарии по Садово-Каретной улице. Питаемся скудно, хлеба дают одну четверть фунта очень плохого качества. Заседания Собора идут успешно, но боимся, что нас могут разогнать. Крестный ход из всех московских церквей 28 января вышел грандиозен. Народу участвовало 500 000 человек. Я имел счастье участвовать в крестном ходе, выйдя из Кремлевского Благовещенского собора, где служил Литургию. Получено известие, что Синод, канцелярия и пр. захвачены большевиками. Как будем жить дальше, не ведаем. Возможно, что многие из нас останутся не только без крова, но и без куска хлеба. Вы счастливы, что живете сейчас в Корее. Благослови Вас Господь Бог!»

В другом письме, посланном от 10/23 марта того же 1918 г., владыка писал: «Мною все делается на Соборе для того, чтобы получить скорейшую помощь для Сеульской Миссии, но едва ли помощь так скоро придет. Вы, вероятно, уже слышали, что все синодальные учреждения захвачены, а капиталы (более 40 млн.) опечатаны. Налоги на свечи в 5 руб. на пуд уже сделаны для содержания Собора, а некоторые еще наложили по 10 руб. для содержания духовно-учебных заведений... А от нас все отмахиваются. Нужды и горя по горло

у всех. Американская миссия с августа 1917 г. не получает содержания. Некоторые о. миссионеры поступили на частные заработки. Китайская миссия приступила уже к продаже некой недвижимости. Так все бедствуют!.. Здесь в Москве голодаем... Что будет?.. Дальше идти некуда!.. На ваш вопрос, как быть с миссией, отвечаю. Приступите теперь к следующим мерам. 1) Сократите до минимума служащих. Вы писали, что И.Н. Кан и Л. И. Ким хотят ехать в Россию на службу. Посоветуйте им выехать и выдайте денег на дорогу. 2) Приступите к продаже кое-какой недвижимости. В первую очередь продайте школьные дома в Каругае, Коха и Марысими. Дано будет разрешение на продажу дачи за северными воротами, если дадут около одной тысячи иен и если пришлете о том рапорт. 3) Мы все жалованья с 1 января не получаем ни копейки, рекомендую и вам расходовать на себя только то, что требуется на стол и самое необходимое. Ваша задача: протянуть с Миссией как можно дольше в ожидании помощи. Помощь же может прийти и не прийти, ибо дела идут с головокружительной быстротой. Благослови вас Господь на терпение, как и мы терпим и страдаем!»

Спустя несколько месяцев преосвященный Павел, обеспокоенный судьбою первых двух писем, снова писал от 4/17 апреля того же года: «Хотя я и посылал Вам из Москвы два заказных письма, но опасаясь, что они не дошли. Теперь и денежные письма пропадают...поэтому настоящее письмо посылаю из Владивостока через одного члена Собора. Сообщаю Вам, что я докладывал о бедственном положении Сеульской Миссии, писал доклады спешные, но практической пользы добьемся едва ли скоро. Ибо церковь наша не только бедна, но и нища. А соборы церковные теперь тащат во все стороны, чтобы заткнуть вопиющие нужды на местах... Притом 40 млн. руб. церковных денег были конфискованы. В виду этого я уже писал Вам, чтобы Вы продавали ненужные школьные здания, а затем и дачу за северными воротами. Бывшую женскую школу¹³¹ сдайте в аренду, если нельзя сдать главное

миссийское здание. О. Иоанну Кану и Луке Киму, желающим уехать на службу во Владивосток, посоветуйте сделать это. Я уеду из Москвы не ранее 1 мая по новому стилю. Собор закрывается 7 апреля и возобновится с 1 сентября. В Москве голодаем - выдают по одной четверти фунта хлеба. Если не сухари - беда! Жалованья с января не получаем. Потерпите и Вы: деньги употребляйте только на самое необходимое и, если можно, откажитесь временно от жалованья. Я верю, что во второй половине года получите содержание для Миссии. Бедствуют все Миссии: Пекинская тоже приступила к распродаже кое-какого имущества. Спаси Вас Господь, помолитесь и о нас. Архиепископ Евсевий приедет в Москву как член Синода на Страстной. Буду действовать через него.»

Не удовлетворяясь приведенными обещаниями преосвящ. Павла, заведующий Миссией счел нужным обратиться к владыке архиепископу Евсевию (тогда архиепископ находился еще во Владивостоке) с тою же покорнейшею просьбою ходатайствовать о содействии Миссии перед центральной церковной властью.

На эту просьбу благостный архипастырь ответил письмом от 2/15 мая 1918 г., из Москвы следующими строками:

«Сейчас я нахожусь в Москве, куда вызван в качестве члена Св. Синода. Ваш рапорт от 28 февраля - 7 марта и письмо я получил как раз перед самым своим отъездом из Владивостока и потому не мог ответить Вам тотчас же, тем более что мне необходимо было переговорить с преосвящ. Павлом, а он находится в Москве. В Москву я приехал 13/26 марта, но преосвящ. Павла в ней уже не было; он уехал на родину. На днях он возвратился в Москву. Вчера был у меня, мы с ним переговорили, и я спешу сообщить Вам результат наших переговоров. Главные ваши недоумения, как оказалось, преосвящ. Павлом уже разъяснены, он раза два писал Вам из Москвы и, между прочим, выслал официальное разрешение на сдачу в аренду миссийских зданий. Он же разрешил Вам, в случае нужды, продать школьные здания, дачный участок

и вообще все, без чего можно обойтись. Желаящему снять сан вдовому священнику корейцу Иоанну Кану можно не препятствовать в сем. Весь свой штат Вы можете временно распустить, если это необходимо по материальным соображениям. Псаломщика и диакона-корейца можно пристроить во Владивостокской епархии, если они пожелают. Но Вас я убедительно прошу остаться в Сеуле. Переживаемое крайне тяжелое время для Сеульской Миссии, надеюсь, будет продолжаться недолго. Ее обещает поддержать миссионерское Общество и она, полагаю, будет получать, во всяком случае, не меньше, чем получала раньше. Теперь, правда, мы все переживаем такое тяжелое время, что решительно порастерялись и, подчас, трудно сообразить, как надо действовать. Синодальные суммы у нас отобраны, процентные бумаги аннулированы, в казенном ассигновании нам отказано. Но, надеюсь, это тяжелое положение для всех нас тоже временное и будет непродолжительным. Принимаются меры, чтобы найти выход из этого затруднительного положения, есть полные основания надеяться, что и сами верующие поддержат Церковь, ее служителей и все церковные учреждения. Вы пишете, что у Вас средств хватит по май. Посредством сокращения штата и продажи всего, что можно продать вы можете просуществовать еще несколько месяцев, а тем временем Бог даст, выяснится и наше положение. Во всяком случае, Патриарх высказал мне решительное намерение поддержать Сеульскую Миссию. Я пробуду в Москве, вероятно, не менее чем до декабря месяца и посему, если будете иметь нужду во мне, пишите в Москву, по адресу: »Садовая-Каретная, здание Духовной Семинарии, члену Св. Синода...». Что у нас творится, об этом лучше не писать, а молить Бога, чтобы возможно скорее жизнь наладилась. Отраднo только то, что созванный еще к 15 августа минувшего года Церковный Собор действует согласно и по-православному. Перед Пасхой сделан был перерыв заседаний Собора, но с 1 июля он возобновил свою деятельность и к 1 сентября, вероятно, закончит. Из-

бранный в ноябре месяце прошлого года и в том же месяце поставленный Патриарх Московский Тихон (был Митрополитом Московским после Макария) произвел на всех самое благоприятное впечатление¹³². Вообще в церкви у нас, кажется, налаживается порядок, разладившийся было после революции. Только Грузинская Церковь отделилась от Русской. Правда, некоторое волнение происходит на Украине, но там, Бог даст, дело уладится. Преосвящ. Сергию японскому я послал письмо из Владивостока незадолго до своего отъезда оттуда. Не знаю, получил ли он его, хотя я послал заказным. Теперь почта доставляет письма крайне неисправно. Ваши отчеты, метрики и клириковую ведомость я получил. Если псаломщик полезен для Миссии и найдутся средства для его содержания, то, пожалуй, лучше бы его оставить. Другого с таким образованием потом не найти, да и Вам без русского человека будет скучновато... От всей души желаю Вам всяких благ. Прошу ваших святых молитв и остаюсь взаимно молящимся и искренно расположенным к Вам, Евсевий Архиепископ Приморский и Владивостокский».

Тут же при письме вложена была небольшая приписка преосвящ. Павла, состоящая из нескольких слов: «Со своей стороны шлю привет и наилучшие пожелания. Терпите, елико возможно, памятуя, что нам гораздо труднее, чем вам в Сеуле. Продайте, что можно. В самом крайнем случае разрешено будет вам продать и бывшую женскую школу. Помолитесь. Любящий епископ Павел»¹³³.

Приведенные строки двух благостных архипастырей Владивостокских, обращенные к Миссии и ее предстоятелю, были последними, так как вскоре после сего архиепископ Евсевий был назначен управляющим Смоленской епархией¹³⁴, а епископ Павел - на кафедру епископа Аксайского, викария Донской епархии¹³⁵. Вслед за сим границы центральной России были закрыты и связь с Москвой и, конечно, с названными архипастырями сама собою прекратилась. Таким образом, Миссия осталась совершенно одинокой, изолированной от высшей

церковной власти, без всякой видимой поддержки не только материальной, но и нравственной. Правда, временами она сносилась с Владивостоком, когда город находился во власти «белых», но сношения эти были частичны, непродолжительны, причем часто прерывались из-за переворотов, организованных то «красными», то - «белыми», то - «зелеными».

Относительно продажи школьных зданий и других второстепенных строений, о чем шла речь в письмах преосвященных владык, то они, здания эти, не могли быть проданы в момент острого кризиса, так как не находилось на них покупателей, а если бы и нашлись таковые, то едва ли бы много дали за них. Во всяком случае, подобная продажа не принесла бы существенной пользы, и тем более не спасла бы Миссию¹³⁶.

Итак, к прискорбию своему хочу заметить, что все заботы и попечения добрых архипастырей не увенчались успехом, и помощь так и не поступила ни со стороны Москвы, ни со стороны Владивостока, ни со стороны частных предпринимателей, которые бы пожелали арендовать строения.

Миссия, будучи предоставлена самой себе, сама стала изыскивать средства, сама распределять их и жить соответственно сему по своему личному усмотрению.

Материальное положение Миссии в 1918 - 1925 гг.

В 1917 г., как мы уже писали, жизнь в Миссии протекала более или менее безбедно, потому что казенное ассигнование все же было получено, хотя с большим трудом и натяжками.

Но вот наступил для нее 1918 г. и вслед за ним другие, не менее тяжкие года материального страдания и полной неопределенности положения, когда рушились все надежды, на какую бы то ни было помощь со стороны России, даже частного характера, не говоря уже о казенном ассигновании. Каждый день можно было ожидать закрытия учреждения и полного крушения дела. Если этого не произошло, так единственно

только благодаря нравственной поддержке вышеупомянутых архипастырей Владивостокских, отечески советовавших держаться до последнего. Ради ли молитв их, или ради скромных заслуг Миссии, Господь не оставил своего святого достоинства, ниспослал вовремя материальную помощь. Поддержка пришла неожиданно со стороны инославных и иноверных лиц, как раз в минуты наибольшего финансового кризиса, когда всякий иен был дорог, когда несколько десятков иен составляли чуть ли не целый капитал.

Первым пришел на помощь начальник местной Англиканской миссии епископ Троллоп, вторым русский гражданин, живший в то время в Йокогаме, М.А. Гинсбург. Первый в течение 19 месяцев выдавал ежемесячно в виде субсидии по 250-300 иен в месяц¹³⁷, а всего предоставил 5100 иен; второй пожертвовал единовременно¹³⁸ 10 000 рублей, что составило по курсу того времени 2100 иен. Первая помощь была принята с согласия нашего Генерального Консульства, по предварительном получении уверения со стороны епископа Троллопа, что он, епископ Троллоп, не будет требовать уплаты долга, пока сама Миссия не оправится и не найдет возможным приступить к выплате, разумеется без процентов¹³⁹; вторая сумма поступила в виде дара без каких бы то ни было обязательств со стороны Миссии. Последнее пожертвование тем более знаменательно, что жертвователем по национальности - еврей, по религии - иудей; он, кстати, заметим, был в свое время одним из пионеров русского торгового дела в Корее; следовательно, как таковой, не терял связи с Сеулом, сохранил свои симпатии ко всем русским начинаниям в этой стране в самом широком смысле слова.

С получением вышеозначенных пособий Миссия вздохнула более или менее свободно, по крайней мере, на первое время вышла из затруднительного положения.

В 1920 г., чтобы снова не остаться без средств к существованию, иеромонах Феодосий обратился непосредственно в патриаршее управление в Москву¹⁴⁰ с покорнейшей просьбой

об оказании помощи в наискорейшем по возможности времени. К ходатайству этому, направленному при любезном содействии английских миссионеров через Лондон, приложена была докладная записка о Миссии вообще и о ее значении для Кореи в частности. В записке этой, между прочим, говорилось следующее: «В 1918 г. Миссия, будучи оторванной от родины и не имея никаких статей дохода, осталась без всяких средств к существованию, в каком-то положении находится в настоящее время. Вследствие этого она была принуждена большую часть служащих распустить и остаться с крайне недостаточным штатом людей. И самую просветительскую деятельность свести до минимума. Если до сего времени она не прекращает своей деятельности, так исключительно благодаря помощи извне - со стороны инославных лиц... Заведующий Миссией неоднократно обращался с такою же приблизительно просьбой к Владивостокскому епархиальному начальству, но в ответ обычно получал одни «пожелания» и те с октября 1919 г., по случаю закрытия русской границы, прекратились. Теперь, претерпевая ту же материальную нужду, что и в 1918 г., мы поставлены в необходимость обратиться непосредственно в Управление Его Святейшества с всепокорнейшею просьбой о помощи, тем более, что сознаем всю важность и ответственность возложенных на нас обязанностей по управлению учреждением; обязанностей, которые не можем прекратить или оставить без надлежащих распоряжений высшего духовного начальства...

К сему считаем своим долгом присовокупить следующее: по глубокому нашему убеждению, вынесенному из многолетнего пребывания в Корее, закрытие нашей Миссии имело бы в высшей степени отрицательные, почти непоправимые последствия. Православная Миссия в Сеуле, как ни скромны были ее силы и средства, успела пустить прочные корни в религиозном, бытовом и политическом сознании того полупервобытного народа, среди которого она призвана работать. Русская церковь в Сеуле являлась и является не только све-

тильником православия, животворящего религиозного начала, но и рассадником, проводником духовных и культурных влияний русского народа на Дальнем Востоке. Посредством русской церкви, ее служителей, ее паствы, поддерживалась и поддерживается та связь между Россией и народами Востока. Наконец, нельзя упускать из виду, что в сознании корейцев Православная Церковь неразделимо связана с Россией, в какой бы временной слабости она не находилась, ибо всякий кореец осознает тесную связь его родины с Россией. Поэтому закрытие Миссии, просуществовавшей с более 20 лет, было бы, как нам кажется, большим ударом как для выполнения религиозно-просветительных задач Православной Церкви, так и для национальных и политических интересов русского дела на Дальнем Востоке¹⁴¹.

Просьба эта, к сожалению, не имела успеха, да и достигла ли она цели назначения? Сомневаемся. По крайней мере, о дальнейшей судьбе ее до сих пор ничего неизвестно.

Чтобы не терять времени в ожидании средств из Москвы, иеромонах Феодосий в том же 1920 г. обратился с такою же просьбой к нашему послу в Японии, г. Крупенскому, прося поддержать его просьбу, направленную Российскому Агенту торговли и промышленности в Токио г. Миллеру об отпуске необходимой суммы для нужд Миссии, хотя бы в размере 3500 иен¹⁴².

Просьба эта, безусловно, была бы отклонена, если бы не поддержал ее бывший министр юстиции Омского Правительства Г.Г. Тэльберг, проживавший со своей семьей в Миссии и случайно оказавшийся по делам службы в Токио. Г.Г. Тэльберг еще перед отъездом своим в Японию высказался, что он сделает все возможное для Миссии, чтобы помочь бедствующему учреждению. Действительно, не прошло пяти-шести дней со времени его отъезда, как он уже извещал заведующего следующими обнадеживающими словами: »Я два раза беседовал с послом и коммерческим агентом о Миссии и добился некоторых успехов. Куйте железо, пока горячо: не-

медленно пришлите послу докладную записку. Не ручаюсь, конечно, за успех, но авось выгорит. Я и дальше сделал некоторые шаги по этому делу»¹⁴³.

Заведующий Миссией не замедлил, конечно, долго ждать себя, доставил требующееся и в результате получил сумму в размере 3500 иен.

В 1921 г. иеромонах Феодосий (теперь уже начальник Миссии) обратился с такою же просьбою к преосвященному Михаилу, епископу Владивостокскому, прося его содействия перед Приморским Правительством об отпуске необходимой суммы на дальнейшее существование Миссии хотя бы в размере 2500 руб.

На просьбу эту не последовало ответа ни со стороны преосвященного, ни со стороны Епархиального Совета.

Тогда (в 1922 г.) просьба была повторена с присовокуплением запроса, может ли Миссия надеяться на получение просимой суммы в минувшем году? На такой категорический вопрос Владивостокское епархиальное начальство ответило указом такого содержания¹⁴⁴:

«Владивостокский Епархиальный Совет сообщает Вашему Высокопреподобию, что на содержание Миссии и на хозяйственные надобности отпущено из казны на первое полугодие 1922 г. 1200 руб. золотом. О высылке этой суммы одновременно с сим заготовлена ассигновка во Владивостокское казначейство, но ввиду задержки казенных выдач вообще рассчитывать на получение отпущенной суммы в скором времени нельзя. О результате по получении денег Вам будет сообщено дополнительно»¹⁴⁵.

Из-за такого неопределенного ответа, вернее отписки казенной (чего и нужно было ожидать), иеромонах Феодосий принужден был обратиться еще раз в Токио к г. Миллеру с тою же всепокорнейшею просьбою, прося его отпустить незначительную сумму, хотя бы в размере 1200 иен. Просьба, благодаря любезному содействию нашего Поверенного в Делах Д.И. Абрикосова, была уважена и на этот раз, но

с большими натяжками и оговорками, даже с требованием подписки от просителя, чтобы он, проситель, впредь не обращался с такого рода просьбами, так как у него, Миллера, не имеется-де на этот счет лишних сумм, коими бы он мог располагать по своему усмотрению¹⁴⁶.

После такого решительного предъявления ничего другого не оставалось делать, как изыскивать средства у себя дома на месте и тем существовать насколько возможно.

Чтобы осуществить эту мысль, начальник Миссии, не откладывая дела в долгий ящик, сдал все свободные помещения под квартиры частным лицам и часть центрального участка (огород) - в аренду китайцам. С этого времени Миссия почувствовала себя несколько устойчивее в смысле финансовом, хотя общие недостатки не сошли с ее пути, остались те же, что и в минувшие года.

В настоящее время квартируют в Миссии исключительно русские, временно проживающие в Сеуле, и среди них, бывший наш консул в Сейсине (Чончжин) А.С. Троицкий с семьей. Доход, получаемый от квартир, очень незначителен, он не превышает 170- 180 иен в месяц, но все же на него можно кое-как тянуть время, если бы только он был прочен и постоянен. Но дело в том, что сегодня он есть, завтра нет, значит, снова то же бедствие.

Итак, за весь вышеуказанный восьмилетний период Миссия получила извне, со стороны посторонних лиц 11 900 иен и за квартиры от жильцов за последние два-три года 3000 иен с небольшим, а всего до 15 000 иен. На эти деньги, главный источник которых был, как видели, совершенно случайный, нужно было содержать членов Миссии, хор певчих, прислугу; тратить значительную часть на отопление, освещение, воду; поддерживать в чистоте и порядке здания; производить неотложные починки, ремонт и т.п. Если бы не вышеуказанные поступления, то, вне всякого сомнения, подобного рода расходы были бы непосильны Миссии, и она волей-неволей должна была бы закрыться¹⁴⁷.

Прочитав вышеозначенные строки о «пособиях», читатель невольно задаст себе вопрос: «А где же паства? Почему она не принимала и не принимает участия в поддержке учреждения? Неужели верующие не могли собрать в пользу своих духовных отцов некую толику и тем отстранить от них финансовый кризис? Ведь это, кажется, долг каждого христианина, искренне верующего и сыновне преданного церкви».

Бесспорно, в этих и подобных сему случаях верующие должны были бы прийти на помощь учреждению, прийти по нравственной обязанности добрых христиан и послужить делу Божию не по принуждению, а по своей доброй воле. Но, спрашивается, где они, эти верующие? Ведь их всего насчитывается от 500 до 600 человек, не более; причем эта маленькая горсточка людей находится кто в провинции, кто - в Японии, кто - в Приморье, и т.д., так что на Сеул падает самая незначительная кучка православных корейцев-бедняков, перебивающихся, как говорится, «с хлеба на воду», от которых ждать помощи - то же, что от нищего подаяния.

Вот поэтому-то иеромонах Феодосий и принужден был в минуты финансового кризиса просить поддержки у посторонних, часто не причастных к делу Миссии лиц и учреждений; по этой же причине и сдал помещения под квартиры жильцам, ибо другого выхода не было, и не предвиделось в будущем, по крайней мере в скором будущем.

Личный состав Миссии в 1917-1925 гг.

Ко времени приезда иеромонаха Феодосия в Сеул, т.е. к концу 1917 г., в состав Миссии входили, кроме заведующего: священник, диакон, два псаломщика (один из них исполняющий обязанности) и 7 катехизаторов, а всего, включая заведующего, 12 человек.

Из них: заведующий и один из псаломщиков - русские, остальные - корейцы.

Местопребыванием для заведующего, диакона и русского псаломщика был Сеул, для других - станы в провинции.

Содержание в 1917 г. получали все более или менее нормальное, но с 1918 г., с наступлением финансового кризиса, оно было сокращено на 30% и, наконец, с 1 мая того же года было окончательно прекращено, за исключением трех лиц: заведующего, диакона и исполняющего обязанности псаломщика, кои оставались при Миссии для несения очередной службы при самом, так сказать, минимальном вознаграждении. Всем же прочим служащим предложено было или оставить службу, или, если хотят, оставаться при ней без всякого вознаграждения, при одной бесплатной квартире. Желающих работать при таких условиях, конечно, не нашлось; причем это вынужденное обстоятельствами времени распоряжение вызвало неудовольствие и породило большую неприязнь со стороны обездоленных лиц к оставшимся членам Миссии. Так, например, священник о. Иоанн Кан по получении расчета, не задумываясь долго, явился к заведующему и безапелляционно заявил ему, что он снимает с себя ясу...

- Что Вас заставляет идти на такой рискованный шаг? - спросил заведующий.

- Одиночество! - ответил вопрошаемый.

- Как одиночество?

- Жена умерла... Никого нет...Я один...

- Ну, так что же из того, что жена умерла... Ведь не первый же день Вы живете без жены? Пора, кажется, привыкнуть к вдовству...

- Кто как, а мне не привыкнуть... Мне тяжело без жены... без близкой подручницы в жизни...

- Верю... Но насколько я помню, вы и раньше, когда не были еще одиноким, точно так же заявляли предшественникам моим о желании снять с себя сан, да и мне уже успели при первой же встрече напомнить о сем через посторонних лиц, совершенно не причастных к вашей жизни...

- Прежде я хотел снимать из-за неприятностей с консульским драгоманом Сенько-Буланым... Побили меня напрасно... ни за что...

- Так, но теперь?

- Теперь жить трудно... Не могу один... Нужно все делать самому... Самому прибирать, убирать... да и скучно одному... То ли дело жена...

- Полноте, ведь вы не двадцатилетний юноша, чтоб так легко рассуждать... Вы взрослый человек... Вам 40 лет... Прежде чем решиться на такой шаг, нужно хорошенько подумать, на что идете, чего лишаетесь... Вспомните, как принимали священство... Что Вам говорили при посвящении... Как должны блюсти врученное Вам богатство благодати... И вдруг нате, не хочу священства... Разве это шутка? Мало ли что взбредет в голову, неужели все нужно осуществлять на деле... Ведь такие шаги, как снятие сана, должны быть результатом известной душевной борьбы, рассуждения... Вы знали, на что шли...

- Нет, не знал...

- Как не знали?!

- Мне перед посвящением ничего не сказали... велели посвятиться, я и посвятился.

- Ну, так что же из того, что ничего не знали?... Чего вам сказать?

- Не сказали, что во второй раз нельзя жениться... Если бы сказали, то я... конечно... не...

- Ах, что там «не»! И посвятились и покинули бы свой сан также легко, как и теперь...

- Пусть будет так, по Вашему... Но держать меня насильно никто не может, я решил...

- Да никто Вас и не держит... Можете хоть сейчас снимать и идти куда угодно... «Вольному воля, спасенному рай»... Вы не дитя, чтоб держать вас и усовещевать... сами знаете, что хорошо, что плохо... Только об одном прошу, подайте мне прощение, если можно, теперь же... Слова - словами, а дело - делом...

На этом разговор прекратился и более не возобновлялся. Прощение было подано и направлено кому следует, но результаты от него остались неизвестными, так как проситель вскоре после сего отправился во Владивосток и там, по видимому, добился того, чего желал. Во всяком случае, из Миссии он выбыл навсегда, не сохранив с ней никакой связи в дальнейшем.

Нужно заметить, что этот почтенный иерей, в бытность о. Владимира заведующим, обвенчал в одном из станов какую-то корейскую чету в Великую Пятницу, о чем, конечно, никто из членов Миссии не знал. Прошло три-четыре недели после бракосочетания, о. Владимир по обыкновению стал записывать брак в метрические книги и к ужасу своему заметил, что он совершен в незаконное время. Отец Владимир призывает к себе о. Иоанна и спрашивает:

- Вы когда венчали последний брак?

- В пятницу, - отвечает тот.

- Знаю, но в какую?

- Перед Пасхой...

- Значит в Великую?

- Да, кажется, в Великую...

- О. Иоанн! - в ужасе воскликнул вопрошающий, - Да вы что с ума сошли?! Да Вы что, с Луны что ли слетели? Иль у Вас ум за разум зашел? Ведь вам слава Богу, сорок лет, а Вы точно младенец, как будто первый день на свете живете...

Чтобы избавиться от нежелательной переписки с начальством, брак, конечно, пришлось записать под другим числом, а первую запись исправить и тем замять дело.

С отъездом о. Иоанна стали расходиться также один за другим катехизаторы и, наконец, после всех - псаломщик П.А. Афанасьев. Последний, не отчисляясь от Миссии, отбыл во Владивосток для поступления в Восточный Институт, где хотел пополнить свое образование. С падением Владивостока (в 1922 г.) П.А. Афанасьев снова прибыл в Сеул, чтобы пристроиться к Миссии на прежних, конечно, основаниях, но

как раз незадолго перед тем состоялось официальное отчисление его от состава Миссии, как не состоявшего на службе в течение трех лет, поэтому о причислении его вновь к учреждению не могло быть и речи.

В настоящее время (1925 г.) Миссия состоит из тех же лиц, что и в конце 1918 г., а именно: начальника Миссии, священника-корейца, недавно рукоположенного в священный сан и псаломщика-корейца (он же регент), а всего из трех человек.

Первый из них занимает штатную, остальные два - нештатные должности. Кроме означенных лиц, Миссия продолжала и продолжает поддерживать небольшой церковный хор певчих, состоящий из детей-корейцев в числе 10-12 человек, за недорогую сравнительно плату и держит два-три человека прислуги для поддержания чистоты и порядка в помещениях и вне помещений: в саду и огороде, окружающих Миссию. Вот и весь штат, весь состав служащих Миссии за последние 7-8 лет.

Деятельность Миссии в 1917-1925 гг.

Деятельность Миссии за вышеозначенный период, как отмечалось уже ранее, нельзя сказать, чтобы была особенно активной в смысле проповеди слова Божия по вышеизложенным причинам, т.е. по отсутствию сил и средств. Продуктивность ее работы, в смысле просвещения язычников, была незначительной по сравнению с предшествующими годами материального благополучия, ибо служащие, как это ни прискорбно, не в состоянии были нести планомерной проповеднической работы, будучи сами поглощены заботой о хлебе «насушном». Чтобы существовать кое-как, им приходилось и приходится до настоящего времени искать для себя побочного труда на стороне и тем пополнять свой тощий бюджет. Особенно ярко выразилась беспомощность Миссии в смысле распространения христианства со времени закрытия школ¹⁴⁸ и увольнения катехизаторов¹⁴⁹, чья деятельность является

необходимым звеном в миссионерской работе. Правда, школы Миссии, как говорилось ранее, далеко не отвечали своему назначению, катехизаторы не имели должной подготовки, но все же при них работа по религиозному просвещению населения, так или иначе, шла.

Теперь за отсутствием тех и других, Миссия осталась как бы без рук: она не в состоянии сама собою предпринимать каких-либо наступательных шагов в толщу языческую, куда могут проникнуть только туземцы. Ни для кого не секрет, что катехизаторы и учащееся юношество, воспитываемое на основах веры, являются наилучшими проводниками христианских идей в родной для них среде, невольными проповедниками Евангелия Христова, облагораживающего невзрачную жизнь поселянина. Это факт, нужно сказать, общепризнанный, неоспоримый! У нас за неимением всего этого работа миссионерская сузилась до крайних пределов и все старание Миссии приложено только к тому, чтобы сохранить имеющуюся налицо общину православных. И в этом последнем, думается, заключается главная задача Миссии в настоящую пору отечественного «лихолетья», т.е. задача уберечь в целостности и неприкосновенности, как вещественные, так и духовные ценности.

Впрочем, члены Миссии, насколько было возможно, трудились не за страх, а за совесть. Так, между прочим, они совершали неопустительно богослужения во все воскресные и праздничные дни, а также в дни говенья и постов¹⁵⁰; вели очередную проповедь в храме и вне храма внебогослужебную с народом; совершали положенные требы; предпринимали время от времени поездки в станы и др. места провинции; учили малолетних, оглашали взрослых и т.д. Словом, делали все, что могли делать, насколько были в силах и состоянии. Другого, большего дать не могли, да и трудно было ожидать при настоящих условиях жизни. Благодарение Богу еще и за то, что есть, а об остальном позаботится уже сам Господь Бог! Пусть будет Его святая воля!

Служебные перемены в составе служащих Миссии в 1917-1925 гг.

За последний восьмилетний период среди служащих Миссии произошли следующие перемены:

1) 1 октября 1917 г., как уже говорилось выше, вступил в управление Миссией, командированный из Владивостока иеромонах Феодосий (Перевалов) в качестве заведующего.

2) С 1 января 1918 г. за отсутствием средств в Миссии всем служащим было сокращено содержание на 30% и с 1 мая того же года выдача такого окончательно прекращена за исключением трех лиц: заведующего, диакона и и.о. псаломщика, оставшихся для несения очередной службы в церкви. Лишенные жалованья не замедлили, конечно, выбыть из состава Миссии, разошлись, кто куда мог. Например, священник Иоанн Кан и псаломщик П.А. Афанасьев отправились искать «счастья» во Владивосток, другие - по разным местам Кореи. Таким образом, ко второй половине 1918 г. в Миссии оставалось всего только три человека: иеромонах Феодосий, диакон Лука Ким и исполняющий должность псаломщика А.Г. Ким.

3) В 1920 г. иеромонах Феодосий утвержден в должности начальника Миссии¹⁵¹.

4) В 1921 г. псаломщик Н.А. Афанасьев, согласно указу Владивостокского Епархиального Совета, отчислен из состава Миссии, как фактически не состоящий в ней на службе свыше трех лет¹⁵².

5) В 1923 г. Миссия по распоряжению Св. Синода в Москве изъята из ведения Владивостокского епархиального начальства и передана в ведение японского Преосвященного (со времени получения указа, с 26 января 1922 г.)¹⁵³. Распоряжение это было вызвано тем обстоятельством, что начальник Миссии послал как-то письмо владыке митрополиту Евсевию в Москву, письмо частного характера, в котором, между прочим, не преминул упомянуть о плачевном положении вверен-

ной ему Миссии. Письмо это, как можно видеть из последующего, сыграло свою роль, т.е. послужило главной причиной изъятия Миссии из ведения Владивостокского епархиального начальства и передачи ее в ведение японского Архипастыря. Владыка Евсевий, как гласит указ, представил письмо Патриарху, а сей последний в Св. Синод. Синод, согласно воле и благословию Святейшего Патриарха Тихона, сделал соответствующее сему распоряжение, и Миссия, сохранив свою прежнюю самостоятельность, была поставлена в зависимость от японского преосвященного. Насколько будет прочно ее новое положение при руководстве японского архиерея, покажет будущее.

6) В том же 1923 г., 5 марта, начальник Миссии возведен в сан архимандрита с оставлением его при прежних обязанностях¹⁵⁴.

7) В 1924 г., 31 марта, диакон Лука Ким возведен в сан священника. Миссия при двух священнослужителях - архимандрите и иерее - осталась без диакона.

Регистрация миссионерского имущества

Как ни странно, недвижимое имущество миссийское (центральный участок и постройки на нем) не было зарегистрировано по законам страны вплоть до 1924 г. Если были на землю купчии, то они в данную пору не имели уже силы законных регистрационных документов, и представляли собой не более чем акты частной сделки, не оформленные соответствующим правительственным органом. С переходом власти к японцам в Корее, местное правительство неоднократно объявляло о необходимости регистрации недвижимой собственности до известного срока, в противном случае грозило взимание высокой пени за запоздалую регистрацию. Наши прежние начальники Миссии, нужно заметить, проявили в этом случае странную беспечность, если не сказать более, считая, видимо, что Миссия как русское правительственное учреждение

(таковым оно слыло у японцев) не может встретиться с недо-
разумениями на почве владения своей собственностью.

Но вот наступили времена отечественного «лихолетья», времена борьбы «белых» с «красными» или «красных» с «белыми»; времена, когда везде и всюду даже за границей стали появляться самозванные хозяева не принадлежащего им имущества, будь оно царское, казенное или церковное, когда случайные властители под титлом СССР возомнили себя обладателями всего русского достояния, не считаясь ни с какими правами законных владельцев.

В эту тяжелую и опасную пору ничего другого не оставалось делать, кроме как искать выхода из создавшегося положения, выхода, при котором, в случае соглашения Совдепии¹⁵⁵ с Японией, имущество Миссии могло бы быть ограждено от посягательств как советской, так и «живоцерковной» большевистской власти («присноравляевцев» евдокимовского толка), т.е. поставлено под охрану местных законов страны. Что же нужно было в этом случае сделать? Что предпринять? Казалось, Миссия стояла перед неразрешимой проблемой. Зарегистрировать имущество на имя Русской церкви - значит потерять все в ближайшем будущем; на частное лицо - оно носило бы частный характер и повлекло бы за собой обложение городским налогом довольно высоким по количеству земли и, конечно, непосильным для учреждения в пору безденежья, не говоря уже о том, что законность такой регистрации могла бы быть оспариваема заинтересованными лицами. Оставалось одно: включить его в «Имущественное Общество Японской Православной Церкви» (Идзи-Зайдан), признаваемое японскими властями за юридическое лицо, тогда как Миссия не признается за таковое. Кроме того, за включение в общество говорило и то обстоятельство, что главою его (Президентом) всегда считался и считается русский епископ в Японии, следовательно, опасаться каких-либо действий со стороны членов названного общества (японцев) не было оснований.

Ознакомившись с положением и правами Идзи-Зайдана, начальник Миссии с благословения Высокопреосвященнейшего Сергия, архиепископа Японского, приступил к осуществлению своего плана в срочном порядке.

Для этой цели прибыл специально командированный из Токио диакон о. М. Кавамура, который как знаток местных законов повел дело с большим тактом и умением. Правда, он столкнулся с немалыми препятствиями со стороны окружного суда, требовавшего точных данных. Суд интересовало, например, является ли начальник Миссии представителем Русской Церкви в Корее? Имеет ли он право распоряжаться миссийским имуществом? Кем и когда на это уполномочен? Почему и для чего включает имущество в Идзи-Зайдан? И т.д. По представлении всех этих данных, имевшихся на руках, а также по заявлении Генерального Консульства, что оно, Консульство, не имеет со своей стороны каких-либо препятствий на означенную передачу имущества в общество Идзи-Зайдан для пропаганды православия на вечные времена, дело пошло более успешно и через три-четыре недели со дня приезда о. Кавамуры благополучно завершилось, и были получены соответствующие сему документы.

Единовременно с регистрацией центрального участка земли и домов на нем, зарегистрирован также другой участок, так называемый «школьный», но во избежание высокой платы (гербового сбора) без строений. Центральный участок, как специально церковный, удалось провести бесплатно, тогда как строения на нем и школьный участок с уплатой денежной пени. Таким образом, в общей сложности процедура регистрации обошлась вместе с проездными и наградными о. Кавамура в сумму около 500 иен.

После окончания дела начальник Миссии сообщил Владыке архиепископу о совершившемся факте, с приложением документов, прося его принять таковые и хранить в своем несгораемом сейфе.

Владыка Архиепископ в ответ на сообщение написал в письме своем от 13 июля 1924 г. следующее (письмо приводим в выдержках):

«Я искренне и сердечно рад, что по первым впечатлениям казавшееся мало возможным, почти безнадежным дело регистрации миссийских земель и построек, в конце концов, было закончено блестяще, хотя и с великими трудами, но с минимальными расходами. Да, именно, о. Кавамура «искушенный - по всячески» при совершении всех этих операций в Токио и больше, только Кавамура мог перескочить через все препятствия, кои неожиданно отовсюду «выползали», и в конце оказаться полным триумфатором...

«Я искренне радуюсь за Корейскую Духовную Миссию, отныне навеки нерушимую. Поздравляю!

Неоцененную услугу оказал Вам и Вашей Миссии в этом деле Г.М. Гефтлер¹⁵⁶, очаровавший, кстати, М. Кавамуру. Все, что он написал, сделал во время процесса передачи, было существенно необходимо для успеха...

»Документы на регистрацию ваших земель и домов на имя Нихон Христос Сейкоосай Идзи-Зайдан диакон Кавамура вчера передал мне. Но и он уже ставит вопрос: где их лучше хранить... Дело в том, что Японская Православная Церковь и Идзи-Зайдан - две вещи разные!

Лисицы имеют норы, птицы гнезда, а Идзи-Зайдан живет в воздухе. Ибо это общество вкладчиков и таким образом одна частица его в Сеуле, Тейдо 22.

Все документы хранил я, так как у меня был сейф - нестораемый сундук. Но он пожелал доказать, что ничего нет в мире вечного и... сгорел 1 сентября (старого стиля) 1923 г.

Мы решили документы передать Вам, как вкладчику и просить Вас, их хранить. Если же будут копии с них, копии благоволите прислать мне, президенту Идзи-Зайдана, к сведению. Ведь документы здесь совершенно не нужны. Мы без согласия вкладчика, т.е. Вас, не можем юридически (по правилам) ни продать вашей земли и домов, ни сдать в аренду, ни заложить, ни обменять... мы не можем даже брать на себя инициативы по всем эти вопросам. На что же ваши документы нам? А вы наоборот... (или ваши преемники): можете продать землю

и дома, сдавать их в аренду, закладывать, обменивать... Но для всех этих операций нужно будет согласие Идзи-Зайдана (номинальное, ибо директора разом не собираются и печати их хранятся у меня): в этом и силен Идзи-Зайдан, так как он охраняет земли и дома от чьего-либо произвола. Конечно, не было случая, чтобы Идзи-Зайдан пошел в разрез с вкладчиком. А Вам-то, полагаю, и сноситься с ним не будет повода.

Итак, документы на Ваши земли и дома, получите, храните. А если копии с них будут готовы, то ко мне пришлете»¹⁵⁷.

Копии, разумеется, тотчас же были представлены, а оригиналы приняты на хранение в миссийском сейфе.

Итак, дело с регистрацией благополучно закончилось и все опасения по поводу захвата имущества само собой исчезли.

Что касается других земельных участков, находящихся в провинции, то они остались при прежней регистрации, как они были зарегистрированы при покупке. Тем более, что участки именные, записанные на имя прежних начальников Миссии, и, кроме того, не представляют из себя особой ценности. Следовательно, опасаться за них в смысле утраты не приходится.

Святыни миссийского храма

Храм миссийский, несмотря на всю скромность своих размеров и бедность обстановки, не лишен некоторых особо чтимых святынь христианских, перед которыми верующие могут изливать свои чувства в молитвах за себя и ближних своих. Особенно ценно нахождение этого сокровища в таком языческом центре, как Сеул, отдаленном от христианского мира вообще и православия в частности на целые тысячи верст.

Из святынь, имеющих историческое значение, наиболее замечательны следующие: 1) Икона Божией Матери Тихвинская «Слезоточивая», празднующаяся 17 февраля) писана на св. Афонской горе, пожертвована благоговейным иноком Пантелеймонова монастыря о. Дионисием. Размер иконы 24x16 верш. На обратной стороне образа надпись такого содержания:

«Сия икона Пресвятыя Богородицы, именуемая Тихвинская «Слезоточивая» - подобие чудотворной иконы афонской; писана и освящена на Афоне; посылается в дар и благословение от св. горы Афонския - земного удела Царицы Небесной, - Российской Православной Духовной Миссии в Корее для русского православного соборного храма в Сеуле во имя св. и чуд. Николая, в память исполнившегося столетия со дня рождения великого сибирского и американского миссионера высокопреосвященнейшего Иннокентия, Митрополита Московского (1797-1897), - в благодатную помощь и духовное утешение всем трудящимся и имеющим трудиться на миссионерском поприще в Корее и всем там православным христианам. Св. Афонская гора, 15 марта 1900 г.»¹⁵⁸

К названному образу питают особое благоговение корейцы-христиане, которых часто можно видеть перед ним коленопреклоненными. Находится в обустроенном киоте за левым клиросом.

2) Икона Божией Матери Тихвинская довольно древнего письма, в металлическом позолоченном окладе, дана в благословение Миссии высокопреосвященным Евсевием, архиепископом Владивостокским и Камчатским в 1909 г. Размер иконы 10 с половиной на 9 вершков, находится в алтаре.

3) Икона Божией Матери «Отрада и Утешение» - благословение великого пастыря Российской церкви протоиерея о. Иоанна Кронштадтского. Размер 8х6 верш. Находится в алтаре перед жертвенником.

4) Образ св. и чуд. Николая, очень древнего письма, в металлическом посеребренном окладе, пожертвован как фамильный бабкою архимандрита Павла (Ивановского) в 1908 г. Размер иконы 12х11 верш.

5) Образ пр. Серафима Саровского чуд., освящен в Саровской пустыни в день открытия св. мощей угодника Божия, 19 июля 1903 г. Размер иконы 25х17 верш.

Кроме перечисленных икон, имеются также частицы св. мощей и др. святыни, как то:

1. Св. Древа Креста Господня.

2. Камня гроба Господня.
3. Св. Василия Великого (1 января).
4. Св. Андрея Первозванного (30 ноября).
5. Часть ризы св. Феодосия, архиепископа Черниговского чуд. (5 февраля).
6. Св. Феоны Солунского,
7. Пр. муч. Иакова.
8. Свящ. муч. Харлампия (10 февраля).
9. Св. Иакова иеродиакона.
10. Св. вел. муч. Пантелеймона (27 июля).
11. Св. Иоанна Предтечи Господня (29 августа).
12. Св. муч. Кирика (15 июля).
13. Пр. Дионисия Афонского.
14. Пр. муч. Евфимия Афонского (1 мая).
15. Пр. муч. Игнатия Афонского (1 мая).
16. Пр. муч. Акакия Афонского.

Все поименованные частицы заключены в металлическом позолоченном ковчеге в отделенных одна от другой чашечках. Залиты воскомастикой. Приобретены они были еще о. Хрисанфом, в 1900 г.; но, к сожалению, приобретены частным образом, без надлежащих документов, поэтому для общего поклонения и лобызания не выносятся, хранятся в ризнице.

Ризница

Первоначальная ризница миссийская, как уже говорилось, содержала значительное количество ценных облачений, но все они, за некоторыми исключениями, были утрачены в Шанхае в русско-японскую войну, так что вскоре после этого архимандриту Павлу пришлось выписывать другую, новую ризницу, но уже более скромную, чем была первая.

Впрочем, от первой ризницы все же остались кое-какие предметы. Из них более ценные и замечательные следующие:

1) Золотой наперсный архимандричий крест с короной, украшенной аметистами и бриллиантовыми розочками, ху-

дожественной работы, с частицей св. Древа Креста Господня; подарен преосвящ. Сергием, епископом Ямбургским, викарием С.-Петербургской епархии (ныне митрополит Нижегородский)¹⁵⁹. При кресте массивная золотая цепочка.

2) Напрестольный большой тяжеловесный серебропозолоченный крест с эмалевыми украшениями, художественной работы Овчинникова.

3) Потир такой же серебропозолоченный с эмалевыми украшениями, прекрасной художественной работы Овчинникова, с полным при нем прибором.

4) Серебропозолоченное напрестольное Евангелие с эмалевыми украшениями с обеих сторон, в лист величины, работы того же Овчинникова.

5) Митра златошвейная, украшенная 8-ю жемчужинами¹⁶⁰, дар протоиерея о. Иоанна Кронштадтского¹⁶¹.

6) Облачение священническое красное, с золотым накладным узором, одно из лучших, сохранившихся от прежней ризницы - дар того же протоиерея о. Иоанна Кронштадтского.

7) Епитрахиль малинового бархата, шитая золотом - дар и собственноручная работа по вышиванию Вел. Княгини Александры Петровны, во иночестве монахини Анастасии¹⁶².

8) Шелковая каштанового цвета пелена в рост человека с разрезом для руки, с раки св. Иннокентия Иркутского чуд.; пожертвована преосвящ. Иоанном, епископом Киренским, викарием Иркутской епархии¹⁶³, в 1910 г.

Приведенным перечнем исчерпываются все достопримечательности миссийской ризницы. Других более ценных предметов в смысле историческом или художественном не имеется.

Библиотека

Описывая святыни храма и достопримечательности ризницы, нельзя не упомянуть о библиотеке миссийской, столь же многострадальной, как и сама Миссия.

Библиотека стала собираться со времени основания Миссии, т.е. с 1900 г. о. Хрисанфом, дополнялась о. Павлом и восполняется по сие время архимандритом Феодосием.

Называют ее «многострадальной», потому что за 25 лет своего существования чего только она не видела! За отсутствием специального для библиотеки здания ее то и дело переносили с места на место, из комнаты в комнату, из помещения в помещение. А разве лежание на кухонном полу целыми годами (в 1904-1906 гг.), сырость воздуха, замкнутость помещения не должны были влиять на книги разрушительно? Нужно еще удивиться, как большая часть книг при таком небрежном отношении к ним избежала тления и сохранилась в целости.

В настоящее время книг в библиотеке насчитывается до 3749 томов, названий до 1474, из них до 200 томов иностранных при 183 названиях. Из них имеются духовные, светские и иностранные¹⁶⁴. Из духовных - творения св. отцов и сочинения пастырей и учителей церкви; из светских - произведения классиков и сочинения ученых, по всем отраслям науки, из иностранных - произведения разных авторов на всевозможные темы, как духовные, так и светские. По количеству и разнообразию сочинений библиотека была бы довольно значительной, и не менее того ценною по содержанию и стоимости, особенно в нынешнее время, когда русские книги ценятся, чуть ли не на вес золота, а некоторые из них становятся библиографической редкостью; но, к сожалению, многие сочинения или разорены, или затеряны, или порваны, вследствие тех же дефектов хранения. Поэтому ценность библиотеки и достоинство ее, как научного хранилища, значительно умалены.

Первым стал приводить в порядок библиотеку по отделам архимандрит Феодосий в бытность его еще послушником в 1906-1907 гг. библиотека приведена в надлежащий вид и, нужно отдать справедливость, сделана довольно удачно.

Теперь при библиотеке заведен такой порядок: никто из посторонних лиц в нее не допускается. Всякий, желающий пользоваться книгами, выбирает их по каталогу и получает на дом при взносе залога и уплате небольшой суммы денег за право чтения в течение месяца. Нет сомнения, что при такой постановке дела, библиотека сохранится на долгие времена и, кроме того, восполнится новыми произведениями от дохода с абонентов.

Посещение Миссии архипастырями и другими видными особами в 1900-1925 гг.

В минувшее 25-летие Миссия имела честь принимать в своих скромных стенах некоторых архипастырей и других видных особ, небезызвестных по своей служебной деятельности на общественно-государственной лестнице, что можем видеть из нижепомещенного перечня.

1) 4 марта 1900 г. Миссию посетил командующий Тихоокеанской эскадрой адмирал Гильдебранд.

2) 18 января 1901 г. - адмирал Скрыдлов.

3) 16 февраля 1902 г. - адмирал Скрыдлов присутствовал со штабом броненосца «Петропавловск» на литургии¹⁶⁵.

4) 4 октября того же года - Е.И.В. Великий Князь Кирилл Владимирович¹⁶⁶, проездом из России в Порт-Артур.

5) 15 февраля 1903 г. - преосвящ. Иннокентий, епископ (ныне архиепископ) Пекинский.

6) 28 мая 1908 г. - известный писатель Немирович-Данченко.

7) В том же году - профессор Владивостокского Института Г.В. Подставин¹⁶⁷.

8) 4 мая 1909 г. - преосвящ. Иоанн, епископ Киренский, викарий Иркутской епархии, с известным миссионером-проповедником протоиереем о. Иоанном Восторговым¹⁶⁸. Прибыли они, как синодальные ревизоры, по пути из Токио в Россию, в сопровождении преосвящ. Сергия, епископа Ки-

отского, викария преосвящ. японского¹⁶⁹. Высокие гости пробыли в Миссии три-четыре дня, посетили братские могилы в Чемульпо и др. местах.

9) В 1913 - 1914 гг. - преосвящ. Павел, епископ Николо-Уссурийский, викарий Владивостокской епархии. Владыка приезжал исключительно для работ по переводам богослужебных книг с русского на корейский язык, причем каждый раз жил в Миссии по месяцу и более.

10) В 1914 г. - снова профессор Г.В. Подставин.

11) 17 января 1916 г. - Е.И.В. Вел. Князь Георгий Михайлович со свитой, в сопровождении высших японских сановников, причем на прощание пожертвовал в пользу Миссии 300 иен.

12) В том же году - Российский Императорский посол в Токио г-н Малевский-Малевич.

13) В том же году - вновь назначенный Императорский посол в Токио г-н Крупенский в сопровождении первого секретаря Посольства Д.И. Абрикосова.

14) 22 апреля 1918 г. (день св. Пасхи) - местный англиканский епископ Троллон в сопровождении своих пасторов. Владыка простоял всю светлую утреню и вслед за нею литургию от начала до конца.

15) Через два дня после первого посещения епископ Троллон с теми же пасторами снова посетил Миссию, на этот раз специально для принесения поздравлений о. Феодосию со днем праздника Пасхи.

16) 8 апреля 1919 г. - все местные англиканские миссионеры-пасторы во главе с Викарием своей Миссии г-ном Дрейком.

17) 18 января 1920 г. - бывшие министры Омского правительства, как-то: генерал Будберг, адмирал Смирнов, Третьяков, Ильин и др.¹⁷⁰

18) 27 июня 1921 г. - бывший профессор Петроградского университета, ныне проживающий в Харбине, г-н Гинс.

19) 29 августа того же года - преосвященный Нестор, еп. Камчатский. Владыка пробыл в Миссии два-три дня, проследовал далее в Токио.

20) 6 января 1922 г. (день Крещения Господня) - епископ Троллоп снова посетил литургию вслед за ней Великое освящение воды. После богослужения заходил на чашку чая к начальнику Миссии.

21) 3 апреля того же года (день св. Пасхи) - стояли светлую утреню и литургию в числе других молящихся местный французский консул Г. Галлюа с супругой и др. видные лица из числа местной иностранной колонии.

22) 1 июля 1921 г. - преосвящ. Сергей, архиепископ японский. Владыка прибыл в Миссию специально для ознакомления с новой для него корейскою паствой. За время пребывания в Сеуле Преосвященный посетил барона Сайто, англиканского епископа Троллопа и др. видных лиц.

23) В день приезда Владыки Архиепископа не преминул сделать ему визит вышеозначенный англиканский епископ г-н Троллоп со своими пасторами.

24) 17 декабря 1923 г. - преосвящ. Нестор, епископ Камчатский. Владыка простоял литургию и вслед за нею сказал слово присутствующим в храме, в тот же день отбыл в Харбин.

25) 30 декабря 1923 г. Миссия снова встречала владыку архиепископа Сергия, прибывшего на этот раз проездом в Харбин¹⁷¹. Владыка пробыл два-три дня, отстоял всенощное бдение и литургию, причем отслужил благодарственное Господу Богу новогоднее молебствие 1 января 1924 г.

Вот все те видные лица, которые посетили Миссию за минувший 25-летний период ее существования.

Статистические данные Миссии за 1900-1925 гг.

Здесь считаем уместным привести статистические данные Миссии за 1900-1925 гг. для общей наглядности ее работы за минувший 25-летний период.

Таблица 1. Число земельных участков

Местонахождение		Время приобрет. земли	Размер, в квадрат, цубо	Себестоимость, в иенах	Примечание
Сеул	цент- ральный	1898	1231	11475	Миссия
	школь- ный	1909	411	пожертво- ван ¹⁷²	квартиры служащих Миссии
Пхенчали		1914	4177	пожертво- ван ¹⁷³	дачн. место
Сусеки		1915	5250	50	место для кладбища
Коха	усадьба	1910	132	15	молитвен- ный дом
	поле	1916	763	270	рисовое поле
Каругай		1916	2027	390	молитвен- ный дом
Соннчон	поле	1916			пустырь
	поле	1915	139	40	пустырь
Ильсан (тог-ы-тон)		1916	1542	37	поле
Марысими		1914	1991	70	молит- венный дом
Итого		1898-1925	18128	12427	11 участков

Из приведенной таблицы видим, что 11 участков земли в общей сложности занимают площадь 18 128 цубо, или около 5 с половиной десятин при стоимости 12 427 иен. Земля в основном малопригодна для какой-либо эксплуатации и, конечно, малоценна, в особенности в провинции; приобреталась исключительно в миссионерских целях для устройства школ и молитвенных домов.

Таблица 2. Число построек

Местонахождение		Время возвед.	Число зданий			Стоимость, в иенах	Примечание
			кирпичных	фанзовых	Итого		
Сеул	Миссия	1902	6	-	6	14220	центральный
	школа	1910	1	1	2	1200	школьный
Коха		1910	-	1	1	500	молитвенный дом
Каругай		1910	-	1	1	300	молитвенный дом
Сончон (на арендованных участках)		1911	-	1	1	60	молитвенный дом
Сончон (на арендованных участках)		1915	-	1	1	200	кварт. катехизаторов
Ильсан (на арендованных участках)		1910	-	1	1	80	молитвенный дом
Марысими		1914	-	1	1	150	молитвенный дом
Итого		1902-1925	7	7	14	16 710	8 мест

Общая стоимость недвижимого имущества, как-то земель и построек на них, составляет 29 138 иен.

Из приведенного числа 675 крещений вычитаем 95 погребений, в остатке получается цифра 580 (см. табл. 3). Цифра эта не совсем точна, если примем во внимание погребение лиц чужих, иноприходных, не числившихся в книгах Миссии по крещению. Поэтому вернее всего при подсчете вычесть не общую цифру погребений, а лишь ту, под которой числятся умершие, принявшие крещение в Миссии и записанные в ее метрических книгах, а таких значитса всего 86 душ. Таким

Таблица 3.
Число крещений, браков и погребений за 1900–1925 гг.174

При о.о. начальниках Миссии	Годы	Крещений			Бра- ков	Погребений		
		м.п.	ж.п.	обоего пола		м.п.	ж.п.	обоего пола
Архим. Хрисанф	1900-1904	10	4	14	6	4	-	4
Русско-японская война	1904-1905	-	-	-	-	-	-	-
Архим. Павел	1906-1912	192	130	322	9	12	7	19
Архим. Иринарх	1912-1914	74	36	110	-	9	1	10
Игум. Владимир	1914-1917	134	47	181	9	12	12	24
Иером. Палладий	1917 (3,5 мес.)	-	2	2	-	1	-	1
Архим. Феодосий	1917-1925	24	22	46	8	17	20	37
Итого	1900-1925	434	241	675	32	55	40	95

образом, вычитая из 675 крещений 86 погребений, получим в остатке 589. Эта сумма и будет общей для корейцев и русских, принявших крещение в Миссии, записанных в ее книгах, кои доселе здравствуют. Ее можно подразделить по тем же метрическим данным на лиц мужского пола и женского, на корейцев и русских, что увидим из нижеприведенной таблицы.

К началу 1925 г. численность служащих и прихожан в Миссии составляла (см. табл. 4):

В означенную таблицу не вошли русские, временно проживающие в Сеуле, за исключением начальника Миссии как предстоятеля учреждения и тех русских, кои крещены в Миссии и записаны в метрических книгах, а таковых числится всего 19 человек. Таким образом, приведенное число верующих в Миссии можно подразделить так (см. табл. 5):

Таблица 4.
Общее число служащих и христиан Миссии по станам за 1924 г.

Название станов	Время открытия	Служащие			Прихожане			Итого
		свящ.-служ.	церк.-служ	итого	м.п.	ж.п.	обоего пола	
Сеул		2	1	3	103	88	191	194
Коха		-	-	-	42	21	63	63
Каругай		-	-	-	47	30	77	77
Соннчон		-	-	-	84	5	89	89
Ильсан	1911	-	-	-	48	8	56	56
Мары-сими	1911	-	-	-	63	50	113	113
Итого	1900-1925	2	1	3	387	202	589	592

Таблица 5.

1) корейцев	м.п. 376	ж.п. 194	обоего пола 570
2) русских	м.п. 11	ж.п. 8	обоего пола 19
Итого	м.п. 387	ж.п. 202	обоего пола 589

а всего, с учетом служащих Миссии, 592 человека¹⁷⁵.

25-летний юбилей Миссии

17 февраля 1925 г. исполнилось ровно 25 лет со дня основания Миссии, или, вернее, начала миссионерской деятельности православными миссионерами в Корее, ознаменовавшегося актом освящения церкви. Чтобы отметить это выдающееся для православных лиц событие, как юбилей, архимандрит Феодосий заблаговременно снесся по этому поводу с Владыкою Архиепископом, прося его дать ему соответствующие сему указания. Владыка в письме своем от 7 января 1925 г. ответил: «Юбилей нынче, конечно, лучше бы не праздновать, но об этом после...»

Спустя некоторое время Преосвященный при личном свидании с Архимандритом Феодосием действительно высказался не в пользу празднования юбилея.

«Теперь, - сказал он, - когда Россия и Церковь находятся в угнетении, не время юбилейных празднеств и торжеств...»

В соответствии с этим указанием архипастыря начальник Миссии решил ограничиться в означенный день обычным богослужением с присовокуплением молебного пения в храме.

17 февраля в 1925 г. как раз падало на Чистый понедельник, когда все торжества по Уставу в Церкви отменяются на всю первую седмицу Великого Поста. Поэтому юбилейный день приурочен был к неделе Православия, приходившейся на 2 марта.

1 марта вечером по обыкновению отслужено было всенощное бдение, утром в праздник - литургия Василия Великого и вслед за ней - благодарственное Господу Богу молебствие с коленопреклонением и положенными «многолетиями». Молебен закончился хвалебной песней св. Амвросия Медиоланского «Тебе Бога хвалим» и торжественным звоном «во вся тяжкая». Богослужение совершал по обыкновению Архимандрит Феодосий в сослужении священника о. Луки Кима при хоре певчих русских и корейцев, певших довольно стройно.

После богослужения некоторые из присутствующих в храме заходили к начальнику Миссии поздравить его с знаменательным днем торжества и пожелать скорого возрождения и укрепления учреждению во благо и пользу св. Церкви Православной.

Так, скромно, можно сказать келейно, закончился миссийский юбилейный праздник, о котором никто не знал, кроме кучки православных.

Какова будет судьба Миссии во втором ее 25-летию, будущее покажет. Во всяком случае, хочется верить, что настоящее тяжелое для нее время, время гонений на св. Православную Церковь Христову в России, не будет продолжительным и с грядущим торжеством Православия в многострадальном отечестве нашем, уповаем, она снова оживет, укрепитя и, Бог даст, справит свой будущий полувековой юбилей в полном благоденствии и радости духовной с сознанием успехов своей работы. Пусть будет так! Помоги Боже!

Приложение

Статистические данные о корейцах по их вероисповеданиям за 1924 г.

В заключение очерка не лишним считаем на основании официальных сведений, дать статистические данные о вероисповедании корейцев вообще и христианских миссиях в частности, за 1924 г.

Прежде всего, приведем численность народонаселения в Корее к началу 1925 г.

1) Корейцев	17619540
2) Японцев	411595
3) Иностранцев (преим. китайцев)	36981
Итого:	18068116

Из этой общей суммы народонаселения принадлежало к разным вероисповеданиям следующее число лиц:

1) К христианству	347	155
2) К язычеству	468	274
Итого:	815	429

Остальная масса населения (17 252 687) находится вне веры, если не считать шаманизма, выплывающего время от времени из толщи народной в виде древнего пережитка, суеверия и ничего общего с вероисповеданием не имеющего.

Последователи христианского учения распределяются по миссиям, работающим в стране в течение последних нескольких десятков лет (берем за начало католическую миссию, как самую старшую по времени ее основания); язычники - по своеобразности своего жреческого учения, распространяемого в той или другой форме в противовес христианству, что можно видеть из нижеследующих таблиц.

Христианские Миссии в Корее с главными их резиденциями в Сеуле¹⁷⁶

К началу 1925 г. общая численность последователей христианских Миссий в Корее составляла:

Таблица 6

Название Миссий	Время открытия Миссии, год	Число стаянов	Наличие душ					Начальник Миссии	
			миссионеров	корейцев	японцев	иностранцев	итого		
Адвентистская (американская)	1908	64	43	1398	-	21	1462	М-р Оберг	
Англиканская (епископальная)	1890	67	69	4683	408	23	5183	еп. Троллоп	
Армия Спасения (английская)	1908	158	158	7808	239	-	8205	Полковник Польстра	
Католическая	бавар.	1908	243	106	88987	1042	128	90263	Еп. Зауер
	франц.	1838							еп. Мюльтель
Конгрегациональные общины	1907	56	92	2714	2330	3	5139	Коллегиальное управление	
Методисты	С. Амер.	1884	534	513	32682	-	46	33241	Коллегиальное управление
	С. Амер.	1897	423	233	13705	-	53	13991	
	Японская	1907	16	14	-	1205	1	1220	
Российская	1900	6	3	570	-	19	592	Архим. Феодосий	
Пресвитерианская Американская	1884	2197	1043	186785	-	31	187859	Коллегиальное управление	
Итого	за 87 лет	3764	2274	339332	5274	325	347155	6 чел. 177	

Из всех вышеозначенных Миссий самое прочное положение, в смысле трудоспособности, занимает католическая французская, затем - англиканская епископальная; в смысле материальном - методистская и пресвитерианская американские. Последние две субсидируются Америкой в сумме 500 000 амер. долларов, что в переводе на местную валюту составляет свыше 1 млн. иен в год, тогда как англиканская миссия получает от Англии всего только 50 000 иен, французская от Франции 85 000 фр. в год, т.е. довольствуется, так сказать, «крохами» по сравнению с другими. Особенно бедна католическая миссия при ее крайне обширном поле деятельности и низком курсе франка, упавшего в настоящее время до 15 франков за иену. Если католики ухитряются сводить концы с концами, то только благодаря доходам, получаемым с рисовых полей, которые приобрели в свое время за бесценок и теперь сдают для обработки своим же христианам исполу.

Что же касается нашей православной Миссии, то она, как мы видели из настоящего очерка, никогда не отличалась материальным благосостоянием даже в былое время отечественного благополучия, не говоря уже о настоящем «безвременье», охватившем и обезличившем все русское не только у себя дома, но и за границей.

Численность язычников в Корее¹⁷⁸

К началу 1925 г. язычников в Корее разных учений и толков насчитывалось следующее (см. табл. 7):

Буддизм корейского и японского исповеданий, как обозначено в таблице, имеет свои особенные оттенки и национальный колорит, свойственный тому и другому народу в отдельности, хотя, в сущности, представляет собой одно и то же общепобуддийское учение. Представителями первого являются монахи, живущие при монастырях, второго - японские бонзы при храмах.

В графе конфуцианистов не значится численность последователей не, потому что их нет, а потому что конфуцианство с

Таблица 7

Название религии	Регионов	Храмов	Монастырей	Численность последователей					
				монахов	проповедников	корейцев	японцев	иностранцев	Итого
Буддистов корейского исповедания	71	-	1192	7150	72	20338G	147	-	210715
Буддистов японского исповедания	303	80	-	-	394	12379	109252	3	182028
Синтоистов (японская государственная религия)	115	224	-	-	375	9138	65962	16	75491
Конфуционистов	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Всего	489	305	1192	7150	841	224903	235361	19	468274 ¹⁷⁹

японской официальной точки зрения считается не религией, а философским учением, хотя при корейских королях и слыло за религию.

Что касается остальной массы корейского населения (17 252 687 человек), то она, как мы имели уже случай говорить, находилась и находится вне веры, обходится без какого бы то ни было вероисповедального культа, по крайней мере официально не значится принадлежащей к какой-либо из имеющих в стране религий. Правда, некоторые корейцы обращаются иногда при случае к конфуцианству, к буддизму или шаманизму (более всего к шаманизму), но только при случае! Раз случая нет, значит, обращение излишне.

Вообще, нужно сказать, религии у корейцев нет в том смысле, как мы ее понимаем. Мирозерцание их (если только можно назвать его мирозерцанием) зиждется исключительно на суевериях и предрассудках. Большинство

из них крайне фанатичны. Суеверия принимаются настолько, насколько в них ощущается потребность. Например, при болезни, беде, несчастьи кореец, пожалуй не прочь пошаманить, чтобы отогнать от себя злого духа, гнетущего его самого и его семью; при отсутствии детей - принести жертву о чадородии Будде или, когда приспееет время поклониться праху предков... И только! Если кореец верит чему, так только себе, т.е. живет умом, но ничуть не сердцем. Он может иметь сразу несколько религий или не иметь ни одной. В том и другом случае удручаться не будет. Поэтому, не мудрено, при двух-трех верованиях (буддизме, конфуцианстве и шаманстве) он не редко принимает четвертое, как добавочное. Он все четыре верования совместит в себе и ни на одном из них серьезно не остановится. Пишущему эти строки, неоднократно приходилось спрашивать некоторых из корейцев, как и насколько они держатся своих верований (пусть они фантастичны или сказочны). Ответы были получены самые разноречивые, сбивчивые, неопределенные, по которым нельзя судить о сущности их общего верования, если только оно есть. Но находились и такие лица, которые чистосердечно признавались, что они ни во что не верят, потому что из потустороннего мира никто к ним не приходил, никого они не видели, не осязали. Хотя, впрочем, верховное начало (хананим) все же признается ими, но тоже как-то неопределенно.

И вот среди этого народа христианским миссионерам приходится вести дело проповеди; вести его с одним евангелием в руках; учить, наставлять, приводить ко Христу. Каковы будут плоды от всей этой общей христианской работы, насколько обильны и доброкачественны - будущее покажет.

Заключение

Заканчивая настоящий очерк, не лишним считаем присовокупить следующие строки:

Как известно, всякая религия, внедряющаяся в чужую страну, является также проводником новых культурных начал и делается невольной пособницей к упрочению политического влияния родной своей страны. В особенности это применительно к христианству, к его идеологии. Высокогуманные принципы христианства, подтверждаемые примерами добронравной жизни проповедников, в большинстве случаев производят громадный переворот в мирозерцании вновь обращенных, симпатии которых в силу означенного обстоятельства, невольно устремляются в сторону страны, давший им новую веру.

Вот эта-то причина заставляет правительства иноверных стран (мусульманских и языческих), где проповедуется Евангелие, быть в отношении иностранных миссионеров постоянно на стороже и считать их, если не «злом», то, во всяком случае, только «терпимыми», но не более того.

В данном случае языческая Япония следует, конечно, примеру своих единоверных собратий. Правительство ее, несмотря на кажущуюся внешнюю симпатию к миссионерам, зорко следит за действиями христианских миссий, особенно за миссионерскими школами и благотворительными учреждениями, высматривая, не ведется ли в них политической пропаганды, противной духу и основам страны. Язычники, не будучи знакомы с учением Христовым о распространении веры на земле, не редко задают себе вопрос: почему и для чего иностранцы тратят время и деньги на чуждый, иноплеменный для них народ, посылают целые полчища миссионеров, открывают массу школ, больниц, приютов и т.п.? Не лучше ли эти суммы тратить у себя дома, среди своего родного народа?

Американские Миссии, как располагающие огромными силами и средствами для своей пропаганды, невольно наводят на такого рода размышления иноверных властей, которые следят за ними с особой зоркостью, хотя можно сказать, что и другие Миссии не избегли вышеозначенного правительственного надзора.

Что касается нашей, Православной, то она, как самая скромная, не обладавшая ни силами, ни средствами сколько-нибудь достаточными и не питавшая, конечно, никаких политических вожделений, считалась и считается в смысле благонадежности самою, можно сказать безобидною. Но и ей подчас приходится чувствовать на себе то же самое зоркое «око» правительственной бдительности, конечно, в рамках приличия и благонамеренности.

Несмотря на все эти и другие подобные сему препятствия, наши миссионеры несли посильный свой труд, несли в честь и славу имени Христова, во благо и пользу Св. Церкви православной, несли как знали и умели, не за страх, а за совесть. Правда, были со стороны их некоторые ошибки, промахи, недочеты, как в каждом новом, трудном начинающемся деле, но где и с кем их не бывает? Кажется, тот не ошибается, кто ничего не делает. Нужно еще удивляться, как при той вопиющей нужде, недостатках, часто беспомощности, наши миссионеры смогли все же многое сделать и тем более сумели уберечь в незыблемости облик учреждения наравне с другими богатыми цветущими миссиями. Это служит, конечно, к чести бывших предстоятелей учреждения, и делалось ими исключительно по любви ко Христу и Его Св. Церкви.

Окидывая беспристрастным взором 25-летнюю деятельность нашей Миссии и ее насельников, считаем своим долгом принести дань благодарности, во-первых, высокочтимым Архимандритам (ныне в Бозе почившим) о. Хрисанфу и о. Павлу, потрудившимся в деле созидания Миссии и насаждения Православия среди корейцев; во-вторых, прочим отцам и братьям, сотрудникам их, живым и умершим, понесшим те же проповеднические труды за вышеозначенный период времени. Живым желаем здоровья и долгоденствия с мирным преуспеванием в добронравной жизни во Христе Иисусе; умершим - вечного упокоения в Царствии Отца Небесного. Пусть те и другие вознесут свои горячие молитвы о родной

им, когда-то очень близкой сердцу Миссии Корейской. Да не оставит ее Господь впредь своей милостью, ниспошлет мир и благоденствие, сохранит в незыблемой силе и крепости на долгие времена во спасение младших наших собратий, пребывающих во тьме язычества. Пусть эти собратья, вместе с нами, прославят Единого Истинного Бога, во святой Троице славимого и поклоняемого, Отца и Сына и Св. Духа...

Аминь.

Архимандрит Феодосий.

Корея. Сеул.

17/30 июня 1926 г.

* Печатается по изданию 1926 г., Харбин.

¹ Корея - страна, представляющая собой гористый полуостров: находится на восточной оконечности Азии; омывается Японским морем с востока, Желтым - с юго-запада и Корейским проливом - с юга; населена корейцами. Как государство, находилась почти все время в той или другой зависимости от соседних народов, пока, наконец, не была присоединена к Японии в 1910 г. как провинция. В настоящее время жителей в Корее насчитается 18 068 116, по статистическим данным за 1924 г. Из этого количества корейцев 17 619 540, японцев 411 595 и иностранцев (преимущественно китайцев) 36 981 человек. Корейцы занимаются земледелием, торговлей и отчасти рыболовством; по религии они почти все язычники; большинство грамотные; в административном отношении управляются японскими властями во главе с губернатором.

² Мысль о распространении православия в Корее подана была еще ранее, известным китаеведом графом Е.В. Путягиным в 1858 г. (Крат. История Русской Православной Миссии в Китае. Пекин, 1916. С. 181).

³ В 1784 г.

⁴ Архив Российского Ген. Консульства в Корее.

⁵ Г. Российского Поверенного в Делах в Корее

⁶ Архив Российского Генерального Консульства в Корее.

⁷ Государя Императора Николая II.

⁸ Указ Св. Синода от 2-4 июля 1897 г. за №2195

⁹ Указ Св. Синода от 27 окт. 1908 г. за №13.564; указ Временного Высшего Церковного Управления в Омске от 19 июня - 2 июля 1919 г. за №1303.

¹⁰ Указ Российского Священного Синода в Москве от 4-17 ноября 1921 г. за №1571; указ Временного Архиерейского Синода Российской Православной церкви за границей (Сремски Карловицы) от 3-16 дек. 1922 г. за №69.

¹¹ Архипастыри, в ведении которых находилась Миссия, следующие: 1) Петербургские - Митрополит Палладий (Раев) †1898 г., Митрополит Антоний (Вадковский) †1912 г.; 2) Владивостокские - Архиепископ Евсевий (Никольский) до 1920 г., (тв сане Митрополита Крутицкого 18 января 1922 г.), Епископ Михаил (Богданов) до 1923 г. (†9 июля 1925 г.); 3) Японские — Архиепископ Сергей (Тихомиров), с 1923 г.

¹² О. Амвросий - в миру Василий Иванович Гудко, родился в посаде Пышовцах Люблинской губ., от родителей униатов в 1867 г., в 1875 г. он вместе с родителями присоединился к Православной Церкви; учился в Холмской Духовной Семинарии и Петербургской Духовной Академии, первую окончил со званием студента, вторую со степенью кандидата богословия в 1893 г., в 1892 г., будучи студентом Академии, принял монашество и затем посвящен в сан иеродиакона и иеромонаха; с 1893 по 1897 г. занимал должность заведующего миссионерским катехизаторским училищем в Бийске на Алтае; в 1897 г. получил назначение в Корею с возведением в сан Архимандрита.

¹³ О. Николай - сын штабс-капитана Двинского полка; родился в 1869 г., учился в первых четырех классах классической гимназии в Петербурге; поступил в число послушников в один из монастырей Петербургской епархии; в 1897 г. командирован в Корею с пострижением в монашество и посвящением в сан иеродиакона.

¹⁴ Биографических данных А.В. Красина не имеется.

¹⁵ Корея в то время была независимым государством, но крайне бедным слабым, искавшим поддержки со стороны других держав.

¹⁶ Военный поселок Приморской Области, до 5000 жит.; находится в шести часах морского и в двух часах сухопутного пути на юг от Владивостока, вблизи корейской границы.

¹⁷ Корейцы, так называемые «уссурийские» (общее название корейцев, проживающих в Приморской области), - выходцы из соседней Кореи 60-х годов XIX столетия; русско-подданные, в большинстве православного вероисповедания, населяют прибрежные долины р. Уссури и преимущественно морское побережье Посьет-

ского района, граничащего с Кореей. Последний, включает в себе 2 волости; Админскую и Янчихэнскую и 7 православных приходов: Барабашский, Седиминский, Адиминский (Славянка), Тизинхэнский, Краббэнский (Посыет), Янчихэнский (Новокиевск) и Зареченский. Жителей всего в районе насчитывается в настоящее время вместе с русскими, проживающими в Новокиевске и Славянке, до 10-12 тыс. человек того и другого пола.

¹⁸ В Новокиевске при двух полках и нескольких батареях, квартировавших в то время, находились две полковые церкви с принтами из военного ведомства.

¹⁹ В последствии о. Амвросий, будучи в сане Епископа, находился на покое в Свяжском Успенском монастыре, Казанской епархии, где, по слухам, принял мученическую кончину от разбушевавшейся, разнузданной революционной толпы, подуськанной злонамеренными людьми в 1917-1918 гг.

²⁰ В переводе на русский язык: «ого-ого» или «ай, ай, русский человек!»

²¹ Сеул - главный город Кореи, стоит на реке Ханган, в провинции, так называемой Кенгидо; до 1910 г. - резиденция Корейского императора, после - Японского Генерал-Губернатора; жителей по статистическим данным за 1924 г. насчитывал 297 465, из них; корейцев 215 960, японцев 77 587, иностранцев (преимущественно китайцев) 3 918 чел. обоего пола; находится в центре узла железнодорожных линий, прорезывающих полуостров по всем направлениям и связан с южно-маньчжурской линией; в городе имеется трамвай, проходящий по всем главным улицам, телеграф, телефон, электрическое освещение, водопровод и др. современные культурные усовершенствования; есть музеи, парки, зоологический и ботанический сады. Из иностранных учреждений в Сеуле имеются четыре генеральных Консульства: Американское, Английское, Китайское, Советское (бывшее Российское), одно вице-Консульство - Французское и до девяти духовных Миссий.

²² О. Хрисанф - сын диакона Донской епархии; родился в 1869 г., учился в местной Духовной Семинарии, курс которой окончил в 1890 г., в том же году посвящен в священники; в 1894 г., лишившись жены, поступил в число студентов Казанской Духовной Академии; в 1898 г. принял монашество; в 1899 г. окончил курс наук в названной Академии со степенью кандидата богословия; в том же 1899 г. получил назначение в Корею с возведением в сан Архимандрита.

²³ Псаломщик Иона Левченко — сын мещанина г. Александровск-Грушевка, области Войска Донского; родился в 1868 г., учился в местной Духовной Семинарии, курс которой окончил со званием студента в 1890 г.; прошел миссионерские курсы при казанской Духовной Академии по монгольскому отделу в 1891- 1892 гг.; с 1892 по 1899 г. занимал должность учителя и псаломщика в одной из церквей родной Епархии; в 1899 г. назначен на ту же должность псаломщика в Православную Духовную Миссию в Корею

²⁴ Русские дипломатические агенты в Корею со времени учреждения русского представительства в стране, т.е. с 1886 по 1902 г., именовались Поверенными в Делах; с 1902 по 1904 г. - Посланниками (один Посланник) и после перерыва дипломатических отношений с Японией во время русско-японской войны (1904-1905 гг.) - Генеральными Консулами. Первым по времени Поверенным в Делах был К.И. Вебер (1886-1897); вторым — А.П. Шпейер (служил всего несколько месяцев); третьим - Н.Г.Матюнин (1898-1899 гг.), четвертым - камергер двора Е.И.В. д. ст. советник А.И.Павлов (сначала, в 1899-1902 гг. подобно своим предшественникам, Поверенный в Делах, затем, в 1902-1904 гг., - Посланник и Полномочный Министр при Корейском Дворе); пятым - Генеральный Консул, камергер Двора Е.И.В. д. ст. советник Г.А.Плансон (1906-1908 гг.); шестым - д. ст. советник А.С. Сомов (1908-1911 гг.); седьмым - д. ст. советник Я.Я. Лютш (1911-1921 гг.); восьмым — в качестве управляющего Генеральным Консульством - М.Ф. Гефтлер (1921-1925 гг.). Таким образом, русское дипломатическое представительство в Корею насчитывало в 1925 г. 39 лет своего существования.

В ведении Российского Генерального Консульства находились вице-Консульства в Сейсине, (Чонжин), Фузане, Гензане и Чемульпо. Последнее функционировало только до 1911 г.: закрыто за неимением в названном городе русских интересов. Вице-Консульства в других местах функционировали: в Сейсине с 1911 по 1923 г., Фузане с 1903 по 1923 г., Гензане с 1906 по 1922 г. Вице-Консулами были: А.С.Троицкий в Сейсине (все время существования Консульства), в Фузане - Ф.И.Васильев с 1906 по 1912 г. и В.А. Скородумов с 1912 по 1923 г. в Гензане - Н.Н. Бирюков с 1906 по 1915 г. и Х.Я. Зеллис с 1915 по 1922 г. Все вышеозначенные Вице-Консулы во главе с Генеральным Консулом подчинялись Российскому Посольству в Токио. В 1925 г. национальное русское дипломатическое представительство закончило свое существование в Корею и перешло в руки интернационального советовластия СССР.

²⁵ «Великий синбу», т.е. великий отец, - название Архимандрита в отличие от простого священника «синбу» (отец).

²⁶ За последние 6-7 лет обособленность полов среди корейцев стала менее заметной, особенно в городах; теперь не редкость увидеть корейца, идущего с женой, даже с посторонней женщиной, по улицам города.

²⁷ Архив Духовной Миссии

²⁸ Иероглифы — письменные знаки (по-корейски - хан-мун), заменяющие собою азбучную или слоговую письменность у восточных народов как-то: китайцев, корейцев, японцев. Начертанием своим они выражают не звуки, как у нас буквы, а целые понятия или комбинацию понятий. Китайцы произносят эти понятия по-китайски, корейцы - по-корейски, японцы — по-японски, но смысл и значение их почти один и тот же. Поэтому неудивительно, что всякий грамотный кореец, не владеющий ни китайским, ни японским разговорными языками, но знающий иероглифы, легко может объясниться посредством них письменно с любым грамотным китайцем или японцем, и те его поймут. Отсюда ясно, что иероглифная система является своего рода ключом для трех вышеозначенных народностей и представляет собой самый лучший способ при сношениях.

²⁹ Ныне Архиепископ Пекинский.

³⁰ Пекинская Духовная Миссия существует с 1713 г., т.е. больше двух столетий (212 лет).

³¹ Выдержки из письма Архимандрита Иннокентия (Церковные ведомости. 1901, №17. С. 604).

³² Из числа русских миссионеров в Пекине, насколько известно, прославились своей ученостью по китаеведению следующие лица: Архим. Иакинф (Бичуринц 1853 г.; иером. Аввакум (Честной) в 1830-1841 гг.; Архим. Палладий (Кафаров), f1878 г.; архим. Гурий (Карпов), впоследствии Еписк. Таврический, f1882 г.; иером. Исаия (Поликин), f1871; Архим. Флавиан (Городецкий), впоследствии Митрополит Киевский, t1915 г.; иеромонах Николай (Адоратский), впоследствии Еп. Оренбургский, f1896 г.; иеромонах Алексей (Виноградов) в 1881-1898 гг. и др.

Из этого общего перечня миссионеров-китаеведов оставили после себя громкое имя Архимандриты Иакинф, Палладий и Гурий. К трудам первого принадлежат: 1) Статистическое описание Китайской Империи; 2) Описание монет Китая; 3) Записки о Монголии; История первых четырех ханов из Чингизова дома; 5) Описание Пе-

кина; 6) Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение; 7) Описание религии ученых китайцев; 8) Китайская грамматика и пр. К трудам второго миссионера-китаевода принадлежат следующие: 1) Жизнеописание Будды; 2) Исторические очерки буддизма; 3) Старинное монгольское сказание о Чингизхане; 4) Старинные следы христианства в Китае; 6) Китайско-русский словарь и пр. Труды третьего миссионера-китаевода являются переводные произведения с русского языка на китайский: 1) Новый завет, 2) Псалтирь, 3) Требник, 4) Служебник, 5) Пространный Катехизис, 6) Священная История Ветхого Завета и пр. (Краткая История Русской Православной Миссии. Пекин, 1916).

³³ Впоследствии часть первоначальных переводов о. Хрисанфа исправлена была Архим. Павлом, часть сложена в миссийский архив за непригодностью к исправлению.

³⁴ 1 кв. цубо — 6 с половиной аршин. 1231 кв. цубо - около одной трети десятины.

³⁵ Цена более чем высокая по тому времени. Ныне по частной сделке с покупателями она не превзойдет 100 иен за цубо со всеми к ней пристройками.

³⁶ Сын принца Регента (Правителя Кореи) Тэ-вон-гуна, известного своей жестокостью по отношению к христианам; родился в 1852 г.; вступил на королевский престол в 1864 г.; в 1872 г., объявив себя совершеннолетним правителем страны, прекратил гонения на христиан, признав христианство «терпимым»; в 1895 г. в соответствии с Симонсекским трактатом, объявил себя независимым королем Кореи; в том же 1895 г., спасаясь от преследований японцев, бежал в соседнюю с дворцом Русскую Дипломатическую Миссию, где прожил под охраной русского флага до 1897 г.; в 1905 г. снова подпал под иноземный протекторат, на этот раз японский; в 1907 г., по настоянию тех же японцев, отрекся от престола в пользу своего старшего сына, наследного принца, Сэджа Ли-Ку; в 1919 г. 22 января, нося уже титул (после аннексии Кореи японцами в 1910 г.) принца Ли Старшего, мирно скончался в собственном дворце (Ток-су-гунь) в Сеуле, где проживал последние дни своей жизни безвыездно; погребен в Янчжунской провинции в местности, называемой Кым-гок, в 25 верстах от Сеула. Покойный король, по свидетельству близких к нему лиц, питал добрые чувства к России и считался большим русофилом.

³⁷ Означенная грамота хранится по сие время при документах в Миссии.

³⁸ Королева Мин, супруга названного Короля, убита за русофильство в 1894 г.

³⁹ Архив Российского Генерального Консульства в Корее.

⁴¹ Размер 40x27 фут.

⁴² 40x20 фут.

⁴³ 8x8 фут.

⁴⁴ 46x20 фут.

⁴⁵ Размер в 52x50 фута.

⁴⁶ Размер 16x20 фут.

⁴⁷ Из этой суммы пошло на постройку и отделку (в иенах):

школьного здания	236605
флигеля	206025
кухни	43870
амбара	29233
дома для миссионеров	528849
ворот и сторожки	21500
ограды	166000
строительные материалы по отделке	190000
Итого:	14220 иен 87 сен

(Архив Российского Генерального Консульства в Корее)

⁴⁸ «Большие Западные Ворота», ныне снесенные, находились вблизи Миссии.

⁴⁹ Названная улица в прежние годы, в правление Корейских Королей, считалась недоступной для простых смертных обывателей, по ней могли проходить только те из них, которые состояли на службе во дворце или иностранных миссиях.

⁵⁰ Адрес Миссии «Korea, Seoul, Russian Orthodoch Church Mission, или Korea, Seoul, Teido N^o22.

⁵¹ Колоколов на звоннице имеется шесть, из них первый в 25 пудов 3 фунта., второй 12 пудов 2 фунта, третий 6 пудов 5 фунтов., четвертый 3 пуда, пятый 1 пуд 7 фунтов и шестой 19 фунтов. Общий вес звона 47 пудов 36 фунтов. Колокола отлиты в Москве на заводе П.И. Финляндского 12 июля 1901 г.

⁵² Деревня Мунь-сан-пхо (ныне уездный город Мунь-сан) находится при железнодорожной станции этого наименования, Аньдунской железной дороги, в 50 верстах от Сеула.

⁵³ Корейские дома (фанзы) устраиваются из жердей и прутьев, промазанных глиной, крыша ставится обычно соломенная, но иногда у более зажиточных людей - черепичная.

⁵⁴ Кан - мера объема у корейцев, равняющаяся (6х6х6) 216 куб. футам.

⁵⁵ Церковные ведомости, 1904, № 3, с. 103-105.

⁵⁶ Иосиф Хан присоединен к православию уже несколько лет спустя, поступив на службу к православным, а именно в 1909 г.

⁵⁷ Архив Духовной Миссии.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Архимандритом Иринархом.

⁶⁰ За 35 иен.

⁶¹ Впоследствии Иосиф Хан, как стало известно, снова поступил к американским миссионерам, снова разошелся с ними и снова стал язычником, пока, наконец, внезапная смерть в 1920 г. не прекратила его существования.

⁶² Уроженец приморской области, Никольско-Уссурийского уезда, Янчихэнской волости и села; родился в 1882 г.; учился в местной церковно-приходской школе и учительской Семинарии в г. Казани, курс последней окончил в 1901 г.

⁶³ В миру Василий; сын псаломщика Смоленской епархии; род. в 1872 г.; учился в местном духовном училище и духовной семинарии, курс последней окончил по второму разряду в 1894 г.; в том же году определен на должность псаломщика в одну из церквей названной епархии; с 1900-1902 гг. был слушателем миссионерских курсов в Казани; в 1902 г. принял монашество и посвящен в сан иеродиакона с командировкой в Корею.

⁶⁴ Из Воронежского Митрофаньева монастыря, приняты по рекомендации известного богослова - канониста иеромонаха Михаила (Семенова), перешедшего впоследствии (в 1906-1907 гг.) в старообрядчество.

⁶⁵ Наши духовные миссии, как известно, не имеют обеспечения для своих служащих на случай старости или болезней. Миссионеры предоставлены самим себе, своему собственному промыслению в буквальном смысле слова.

⁶⁶ Чемульпо — портовый город Кореи, находится на западной стороне полуострова при берегах Желтого моря, в 5 верстах от Сеула.

⁶⁷ Крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Оба корабля бились с превышающим их по численности врагом геройски до самопожертвования, пока, наконец, не взорвали сами себя на глазах неприятеля, в присутствии иностранных военных судов, стоявших безмолвно на рейде.

⁶⁸ Здание Дипломатической Миссии, так же как Духовной, переданы были под охрану местного французского дипломатического представителя.

⁶⁹ «Тальбот»

⁷⁰ «Паскаль»

⁷¹ «Эльба»

⁷² «Виксбург»

⁷³ По прибытии в Россию о. Хрисанф в том же 1904 г. посвящен был в сан епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии; в 1905 г. по болезни перемещен на кафедру епископа Елисаветградского, Херсонской епархии; в 1906 г. 22 октября скончался от скоротечной чахотки в Одессе, где и погребен в местном Успенском монастыре в ряду других предшествовавших ему настоятелей монастыря. Мир праху и покой душе его!

⁷⁴ О. Павел - сын протоиерея Тульской епархии; род. в 1874 г.; учился в местном духовном училище и духовной семинарии, курс последней окончил в 1894 г; состоял учителем в одной из местных земских школ в течение двух лет; в 1896 г. принял монашество и посвящен в сан иеромонаха; в том же году назначен миссионером в один из станов Забайкальской епархии; в 1900 г. поступил в число студентов Восточного Института во Владивостоке на корейское отделение; в 1904 г. окончил курс наук в вышеназванном Институте; в том же 1904 г. получил назначение в Корею в качестве начальника Миссии с возведением в сан архимандрита; в 1904-1905 гг. в течение временного перерыва миссионерских работ в Корее исполнял пастырские обязанности при управлении Красного Креста в Манчжурии при штабе главнокомандующего армиями на ст. Гунчжулин, за что и пожалован орденом Св. Анны 3-й степени; в 1906 г. прибыл в Корею к месту своего назначения как начальник и представитель учреждения.

⁷⁵ О. Владимир - сын священника Рязанской епархии; род. в 1868 г., учился в местной учительской семинарии, курс которой окончил в 1887 г., состоял учителем в местных земских школах в течение 9 лет; с 1896 по 1898 г. был слушателем на миссионерских курсах при Казанской Духовной академии по монгольскому отделу; в 1898 г. назначен в Пекинскую Духовную Миссию в качестве ее члена с посвящением в сан диакона (целибат); в 1900 г. перешел на службу во Владивостокскую епархию; в 1901 г. посвящен в сан священника; в 1906 г. принял монашество с назначением в Корею.

⁷⁶ Биографические данные см. сн. 63 на С. 215.

⁷⁷ Константин Зигфрид - сын купца 2-й гильдии; род. в 1877 г.; учился в Кронштадтской классической гимназии, курс которой окончил в 1895 г.; с 1898 по 1906 г. жил в Валаамском монастыре в качестве послушника; в 1906 г. перешел на службу в Духовную Миссию в Корею.

⁷⁸ Биографические данные см. сн. 127 на С. 267.

⁷⁹ Два родные брата, сиротки Константин и Николай Пирожковы, уроженцы Приморской области.

⁸⁰ Шпионаж был вызван недоверием к русским представителям вообще и к миссионерам в частности. В последних японцы усматривали негласных «агентов» русского правительства, рассылавшего якобы своих «соглядатаев», чтобы высмотреть слабую сторону противника.

⁸¹ Императором в то время был тот же вышеупомянутый Ли-хи Сюган Тхэ-хан-дэ.

⁸² Корейцы явились, конечно, не без страха, так как японцы в то время явно преследовали их за любое сношение с русскими.

⁸³ Архив Духовной Миссии.

⁸⁴ Ризница с тех пор до сего времени не возобновлялась, следовательно, убожество ее ныне еще более ощутимо, чем прежде.

⁸⁵ В 1911 г. иеромонах Феодосий, будучи в Москве, хотел расположить некоторых купцов к пожертвованию ризницы в Сеуле, преуспел в этом очень немного. Пожертвовал только г. Меншиков несколько дешевеньких священнических облачений, да г-жа Моница вручила ему на этот предмет 300 руб., остальные никто ничего. Все отговаривались тем, что у них своих «дыр» много, без Сеула.

⁸⁶ В Сеуле к празднику Пасхи почти всегда деревья распускают свою листву, а мелкий кустарник дает цветы.

⁸⁷ У корейцев не считается предосудительным, тем более воровством брать остатки угощений со стола в гостях; они даже куски мяса и рыбы уносят из-за стола домой и там делятся со своими членами семьи, не бывшими в гостях.

⁸⁸ О. Павел, будучи студентом Владивостокского Института, два раза посетил Корею и дал в вышеозначенной брошюре свой отзыв о корейцах.

⁸⁹ Не лишним считаем здесь отметить, что христианство в Корее появилось около 1784 г. Первыми проповедниками веры были сами же корейцы, принявшие учение от некоего И-сен-хунн, сына корейского посланника в Китае, который, будучи с отцом своим

в Пекине, принял веру от местных католических миссионеров и, прибыв на родину, начал проповедовать учение Христово среди своих сверстников. С течением времени, когда число верующих увеличилось, к ним стали проникать из того же Китая французские миссионеры. Пробирались они тайно, в платье простых кули (чернорабочих). Такая таинственность вызвана была тем, что Корея того времени являлась страной, въезд в которую иностранцам был запрещен под страхом смертной казни. Всякий, осмеливающийся проникнуть в страну, жестоко карался, особенно миссионеры, пытавшиеся насаждать чуждую для этого замкнутого народа веру. Однако, несмотря на все строгости запретов, христианство не только проникло туда, но и нашло не мало достойных последователей, что не могло укрыться от бдительного ока правительства, которое не замедлило начать жестокие гонения на приверженцев новой религии. Но это мало помогло делу. Христианство быстро распространялось по стране. Тогда власти решили окончательно ликвидировать христианское учение, и всех, кто подозревался в принадлежности к вере Христовой, приказано было предать огню и мечу; это касалось не только явных христиан, но и язычников, родственников христиан до седьмого поколения включительно. Народ гиб целыми тысячами. Мучители не щадили никого и ничего. Палачи еле успевали сечь головы мученикам на специально изготовленной для этого гильотине. Многих живыми зарывали в землю, иных варили в кипящих котлах или просто побивали камнями без суда и следствия. Имущество конфисковывалось правительством или расхищалось палачами. Гонения продолжались с теми или иными промежутками почти целое столетие, т.е. с 1784 по 1872 г., когда христианство официально было уже признано терпимым (только терпимым!) в Корее. За этот продолжительный период корейцы насчитывают до восьми больших и малых гонений, чередовавшихся одно за другим; но самыми лютыми и жестокими считаются последние два, бывшие при королеве-регентше Ким в 1839-1846 гг. и при принце регенте Тэ-вон-гуне в 1866-1870 гг. Насколько было жестоко последнее гонение, можно видеть из того, что за один 1870 г. было умерщвлено до 8 000 человек, не считая погибших от холода, голода и др. причин, приключившихся во время скитаний людей по горам и лесам страны. В числе прочих, мученически скончавшихся, известны в 1839 г. три и в 1866 г. семь французских миссионеров, из них три епископа: Имбер, Бернье и Давелуи и семь священников. Всего же погибших корейцев считают десятками тысяч. Некоторые из них,

как и скончавшиеся французские миссионеры, канонизированы уже римско-католической церковью.

⁹⁰ В настоящее время, со времени аннексирования Кореи японцами в 1910 г., христианам дана некоторая свобода вероисповедания в Корею.

⁹¹ Иеромонах Павел (Ивановский). Современное положение христианских миссий в Корею. Владивосток. 1904. С. 5-6.

⁹² Из постной триоди переведено незначительное количество песнопений, как-то: «Покаяния отверзи ми двери», «Помощник и покровитель», «Ныне силы небесныя» и молитва: «Господи и Владыко живота моего».

⁹³ В последствии к названным трудам присоединен перевод Литургии преждеосвященных даров, исполненный по китайским переводам священником о. Иваном Кан.

⁹⁴ Не печатались за отсутствием средств в Миссии.

⁹⁵ О. Иоанн Кан - житель Сеула; род в 1877 г.; учился в местной правительственной школе иностранных языков по русскому отделу в 1896-1903 гг.; в 1903 г. отправлен за счет Корейского Правительства в Россию для дополнительного образования, где и определен был в Курское реальное училище; в 1906 г. по требованию того же Правительства, не окончив образования, выбыл из училища и возвратился обратно в Корею; в том же году поступил на службу в Миссию в качестве переводчика и учителя школы; в 1907 г. принял святое крещение.

⁹⁶ А.Г. Ким - уроженец Сеула, родился в 1895 г., крестился в 1908 г.; учился в Миссии в 1907-1912 гг; поступил на службу в качестве псаломщика стана в 1914 г.

⁹⁷ Школу в дер. Мунь-сан-пхо не берем в общий итог школ, так как она с открытием других школ была закрыта.

⁹⁸ Такое многочисленное количество учителей объясняется тем, что по японским правилам школа должна иметь не менее 3-4 человек учителей, иначе она может быть закрыта из-за невозможности содержать должное число педагогов.

⁹⁹ Самым крупным жертвователем был Главнокомандующий маньчжурскими армиями генерал Линевич, пожертвовавший 10 000 руб.

¹⁰⁰ Подворье устроено было неудачно, в глухом, отдаленном от городского центра малонаселенном углу, куда молящиеся приходили в очень ограниченном количестве, притом исключительно в хорошую погоду.

¹⁰¹ В то время музыка и пение в Корее находилась в зачаточном состоянии.

¹⁰² В то время в Сеуле партесное пение было новинкой, так как во всех инославных миссиях поют в унисон, т.е. в один голос.

¹⁰³ М. Р. Ким - брат псаломщика в станах (ныне в Миссии) А.Г.Ким.

¹⁰⁴ В настоящее время М.Г. Ким состоит на службе в Советском Генеральном Консульстве в Сеуле в должности переводчика и «страха ради иудейска» ни он, ни жена его не посещают Миссию.

¹⁰⁵ Великая Княгиня Ольга Александровна - дочь Императора Александра III, младшая сестра Государя Императора Николая II.

¹⁰⁶ Тогда уже не Дипломатическая Миссия, а Генеральное Консульство. — Прим. авт.

¹⁰⁷ Дачное место «Седанка» расположено на берегу Амурского залива в 16 верстах от Владивостока, где находится резиденция Владивостокского епископа.

¹⁰⁸ То и другое посвящение состоялись во Владивостоке: первое - в кафедральном соборе 14 мая, второе — в Покровской кладбищенской церкви 16 мая. Посвящал Владыка архиепископ Евсевий (Никольский).

¹⁰⁹ В настоящее время, как мы слышали, о. Николай живет на Камчатке в качестве «охранителя» архиерейского имущества.

¹¹⁰ О. Кирилл после нескольких лет пребывания в монастыре, будучи уже в сане иеромонаха, заболел психическим расстройством и вскоре скончался. Кончина его, по воспоминаниям некоторых лиц, была трагическая. Он, как передавали нам очевидцы, полубосой и полунагой забрел в зимнюю пору в какую-то соседнюю с монастырем деревню и там, на огороде одного крестьянина замерз в декабре 1921 г. Мир праху и покой душе его! Редкой души был человек! Болезнь унаследовал от отца и ждал ее, как нам известно, с юных лет.

¹¹¹ Биографические данные см. сн. 95 на С. 235.

¹¹² Преосвященный Павел с принятием епископского сана, живя во Владивостоке, продолжал руководить Сеульской Миссией как прямой ее блюститель вплоть до своей кончины в 1919 г.

¹¹³ О. Иринарх - в миру Иван Симонович Шемановский, из дворян Новгородской губернии; родился в 1873 г.; учился в Императорском Гатчинском Сиротском Институте, курс которого окончил в 1892 г.; после института продолжал образование в последних двух классах Новгородской Духовной Семинарии специально по богос-

ловским наукам в 1895-1897 гг.; в 1897 г. принял монашество и посвящен в сан иеромонаха; в 1898 г. назначен в Обдорскую Миссию в качестве ее начальника; в 1905 г. возведен в сан игумена; в 1910 г. перемещен на должность епархиального миссионера Тверской епархии; в 1912 г. переведен в Царицынский Свято-Духов второклассный монастырь («Иллиодоровский») в качестве настоятеля с возведением в сан архимандрита; в том же 1912 г. получил назначение на вакантную должность начальника Миссии в Сеуле.

¹¹⁴ Называется так по озеру Иссык-куль, на берегу которого находится.

¹¹⁵ Музей передан по причине того, что среди вещей образовалась в невероятном количестве моль и показалась сырость, что со временем легко мог превратиться в полную непригодность, почему и решено было скорее передать его в более надежные руки.

¹¹⁶ О. Лука Ким - русско-подданный кореец, из села Тэ-зин-хэ, Приморской области, Никольско-Уссурийского уезда, Адиминской волости; родился в 1881 г.; крестился в 1886 г.; учился в Адиминской церковно-приходской школе в 1895-1897 гг.: продолжал образование в Сеульской правительственной школе иностранных языков по русскому отделу в 1898-1899 гг.; поступил на службу в Миссию в качестве учителя школы грамоты в 1906 г.; посвящен в сан диакона в 1913 г.; в сан священника - в 1924 г.

¹¹⁷ Биографические данные см. сн. на С. 220.

¹¹⁸ Мы лично всегда стояли и стоим за подчинение заграничных Миссий, всех без исключения, центральной церковной власти, без каких бы то ни было промежуточных инстанций.

¹¹⁹ П.А. Афанасьев - сын священника Курской епархии; род. в 1892 г.; учился в Белгородском Духовном училище и Курской Духовной Семинарии; курс последней окончил по второму разряду в 1913 г.; в том же году поставлен на должность псаломщика в одну из сельских церквей названной епархии, где проходил свои обязанности до конца 1914 г. В 1915 г. согласно прошения назначен на ту же должность в Духовную Миссию в Корею.

¹²⁰ Назначен исправляющим должность священника в один из полков Действующей армии на западном фронте.

¹²¹ В миру Павел Селецкий; сын протоиерея Волынской епархии, 37 л. от роду; учился в Житомирской Духовной Семинарии; жил некоторое время в числе братства Почаевской Лавры, где принял монашество и посвящен в сан иеромонаха; в 1913 г., прибыв во Владивосток, поступил в число студентов Восточного Института на

корейское отделение; в 1917 г. с окончанием курса в названном Институте назначен в Духовную Миссию в Корее в качестве завещующего.

¹²² С 1 июля 1917 г.

¹²³ Преосвященный, действительно, уезжал на некоторое время в Японию, но с благой для корейской Миссии целью. После мы лично слышали от него по поводу вышеозначенного следующее: «С отделением церкви от государства, - говорил владыка, - с японской Миссией правительство наше будет так или иначе считаться, хотя бы из политических расчетов, тогда как с корейской - никогда. Поэтому, чтобы сохранить Сеульскую Миссию, я принужден был сделать предложение о подчинении ее Токийской. Если Токийская Миссия возьмет под свое крыло нашу, то, бесспорно, она как одно с ней целое останется нерушимой».

¹²⁴ Св. Синод сложил свои полномочия в конце 1917 г.

¹²⁵ Про эту сцену нам лично рассказывал Самуил Ли.

¹²⁶ Некоторые корейцы, служащие в инославных Миссиях, не удовлетворяясь своим скромным положением проповедников-катехизаторов, требуют, чтобы уравнивали их в служебном и денежном отношении с европейскими миссионерами, т.е. предъявляют требования наравне с правомочными членами учреждений. Иные, не задумываясь, высказывают свои претензии даже через печать, почему-де они, корейцы, содержатся в «черном теле», почему им не дают тех же прав и преимуществ, что и «белым» миссионерам. Что сказать, что посоветовать таким господам? Единственно - построить такие же Миссии, какие имеют иностранцы и содержать их на свой счет, по своему личному усмотрению и разумению.

¹²⁷ Архимандрит Феодосий (в миру Федор Иванович Перевалов) - уроженец г. Уржума, Вятской губ.; род. в 1875 г.; учился в местных городских школах; в 1894 г. поступил в число послушников в пещеры Гефсиманского скита, что при Троице-Сергиевой Лавре; в 1897 г. зачислен указом »Духовного Собора» Лавры в тот же монастырь; в 1904 г., согласно воле Е.И.В. Великого Князя Сергея Александровича, командирован в Маньчжурию на театр военных действий в качестве псаломщика походной церкви имени Государя Императора Николая 11; в 1906 г. перешел на службу в Духовную Миссию в Корее в качестве регента и учителя пения; в 1908 г. принял монашество; в 1910 г. посвящен во иеродиакона и иеромонаха; в 1911 г. командирован во Владивосток для исполнения пастырских и законоучительских обязанностей в церковь-школу »Памя-

ти убиенных воинов», что на Маньчжурской улице; в 1913-1916 гг. состоял миссионером в одном из станов Владивостокской епархии; в 1916 г. определен судовым священником на крейсер 1 ранга «Орел» (Сибирский Флот), на котором и совершил два «ближних» и одно «дальнее» плавание до Индии включительно; в 1917 г. назначен в Корею в качестве заведующего Духовной Миссией; в 1920 г. утвержден на должность начальника названной Миссии; в 1923 г. возведен в сан архимандрита с оставлением при тех же обязанностях начальника Миссии.

¹²⁸ Архиепископу Евсевию и Епископу Павлу.

¹²⁹ Преосвященный Павел отбыл в Москву в начале января, а преосвященный Евсей (вторично) - в середине марта 1918 г. Первый — на всероссийский Церковный Собор, а второй - на годовую сессию Св. Синода; оба в качестве членов.

¹³⁰ Здание на отдаленном от Миссии участке, тогда пустовавшее. - *Прим. авт.*

¹³¹ Здание на отдаленном от Миссии участке, о котором уже упоминалось выше. - *Прим. авт.*

¹³² Святейший Патриарх Тихон поставлен на патриарший престол 21 ноября 1917 г.; 25 марта 1925 г.; погребен в Донском монастыре в Москве. - *Прим. авт.*

¹³³ Архив Духовной Миссии.

¹³⁴ Владыка архиепископ Евсей - в миру Евгений Иванович Никольский, сын священника Тульский епархии, род. в 1860 г., учился первоначально в родном селе, затем в Тульской Духовной Семинарии и Московской Духовной академии, курс последней окончил магистрантом в 1885 г.; в 1885-1893 гг. состоял в должности преподавателя Могилевской Духовной семинарии; в 1893 г. принял монашество, рукоположен во иеродиакона, иеромонаха и вслед за сим назначен членом Духовно-Цензурного комитета в С.-Петербург с возведением в сан архимандрита; в том же году переведен на должность ректора Иркутской Семинарии; в 1897 г. посвящен в сан епископа Киренского, викария Иркутской епархии; в 1898 г. назначен на самостоятельную кафедру епископа Благовещенского; в 1899 г. - Владивостокского; в 1917 г. принимал участие в работе Всероссийского Поместного Собора в Москве; в 1918 г. снова вызван в Москву на годовую сессию в качестве члена Св. Синода; в 1919 г. временно управлял Смоленской епархией; в 1920 г. назначен Наместником Патриаршего Престола в Москве с возведением в сан митрополита Крутицкого; в 1922 г. 18 января

мирно скончался в своей квартире на Троицком подворье в Москве; погребен в Ново-Девичьем монастыре в Москве. Покойный владыка отличался при жизни кротостью, незлобием, добротой к окружающим; в частной жизни был тих, скромн, доступный для всех и каждого; за свои заслуги имел все ордена до св. «Александра Невского» и, кроме того, бриллиантовый крест на клобуке. Вечная память да будет ему, благостному нашему архипастырю, владыке и отцу! Архиерейство его да помянет Господь Бог во царствии Своем!..

¹³⁵ Преосвящ. Павел, по слухам, бежал из Москвы от преследования коммунистов на юг, под покровительство генерала Деникина, воевавшего в то время с Добровольческой армией где-то вблизи Кавказа, и там получил назначение на кафедру епископа Аксайского, Донской епархии. Владыка пробирался в свой столичный город с большим трудом; на пути заболел тифом (второй раз) и, не доезжая до места назначения, мирно скончался в Екатерино-Лебяжском монастыре, Кубанской области, в 1919-1920 гг. Мир и покой его праху, Царство Небесное душе его! Прекрасный был человек: добрый, отзывчивый, незлопамятный и, главное, трудолюбивый. Миссию корейскую любил, как свое родное детище. Архиерейство его да помянет Господь Бог во царствии Своем!..

¹³⁶ Впоследствии три школьных строения (фанзовой постройки) были проданы за 325 иен, не столько от нужды, сколько из-за ветхости построек. Что касается других «второстепенных» строений и земельных участков, предназначенных к продаже, то последние оставались и остаются до сих пор (1925 г.) в полной неприкосновенности.

¹³⁷ С июня 1918 по декабрь 1919 г.

¹³⁸ В конце 1918 г.

¹³⁹ Епископ Троллоп неоднократно высказывал отцу Феодосию такого рода мысль: «Будут деньги — уплатите, не будут — требовать не стану... Я помогаю во имя братской любви, во имя христианского единения, как собрат во Христе, как ваш коллега... »

¹⁴⁰ В конце апреля 1920 г.

¹⁴¹ Архив Духовной Миссии.

¹⁴² Денежные суммы, на которые содержались русские дипломатическое и консульское представительство в Японии и Корее в 1918-1924 гг. находились в руках г. Миллера, проживающего в то время в Токио.

¹⁴³ Архив Духовной Миссии.

¹⁴⁴ От 10/23 августа 1922 г.

¹⁴⁵ Архив Духовной Миссии.

¹⁴⁶ Впоследствии (в 1924 и 1925 гг.), благодаря любезному содействию преосвящ. Сергия, архиепископа Японского, Д.И. Абрикосов выдал еще 1200 иен на тот же предмет по содержанию Миссии.

¹⁴⁷ Доход от жильцов, проживающих на другом от Миссии участке, так называемом «школьном», не принимается нами в расчет, так как он поступает всецело в пользу низших членов Миссии, как-то: священника и псаломщика.

¹⁴⁸ Школы закрыты в середине 1917 г.

¹⁴⁹ Катехизаторы уволены в первой половине 1917 г.

¹⁵⁰ Время и порядок богослужения практиковался тот же, что при архимандрите Павле.

¹⁵¹ Указ Владивостокского епархиального совета от 2 ноября 1920 г. за №8079.

¹⁵² Уволенный усиленно протестовал против распоряжения епархиального начальства, доказывая, что он как штатный член Миссии не мог быть уволенным, кроме как по распоряжению Св. Синода. Синод, по его словам, назначал его, и Синод мог уволить. Хотя это не совсем точно. Синод его не назначал, а назначило то же епархиальное начальство. Следовательно, базироваться на решении Синода, давно уж сложившего с себя полномочия, более чем не кстати.

¹⁵³ Указ Св. Синода в Москве от 4 ноября 1921 г. за №1571.

¹⁵⁴ Возведение в сан архимандрита совершено, согласно указу Владивостокского Епархиального совета от 20 января 1923 г. за №475, Преосвящ. Сергием, архиепископом Японским, в Токийском кафедральном соборе 5 марта 1923 г., т.е. как раз перед водворением «живой церкви» во Владивостоке, рассказавшей названный Совет и объявившей себя независимой от Патриарха 23 марта 1923 г.

¹⁵⁵ Не говорим России, потому что Россия осталась за верными церкви и родине людьми, которые не поклонились «красному звелю».

¹⁵⁶ Бывшим в то время управляющим Российским Генеральным Консульством в Сеуле. - *Прим. авт.*

¹⁵⁷ Архив Духовной Миссии.

¹⁵⁸ Какое совпадение! Жертвователю, безусловно, не знал о времени открытия Миссии и тем более о дне освящения церкви. Миссия открыта, как видели из очерка, 17 февраля и самое празднование

названной иконы совершается точно также 17 февраля. Это очень знаменательно!

¹⁵⁹ Означенную частицу св. Древа Креста Господня преосвящ.Сергий получил, как гласит надпись на кресте, от преосвящ. Иоанникия, митрополита Киевского и Галицкого, вручившего ему эту святыню при отъезде его в Японию в качестве миссионера в 1892 г.

¹⁶⁰ Кроме означенной митры, имелось еще две, довольно ценные, но обе взяты во временное пользование преосвящ. Павлом, епископом Н.-Уссурийским. Теперь, с кончиной Владыки, митры эти, конечно, утрачены для Миссии безвозвратно.

¹⁶¹ 20 декабря 1908 г.

¹⁶² В Покровском женском монастыре в Киеве в 1900 г.

¹⁶³ В сане Архиепископа Иркутского и Верхоленского в 1918 г.

¹⁶⁴ Из числа иностранных книг больше всего имеется: на корейском, китайском, японском; затем - английском, немецком и французском языках.

¹⁶⁵ Броненосец «Петропавловск», будучи флагманским судном, погиб со всем экипажем во главе с адмиралом Макаровым от подводной мины во время русско-японской войны в Порт-Артуре в 1904 г.

¹⁶⁶ Двоюродный брат Государя императора Николая II.

¹⁶⁷ В Харбине в 1924 г.

¹⁶⁸ Протоиерей о. И. Восторгов расстрелян большевиками в Москве 1 сентября 1918 г.

¹⁶⁹ Преосвящ. Сергей — ныне архиепископ Японский, преемник знаменитого Преосвященного Николая, Архиепископа Японского скончавшегося 3 февраля 1912 г.

¹⁷⁰ Означенные министры посетили Сеул ради свидания с Г.Г. Тэльбергом, бывш. Министром Омского правительства, проживавшим в то время со своей семьей в Миссии в качестве квартиранта.

¹⁷¹ Владыка архиепископ путешествовал в Харбин с целью сбора пожертвований во время землетрясения 19 августа /1 сентября 1923 г. в Токийскую Миссию.

¹⁷² Пожертвован драгоманом Генерального Консульства в Сеуле Н.С. Сенько-Буланым. Участок стоил самому жертвователю 600 иен.

¹⁷³ Пожертвован архимандритом Иринархом. Участок стоил жертвователю 400 иен.

¹⁷⁴ Число верующих приводится за 25-летний период, т.е. с 17 февраля 1900 по 17 февраля 1925 г.

¹⁷⁵ Статистические данные взяты из «Летописи Миссии» за 1925 г.

¹⁷⁶ «Обзор Кореи» за 1924 г., перевод с японского.

¹⁷⁷ В графе миссионеров вместе с иностранцами значатся туземцы-проповедники и миссионерки, где таковые имеются.

¹⁷⁸ «Обзор Кореи» за 1924 г., перевод с японского.

¹⁷⁹ В графе монахов значатся также и монахини корейско-буддистского учения, которых, кстати сказать, очень немного.